

Секция XVI. Русская языковая картина мира

Оплативность в категориальном пространстве языка

Е. В. Алтабаева

Мичуринский государственный педагогический институт

Желание, концепт, оплативность, когнитивно-дискурсивный подход

Summary. The category of Optativity is one of the major categories in categorial space of the language. Its cognitive foundation is a concept Desire. This concept is included in the sphere of person's inner world. The main goal of the report is the description of typological features and basic ways of Desire's representation by means of the category of Optativity.

Сущность и предназначение языковой категории оплативности заключается в реализации семантики желательности. Единицы этой категории эксплицируют в языке и речевой деятельности элементарный смысл желание как особое свойство языковой личности говорящего и как компонент национальной картины мира. Для осмысления ее сложной природы оказывается недостаточно накопленных научным опытом традиционных представлений, поэтому проблемное поле оплативности объективно вовлекается в контекст когнитивно-дискурсивной парадигмы. Целый ряд особенностей оплативности обуславливают интегрированное, комплексное рассмотрение проблемы в единстве функционального, антропоцентрического и когнитивного подходов.

Прежде всего, оплативность – универсальная категория интерпретирующего характера, в которой синтезируется комплекс коммуникативных интенций говорящего, с одной стороны, и система средств – репрезентантов желательной семантики, с другой. Единицы категории оплативности своим понятийным содержанием отражают сложнейшие процессы взаимодействия событий внешнего мира и реакций на эти события, происходящих в человеческом сознании в плане оценивания, «примеривания на себя» некоей ситуации как субъективного блага в связи с потребностью в данном объекте: *Скорей бы весна; Стать бы мне художником; Хочется танцевать; Покататься бы на лыжах; Сдать бы мне экзамен; Сходить бы в театр* и др.

Понятийно-когнитивную основу категории оплативности составляет ментальный концепт желание, представляющий в сознании говорящего категориальный смысл желательности осуществления действия говорящим: *Выспаться бы* – или субъектом ситуации: *Хочу (хочется, хотелось бы, имею желание и под.) выспаться*. Многоплановость представления этого концепта в сознании носителей языка детерминирует его многоаспектную репрезентацию в языке и речи.

В содержании КО синтезированы два типа знания говорящего об окружающей действительности – знание языковое и неязыковое. Для объективации этих типов знания в языке предусмотрены специальные формы и способы репрезентации, выявляемые и используемые в процессе категоризации. Когнитивно-дискурсивный подход к языку выдвигает «дополнительные аргументы, позволяющие ставить вопрос о необходимости установления недостающих звеньев (категорий и групп категорий) в существующих моделях системы семантических категорий русского языка» (Е. В. Клобуков), и дает возможность «установить, как репрезентирован мир в сознании человека и какие **форматы / структуры знания** можно выделить в представлении опыта взаимодействия человека со средой» (Е. С. Кубрякова).

Категория оплативности представляет собой систему организованных по ядерно-периферийному принципу разноразличных (морфологических, синтаксических, лексических, словообразовательных, просодических) языковых средств репрезентации желательной семантики, составляющей основное понятийное содержание концепта желание, являющегося, вне всякого сомнения, фундаментальным для языкового сознания.

В ментальном пространстве языковой личности картина человеческих желаний занимает одну из ведущих позиций, определяя отношения говорящего и социума. Мнение говорящего как результат взаимодействия его интеллектуальной и эмоциональной сфер оказывается решающим при выборе предмета желания и способа репрезентации желаемого события. Когнитивно-дискурсивный подход к изучению оплативности предполагает и доказывает существование специ-

альной когнитивной структуры, которая, обеспечивая хранение и использование знаний о действительности, отвечает за возникновение и формирование разнообразных желаний личности. Такой структурой и является концепт *желание* – ментально обусловленное образование с собственными философскими, логическими, психологическими и культурологическими основаниями.

Репрезентативную основу концепта *желание* составляют как специализированные (грамматические), так и неспециализированные (лексико-синтаксические, словообразовательные и др.) средства выражения желательной семантики. Взятые в совокупности, эти средства представляют собой полевую структуру, что соответствует пониманию оплативности как многоаспектной функционально-семантической категории, занимающей свое, особое место в категориальном пространстве языка.

Для функционирования единиц категории оплативности в языке релевантными являются следующие параметры: авторизация, адресация, потенциальность желания (осуществимость / неосуществимость), оценочность, степень необходимости реализации желания, степень интенсивности желания (градуированность). Эти параметры являются дифференциальными признаками оплативных предложений. Коммуникативная направленность этих предложений, в силу их полифункциональности и полисубъектности, интерпретируется неоднозначно.

Категориальная семантика оплативности получает грамматическую и / или лексико-синтаксическую интерпретацию в системе языка в пределах конкретного высказывания. Средства и формы передачи желательности объективны, поскольку заложены в языковой системе. Вместе с тем выбор этих средств и форм – прерогатива говорящего: в его распоряжении находится весьма значительная по объему и разветвленная система способов, предназначенных для выражения самых разных видов желаний. Эта система отличается ядерно-периферийной организацией, причем вопрос о том, какие показатели составляют ядро категории, а какие формируют ее периферию, пока остается дискуссионным. Так, на роль ядерного средства могут претендовать, как минимум, три показателя: формы глагольного наклонения (*Съел бы я конфету*), частица *бы*, взятая вне категории наклонения (*Кофейку бы сейчас...*) и глаголы типа *хотеть, желать* и под. (*Хочется съесть конфету, Желал бы я сейчас кофейку*). Иными словами, возникает вопрос о прототипических средствах категории оплативности. Ядерно-периферийный способ организации данной категории предполагает выделение частицы *бы* в качестве инвариантного показателя оплативности. Совместно с независимым инфинитивом *бы* образует особую аналитическую форму желательного наклонения, предназначенную для выражения грамматической оплативности и свидетельствующую о динамизме грамматической системы языка: *Встретиться бы нам поскорее; Отдохнуть бы* и т. п.

Многие формы представления оплативности являются результатом межкуглярного взаимодействия и составляют переходную зону между полями желательности и побудительности, желательности и возможности, желательности и необходимости, желательности и целесообразности.

Таким образом, когнитивно-дискурсивный подход дал возможность обратиться к исследованию желания на новой методологической основе, а именно: систематизировать все средства и способы репрезентации данной категориальной семантики в виде специальной речемыслительной категории желательности-оплативности, единицы которой активно функционируют в категориальном пространстве языка.

Идеографическое описание русской лексики как способ выявления базовых категорий и ключевых концептов

Л. Г. Бабенко

Уральский государственный университет им. А. М. Горького, Екатеринбург

Картина мира, концептуализация, категоризация

Summary. The report presents the results of ideographic description of Russian vocabulary that is used as the basis for identifying basic categories and key concepts of the national Russian picture of the world. The report shows that the principles of such description are conditioned by the semantic and grammatical nature of different classes of words: verbs, nouns, adjectives.

Категоризация и концептуализация как способы упорядочивания знаний о мире, с одной стороны, являются объективно присущими действительности, работе человеческого сознания, с другой стороны, они являются предметом научных изысканий когнитологов, в том числе лингвистов-когнитологов, стремящихся обнаружить совокупность категорий, являющихся основными компонентами языковой картины мира. Е. С. Кубрякова в качестве одной из причин, препятствующих успешному развитию когнитивной лингвистики в нашей стране, называет «отсутствие типологии представленных в языке категорий и их иерархии (без чего невозможно говорить о языковых картинах мира и совокупностях наиболее успешно представлений о строении и организации мира и в связи с чем поток работ о репрезентации отдельных концептов в том или ином языке лишается какой бы то ни было реальной ценности» [1, 30]. Постановка проблемы категоризации мира и решение ее на материале идеографических словарей не случайна, ибо сам принцип понятийного расположения лексики в них способствует выявлению лексического варианта языковой картины мира, его категоризации.

Главный принцип идеографических словарей – соотношение логических понятий со словесными группировками – объединяет все существующие сегодня словари, созданные на основе этого принципа. В то же время следует отметить, что сам набор выявленных базовых семантических категорий пересекается, но не совпадает в полном объеме в разных словарях, что обусловлено как объективными, так и субъективными причинами, основная из которых – различие методов выявления семантических групп слов и поиска базовых категорий, формирующих эти словесные группировки. Подходы могут быть самыми разными, противоположными: от общего понятия, формирующего семантические группы слов, – к выявлению и описанию состава этих групп, или, наоборот, от словаря, лексикона, рассматриваемого в разном объеме – к поиску общих понятий и базовых категорий, репрезентируемых различными семантическими группами слов. Различие подходов объясняет тот факт, что типология выявленных лексических множеств и, соответственно, категоризация мира в различных идеографических словарях не совпадает полностью. Мы в своей лексикографической практике (см. [2]–[5]) в первую очередь опирались на лексическую семантику слов при их идеографическом описании (второй подход).

Наша попытка идеографического описания лексических множеств разной семантико-грамматической природы (глаголов, существительных, прилагательных и синонимов), осуществленного авторами-составителями проблемной группы «Русский глагол», позволяет ставить для решения ряд теоретических проблем. Во-первых, становится возможной глобальная категоризация мира, данные о которой могут быть извлечены из этих словарей. Во-вторых, можно выявить общее и специфическое в словарном (лексикографическом) представлении различных семантических категорий, их места и роли в семантическом пространстве языка, в отображении частных фрагментов мира (процессуально-событийно-го, предметного и пр.).

Формат тезисов не позволяет в полном объеме привести систему всех категорий с учетом их внутренней иерархической организации, которые были выявлены в результате глобального идеографического описания основных грамматических классов русской лексики, представляющих в своей совокупности модель русской национальной картины мира. Далее мы приводим только перечень суперкатегорий, репрезентирующих лексическими средствами основные фрагменты картины мира:

I. НЕЖИВАЯ ПРИРОДА.

II. ВЕЩЕСТВА И МАТЕРИАЛЫ.

III. ЖИВАЯ ПРИРОДА.

IV. ЧЕЛОВЕК КАК ЖИВОЕ СУЩЕСТВО.

V. НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ.

VI. НАЦИИ.

VII. РОДСТВЕННЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

VIII. ЧЕЛОВЕК И ЕГО ВНУТРЕННИЙ МИР (Эмоции.

Оценка. Интеллект).

IX. ЯЗЫК, РЕЧЬ.

X. СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ.

XI. ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ СФЕРА. Государство и общественный порядок. Управление и власть. Политика. Экономика. Право. Наука. Образование. Религия. Искусство и культура. Средства массовой информации. Производство. Военная служба. Сельское хозяйство. Строительство. Медицина. Транспорт. Техника. Охота и рыболовство. Развлечения и увлечения. Спорт. Сфера обслуживания.

XII. КОНКРЕТНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Движение. Перемещение. Помещение. Физическое воздействие на объект. Отрицательное воздействие на любой объект и его результат. Созидательная деятельность. Субъектно-объектное взаимодействие.

XIII. СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА. Общие социальные понятия и категории. Социальные и межличностные отношения. Социальная деятельность. Трудовая деятельность. Человек в социуме.

XIV. ВОСПРИЯТИЕ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА. Предмет. Форма и структура. Зрительная картина мира. Звуковая картина мира. Обонятельная картина мира. Осязательная картина мира. Пространство. Время.

XV. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, СМЫСЛЫ И ОТНОШЕНИЯ.

Универсальные представления: Процессуальность (начало бытия; существование; прекращение бытия). Состояние. Сущность. Обстоятельства. Судьба.

Универсальные смыслы: Возможность / Невозможность. Значимость / незначимость. Возприимчивость / отрицательность / утвердительность. Интенсивность / экстенсивность. Необходимость / Случайность. Неопределенность / определенность. Неограниченность / Ограниченность. Обычность / исключительность. Обязательность / необязательность. Преимущество. Принадлежность. Равенство / Неравенство. Различие / сходство, тождество. Совокупность, совместность.

Универсальные отношения: Временная соотношенность. Градация. Ограниченность. Образ осуществления чего-либо. Причина. Противоположность, противоречие. Раздельность, очередность. Следствие. Сопоставление. Соответствие. Сравнение. Условие. Уступка. Цель.

Перечисленные выше суперкатегории включают в свой состав базовые категории, связанные с отображением частных фрагментов мира. В докладе типология выявленных нами категорий будет представлена более полно с учетом их иерархии, степени лексической разработанности и места в семантическом пространстве русского языка.

Литература

1. Кубрякова Е. С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-ов. Тамбов, 2006. С. 26–31.
2. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2005. 864 с.
3. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 1999. 704 с.
4. Экспериментальный синтаксический словарь: Русские глагольные предложения / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2002. 464 с.;
5. Большой толковый словарь русских синонимов: Идеографическое описание. Антонимы. Фразеологизмы / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко (в печати).

Элементы традиционности в современной русской языковой картине мира

Л. В. Балашова

Саратовский государственный университет

Метафора, языковая картина мира, культурная традиция

Summary. The elements of the traditionalism in the modern Russian picture of the world. The report comprises the analysis of different metaphorical fields in the Russian language. Some new metaphorical models are connected with the traditional cultural characteristics of the Russian nation as well as with its traditional specific perception of the world as a whole.

Язык является основным средством экспликации элементов концептуальной картины мира, передачи знаний и представлений человека о мире. Особую роль здесь играет метафора, которая в последние десятилетия рассматривается не только как средство номинации, но и как вербализованный способ мышления и познания. Однако язык не развивается абсолютно параллельно нашему сознанию. В частности, в современной языковой картине можно обнаружить остатки картин прошлых эпох (см., например: [1]). Поэтому исследователи часто подчеркивают, что объективную картину мира для определенного хронологического периода можно получить лишь в результате выявления неологизмов этого периода, а также изучения лексических подсистем, наиболее активно развивающихся в последние годы. К такого рода социально-групповым разновидностям языка относятся разговорная речь и жаргон (в частности, молодежный жаргон, компьютерный сленг и сленг военнослужащих).

Как показал анализ данных стратов, несмотря на обилие заимствований, их метафора является одним из самых продуктивных способов номинации, причем в основе формирования переносных значений лежат традиционные концептуальные модели, сложившиеся в русском языке в течение столетий ([1]). «Традиционность» современной языковой картины мира проявляется также в том, что источником метафоризации регулярно становятся слова, обозначающие реалии традиционного быта и традиционной культуры.

Так, и в разговорной речи, и в жаргоне активно используется лексика, связанная с патриархальным (прежде всего – крестьянским) укладом жизни. В частности, это могут быть наименования построек в крестьянской усадьбе и на территории, прилегающей к ней (*околица, майдан, хата, изба, сени, хлев, курятник, сарай, лабаз, банька, стойло, загон*).

Регулярно переносные значения развивают номинации традиционных артефактов, именуемых простейшие орудия труда, бытовые предметы, одежду, игрушки. Часть из них широко используются в любом доме (ср.: *веник, лопата, ведро, горшок, кувшин, матрешка, метла, молоток, наперсток, сапог, фартук*), другие встречаются преимущественно в деревенском быту (ср.: *жбан, квашня, колода, корыто, кочерга, бочка, самовар, дрова, телега, седло, дышло, хомут*). Некоторые из таких артефактов в начале XXI века воспринимаются уже как устаревшие или устаревающие (ср.: *керогаз, керосинка, гребенка, картуз, лапти, сарафан, табакерка, авоська, галоши, дерюга, лапсердак, бирюлька*). В метафорических системах разговорной речи и жаргонов встречаются номинации традиционных русских блюд, причем не только распространенных, но и экзотических для большинства современных жителей России (*блин, каша, квас, лапша, кулебяка, студень, брандахлыст, коврижка*).

Очень активно метафоризируются члены семантических полей, характеризующих традиционную хозяйственную деятельность. Самым востребованным среди них оказывается земледелие. Наиболее частоты номинации процессов выращивания зерновых и огородничества, лиц по роду деятельности, а также традиционных сельскохозяйственных орудий (ср.: *жать, косить, косарь, пахать, пахарь, молотить, молотьба, прополка, прополоть, сажать, насаждать, соха, серп, тяпка, плуговик*). Реже в процесс метафоризации включается соответствующая флористическая лексика (*солома, соломка, картошка, капуста, репа*). Животноводство

преимущественно представлено зоонимами, именуемыми домашними животными и птиц, типичных для русского крестьянского подворья (ср.: *коза, козел, козлик, корова, бык, бугай, свинья, баран, овца, конь, кляча, жеребец, лошадь, савраска, курица, клуша, петух, гусь*). Традиционная ремесленная деятельность представлена в основном номинациями простейших трудовых процессов и соответствующих орудий (ср.: *пилить, распиливать, рубить, порубить, тачка, кувалда, лом, напильник*).

Не менее регулярно в разговорной речи и жаргонах фиксируются номинации элементов традиционной культуры, в частности, народных музыкальных инструментов (*балалайка, гармошка, дудка, дудочка, бандура, волынка*); фольклорных образов (*кикимора, петрушка, емеля, али-баба, горыныч*). Наконец, достаточно регулярно метафоризируются социальные и культурные историзмы. К ним относятся номинации лиц, социальных институтов, зрелищных и развлекательных учреждений, средств передвижения и музыкальных инструментов, причем данные историзмы могут характеризовать средневековую Русь (*варяги*), Российскую империю (*коробейники, городской, гусар, гусарить, зубодер, купец, балаган, кабак, шарманка*), советский период (*совдеп, ревок, ударник, безлошадный, геопеушник, чекист, тачанка*). В процесс метафоризации вовлекаются наименованные утраченные денежные единицы, единицы меры и веса (*пуд, полпуда, пудовик, верста, алтын*).

Следует подчеркнуть, что традиционные номинации при переносе характеризуют реалии современного мира. Так, в компьютерном сленге фиксируются номинации: *блин* – «компьютерный диск», *керогаз* – «компьютер», *лапоть* – «символ @»; в сленге военнослужащих – *балалайка* – «фронтовой истребитель МиГ-21», *корыто* – «плавающий танк»; в молодежном жаргоне – *на кочерге* – «в состоянии алкогольного опьянения», *кулебяка* – «хороший автомобиль», *сарай* – «помещение для дискотеки».

Особенно показательно то, что создателями такого рода переносных наименований становятся молодые люди, проживающие преимущественно в современном российском городе. Следует, однако, отметить, что достаточно регулярное использование номинаций, связанных с традиционной культурой, еще не свидетельствует о том, что эта культура остается в полной мере частью жизни современного жителя мегаполиса. В большинстве случаев мотивация метафорического переноса связана с влиянием художественной (прежде всего – детской) литературы, русского фольклора, школьных курсов истории, а также экранизаций русских сказок и т. д. Как показало анкетирование, молодые люди, пользователи компьютерами далеко не всегда могут точно определить первичные значения многих «традиционных» слов, например, таких, как *алтын, бюрюля, керогаз, чуйка*. Вместе с тем сохранение единиц, характеризующих языковую картину прошлого, во многом патриархально-крестьянскую, свидетельствует о влиянии этой картины на современную, урбанистическую.

Литература

1. Балашова Л. В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX веков). Саратов, 1998.
2. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001.
3. Никитина Т. Г. Молодежный сленг: Толковый словарь. М., 2004.
4. Коровушкин В. П. Словарь русского военного жаргона. Екатеринбург, 2000.
5. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.

Этнокультурная обусловленность прагматической информации в семантике языкового знака

Е. В. Брысина

Волгоградский государственный педагогический университет

Язык, культура, этнос, прагматика, диалектная фраземика

Summary. In clause questions of interaction of language, culture and ethnos are considered, pays attention to ethnic features of the speech behavior caused by character of appreciation of a language sign and set of presuppositions.

Процесс дискурсивно-когнитивного отражения действительности может сопровождаться осознанным выражением субъективного отношения человека к действительности, выражением эмоций, оценок, желаний, воли. Аксиологический и волевой аспекты эмоционального мышления, предопределяя его двойную апелляцию при коммуникации – к эмоционально-волевой и интеллектуальной сферам психики адресата, детерминирует диалектическую взаимосвязь эмоционального мышления с другой разновидностью вербального общения, порожденной соответствующей важной потребностью человека как существа социального, – воздействовать на эмоционально-волевою и интеллектуальную сферу психики (посредством эмоционального убеждения, внушения, приказа и др.) с целью регуляции поведения других людей. Органическая взаимосвязь потребностей осуществления (оформления и выражения) эмоционального мышления и потребностей воздействия и регуляции человеческого поведения предопределяют соответствующую языковую функцию – *воздействующую, эмоционально-регулятивную – прагматическую*.

Являясь активным участником коммуникативного процесса, этнокультурная языковая личность сама определяет стратегию речевого поведения в дискурсе, основываясь на общности пресуппозиций отправителя и получателя речи.

В коммуникативной деятельности активно проявляется личность носителя языка, что сказывается в первую очередь на коммуникативном содержании текста. Путем определенной организации знакового материала текста, использования в нем тех или иных единиц косвенно-производной номинации в процессе общения осуществляется взаимодействие коммуникантов, моделируются и реализуются при помощи языковых знаков их цели и мотивы, эмоционально-оценочные установки, свойства характера, привычки, личностно окрашенные, культурно и этнически обусловленные эталоны поведения и т. п. В процессе подсознательного отбора языкового материала, необходимого для успешной реализации коммуникативных установок говорящего особым образом проявляются личностный и этнокультурный аспекты речевой деятельности.

Связь между языковым знаком и использующим его в процессе коммуникации человеком является сложной и многоаспектной: выбор той или иной языковой единицы из множества подобных для успешной реализации коммуникативных установок этнокультурной языковой личности в процессе общения является результатом деятельности этнического сознания и характеризует не только речевую ситуацию в целом, прагматическую направленность высказывания, но и обладает потенциальной способностью характеристики самого субъекта речи – его языковой компетенции, уровня образованности, степени и характера выраженности в его речевой культуре этнически обусловленных тенденций, общей ситуации знаковых предпочтений и т. п.

Этнокультурная обусловленность типа речевого поведения во многом определяется характером оценочности языкового знака и совокупностью пресуппозиций, обеспечивающих коммуникативную гармонию. Показательным примером этого может служить группа донских диалектных фразем (ДФЕ), характеризующих межличностные отношения. Выступающее в качестве пресуппозиции знание о свободолюбивом характере казаков, их изначальном стремлении к свободе и независимости, позволяет предположить наличие в донском диалекте определенного множества ФЕ, негативно оценивающих любое проявление насилия. Восприятие воли как личной независимости от желаний и волеизъявления других, неподчиненности, свободы личного выбора на-

ходит в диалектной фраземике достаточно широкое отражение, что, как нам представляется, обусловлено, во-первых, изменившимися условиями жизни, развитием новых межличностных отношений, опирающихся на новые культурные, экономические, социальные нормы внутри казачьего социума, и, во-вторых, с осознанием себя как отдельной личности, а не просто одного из многих (как это, возможно, было ранее), подчиняющегося воле единого организма – *Казачьего Круга*, который решал не только общественно значимые проблемы, но и распоряжался личной жизнью каждого казака.

Большинство ДФЕ указанного типа отражает жизненную ситуацию, поведение человека, направленное на подавление воли у контрагента. Все они являются реализацией базовой метафоры: *«отнять свободу воли – это значит лишить свободы действий»* (или же заметно ограничить эту свободу)», ср.: *водить на музук* ‘не позволять действовать по своему желанию’, *вырвать гусёк* ‘наказать, подчинить’, *подмять под себя* ‘подчинить своей воле’ и под. Метафора, положенная в основу данных фразем, как бы указывает на общий «стиль» мировидения, проявляющийся в отборе таких образных ситуаций, которые воспринимаются лингвокультурной общностью как стереотипные для выражения номинативного замысла «лишить своей воли». Многие ДФЕ отражают агрессивный тип поведения, когда проявление собственной воли неизбежно сопровождается подавлением воли другого: *гнуть дуги* из кого-л., *лишить притулку*, *вогнуть в свою колею*, *жевать жеймя*, *загнуть салазки*, *завернуть нос* и под. Образная основа большинства таких ДФЕ основана на типе телесного наказания.

Проявление своей воли может обнаруживаться не только в подавлении воли другого человека, но и в признании за собой права распоряжаться волей, свободой другого. В этом случае даже предоставление большей свободы другому тем не менее осознается как факт агрессивной воли, потому что подчеркивается зависимость свободы одного человека от воли и желания другого, ср.: *отпускать поводья (подруги)* ‘позволять кому-либо вести себя по своему желанию’, *дать поводок* ‘дать волю’ и др.

Среди диалектных фразем есть и такие, которые фиксируют добровольное подчинение чужой воле, правда, их немного: *пойти на повес головы* ‘повиниться, покориться’, *лапки сложить* ‘перестать сопротивляться, подчиниться чужой воле’, *дать себя подковать*, *отдать себя на измыву* – с тем же значением. Диапазон оценки в таких фраземах варьируется от сочувствия до резкого осуждения, когда речь идет о добровольном закабалении, что для сознания казака, человека «генетически вольного», оказывается совершенно неприемлемым.

Само концептуальное содержание «отнять свободу воли» оценивается в казачьей ментальности отрицательно. Можно предположить, что здесь на фоне коллективного представления казачества о том, что такое воля, свобода, выражается протест против порабощения личности. Такое негативное отношение связано скорее всего с архетипической по своей сути нравственно-религиозной установкой, согласно которой человек подвластен в первую очередь Богу и только затем уже родительской воле и воле другого человека, статусом выше его, но не «всякого». Именно с этим связано осуждение в данных фраземах того, кто посягает на волю другого человека, и одобрение поведения тех, кто такому порабощению сопротивляется.

Использование в речи той или иной диалектной фраземы определяется коммуникативной стратегией и несет в себе эксплицитно или имплицитно представленную в ее семантике этнокультурную информацию.

Стереотипная сочетаемость как отражение доминирующих связей языковой картины мира (к постановке проблемы)

С. Г. Букаренко

Таганрогский государственный педагогический институт

Стереотипная сочетаемость, языковая картина мира, ассоциативный эксперимент

Summary. In the present report a problem of dominant relations' research of the dynamic language picture of the world of the maximum type level on the basis of stereotype subject-predicate combination is setted. A possible way of solving on the basis of the material obtained by an associative experiment method is supposed.

Проблема исследования доминирующего в языковой картине мира становится одной из основных проблем современной лингвистики (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, В. Г. Гак, Анна А. Зализняк, В. В. Красных, И. Б. Левонтина, Е. В. Падучева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, Ю. С. Степанов, Е. В. Урысон, Н. В. Уфимцева, А. Д. Шмелев, Е. С. Яковлева и др.). Поэтому закономерно обращение к различным аспектам этой проблемы, в том числе и к рассмотрению системы доминирующих связей в языковой картине мира, поскольку и они национально отличительны: «Национальное своеобразие видится в наличии / отсутствии тех или иных концептов, их ценностной иерархии, системе связей и пр.» [1, 54 (выделено мною. – С. Б.)].

Языковая картина мира и система ее связей многоаспектна: тот или иной ракурс их зависит от установки рассмотрения отражаемой ими действительности, и прежде всего от выбора аспекта познания (статического или динамического, понимаемого в данном случае как модально-временного) и уровня обобщения (типизации).

Наименее исследованным является динамический аспект языковой картины мира и соответствующая ему система связей, выражаемая сочетаниями подлежащего (П) и сказуемого (СК). Также наименее исследованным является максимальный уровень значимой типизации отражаемой в языковой картине мира действительности – уровень мгновенной ассоциативной реакции: «Ассоциации могут сказать нам очень многое о тех неосознаваемых структурах, в которых мы мыслим окружающий нас мир» [2, 194]. На этот уровень может выйти только система доминирующих в языковой картине связей, в том числе и связей, выражаемых сочетанием П и СК. Эти сочетания П и СК отражают прочно зафиксированные в языковой памяти (пойманные в «ловушку» – А. Н. Леонтьев) связи в силу их особой значимости, а не в силу регулярной повторяемости. Действительно, трудно представить, чтобы носители русского языка постоянно говорили или слышали *Картина висит, Москва – столица, Небо голубое* и т. д. Но тем не менее при мгновенной направленной реакции (рецепиентам предлагалось сразу же добавить СК к называемым в быстром темпе словам / слово-сочетаниям-П – [3, 58]) возникают, как правило, именно они как наиболее значимые для перечисленных стимулов-П на заданном уровне типизации языковой картины мира. Поскольку такие сочетания П и СК обладают наибольшей степенью социализации, то можно считать, что они стереотипны и действительно отражают доминирующие связи русской языковой картины мира максимально типизированного уровня. Так, П-стимул *Стол* в 160 случаях из 196 мотивировало СК-реакцию *стоит*.

Для исследования интересующих связей нужна система стимулов – слов / словосочетаний-П, которая бы в идеале, во-первых, охватывала бы все фрагменты рассматриваемой картины мира (*Человек, Животное, Пространство, Время* и т. д., в том числе и надфрагментный уровень, обозначаемый местоимениями-существительными), и, во-вторых, представляла бы собою набор оппозиций, позволяющих вывить скрытую (имплицитную) часть сочетаемости главных членов предложения, функционирующую на данном уровне одновременно с открытой (эксплицитной). Например: оппозиция в пределах категории числа (П-стимул *Человек* и П-стимул *Люди*), родо-видовой категории (П-стимул *Время*

и П-стимул *Год*), категории собственности / нарицательности (П-стимул *Москва* и П-стимул *Город*) и т. д. Система таких оппозиций П-стимулов дает возможность обнаружить влияние того или иного значения рассматриваемой категории на качественно-количественные признаки мгновенно ассоциируемых СК-реакций.

Выявленная стереотипная сочетаемость П и СК позволила сделать определенные выводы об отражении с их помощью доминирующих связей языковой картины мира максимальной степени типизации.

1. В системе связей центральное место принадлежит связи *предмет – его действие* (такие случаи составляют 81,5% ассоциативного материала), причем чаще всего действие представлено глаголом-СК *идти*: *Человек идет, Дождь идет, Время идет, Война идет* и т. д. Существуют факторы, снижающие и повышающие степень вероятности установки на познание действия.

2. Принадлежность слова-П тому или иному фрагменту языковой действительности предопределяет установку на познание отличительных связей. Так, соматизмы-П преобладающе мотивируют глагол-СК *болит* (*Голова / Горло / Ухо* и т. д. *болит*), дистанционимы-П – причастия-СК *пройден / измерен* (*Расстояние / Километр / Путь* и т. д. *пройдено (-ен) / измерено (-ен)*);

3. Помимо дублирования значения *одной и той же* категории, обеспечивающего «техническую» сторону связи П и СК (*Время идет*: ед. число → ед. число), одновременно осуществляется, но не на уровне законов, а на уровне вероятности и прецедента (Ю. Д. Караулов, В. В. Красных и др.) значимая соотносительность значений *разноименных* категорий: *Время идет* (родовое слово-П → *несов. вид, наст. время* с вневременным значением глагола-СК) – *Год прошел* (видовое слово-П → *сов. вид, пр. время* глагола-СК). Соотносительность в пределах одной и той же категории и соотносительность разноименных категорий представляют собою проявление двух сторон единого сочетаемостного механизма П и СК – эксплицитной и имплицитной. Действие *эксплицитной* стороны механизма сочетаемости П и СК обладает силой закона; *имплицитной* же, проявляющейся при мгновенной реакции как отражение скрытых, но стереотипных предпочтений носителей русского языка, – вероятностной прогнозируемостью.

4. Экспериментально полученные данные о стереотипной сочетаемости П и СК и о скрытой стороне их сочетаемостного механизма представлены в виде синоптической вероятностно-прогнозирующей таблицы. Ее материал пока ограничен рамками 42 289 СК-реакций на 740 П-стимулов, находящихся в бинарных оппозициях (см. выше) по 21 аспекту.

5. Стереотипная сочетаемость П и СК, отражающая доминирующие связи языковой картины мира, позволяет, как представляется, познать высший уровень этой картины, фиксирующий максимально значимые (салиентные – Е. С. Кубрякова, Е. В. Рахилина) связи и их систему.

Литература

1. Зарубина Н. Д., Леонтьев А. А. О методике составления ассоциативного словаря // Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977.
2. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика. М., 2003.
3. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. М., 2004.

Предназначение, назначение, цель жизни, смысл жизни в языковой картине мира уникального носителя языкового сознания (по материалам Дневников Л. Н. Толстого)

Н. В. Величко

Черноморский филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Севастополь (Украина)
ru@msusevastopol.net

Картина мира, языковая картина мира, уникальный носитель языкового сознания

Summary. The given paper presents the In work reconstruction of the language picture of world that deals Leo Tolstoy's with concepts of *applicability, purpose, the purpose of life, meaning of life* based on his Diaries.

В современной лингвистике понятие языковой личности, раскрываемое в работах Ю. Н. Караулова, А. А. Леонтьева, Л. П. Крысина и др., связывается с понятием языкового сознания, картиной мира, языковой картиной мира.

Каждой языковой личности присущ свой языковой и социокультурный мир, своя система ценностей.

Мы постарались реконструировать фрагмент языковой картины мира, связанный с понятиями *предназначение, назначение, цель жизни, смысл жизни*, Л. Н. Толстого как уникального носителя языкового сознания. Материалом исследования были выбраны Дневники писателя, которые являющиеся значительной частью его литературного наследия и всей нашей национальной культуры.

Дневниковые тексты в силу глубоко личностного характера представляются благоприятным материалом для исследования способов экспликации индивидуальной картины мира языковой личности.

Л. Н. Толстой одним из главных вопросов человечества считал вопрос о смысле и цели жизни. *Смысл жизни, цель жизни* – мировоззренческие понятия, которые личностны и социальны, национально специфичны и общечеловечны.

По мнению Г. Е. Крейдлина, в лингвистике до нашего времени не было специальных работ, посвященных описанию слов и словосочетаний, имеющих смысл 'предназначение', тогда как, например, описания понятия 'цели', входящего в тот же круг универсальных сущностей, представлено весьма широко в лингвистических, логических и философских трудах. Объясняется это тем, что в языковом сознании человека смыслы 'цель', 'назначение', 'предназначение' часто отождествляются, хотя предназначение в его первичном значении: 'предопределенное свыше', близко к таким понятиям, как 'смысл существования', 'цель бытия' ([1, 430, 434]).

В Дневниках Л. Н. Толстой использует лексему **предназначение** очень редко: *Человек умирает тогда, когда выполняет свое предназначение*. Чаще употребляет **назначение**: *...жизнь в этом мире есть только исполнение известного назначения; назначение человека – благо*. В этот же ряд входят словосочетания **цель жизни, смысл жизни**. Часто Толстой не разделяет эти понятия, ставит их в один ряд: *...единственный смысл, цель жизни в улучшении того, что зависит от себя – своей души, то все это отпадает; ...цель жизни одна: быть соверш[енным], как Отец; делать то же, что Он, то, чего Он хочет от нас; Смысл жизни только один: самосовершенствование – улучшить свою душу*. И не случайно, на самом деле **цель жизни** выражает не целевое значение, как считалось ранее, а значение предназначения, как доказал Г. Е. Крейдлин: «Цель существования означает вовсе не цель, которой хотят достичь люди, а некий божественный замысел, который человеку предстоит реализовать или, увы, не реализовать» [1, 437].

Согласно религиозно-нравственному учению Л. Н. Толстого вся наша жизнь в искании Бога, поэтому понятие смысла и постановку целей жизни он определял с религиозной точки зрения: *Религия не есть то, во что верят люди, и наука – то, что изучают люди, – а религия то, что дает*

смысл жизни... И цель не должна быть освобождение, а цель – достижение лучш[ей] дух[овной] жизни – цель религиозная – общая...; Цель жизни в том, чтобы вызвать в себе Бога, кот[орый] хочет блага всем. ...Жизнь может быть в том, чтобы заглушить... Бога, или в том, чтобы вызвать его; ...А смысл может быть только один: исполнять волю Пославшего.

Очень часто **смысл жизни** открывается людям очень поздно: *Только смерть и послед[ние] минуты, часы, годы дают смысл жизни*; но тогда они способны понять смысл смерти и жизни после нее: *Только [если видеть] смысл своей жизни в исполнении воли Пославшего, получает смысл смерть и жизнь загробная*.

Л. Н. Толстой уверен, что каждый человек должен ставить перед собой **цель жизни**: *...человек придумывает себе цели, освещает себе это стремление, говорит себе, зачем он живет. Человек с рассудком не может не делать; понимать или пытаться определить смысл своей жизни: Жизнь, без понимания ее смысла, т. е. без религии есть то, что называется сумасшествием*. Человек, постигший **смысл** своей **жизни**, не боится ничего, даже смерти: *Жизнь есть стремление к соединению с началом всего, с Богом, так как же может быть страшна смерть для того, кто понимает истинный смысл жизни. Как же ему бояться того, в чем исполнение его стремлений...*

Рассуждая о **цели жизни**, Л. Н. Толстой в дневниковом тексте идет от полного отрицания: *Цель жизни недоступна человеку*; до попытки дать определение. В понимании Л. Н. Толстого **цель жизни** заключается не только в воспроизведении себе подобных, продолжении рода, служении людям, Богу: *...цель жизни есть так же мало воспроизведение себе подобных, продолжение рода, как и служение людям, так же мало и служение Богу, цель жизни, прежде всего, благо: Цель жизни благо...; радость: Жизнь не мож[ет] иметь другой цели, как благо, как радость. Только эта цель – радость – вполне достойна жизни; добро: Добро... есть цель жизни; любовь: Цель жизни есть (пермация) проникновение всех ее явлений любовью, есть медленное, постепенное претворение злой жизни в добрую, есть творчество истинной жизни, (п[отому] ч[то] истинная жизнь есть только жизнь любовная), есть рождение истинной, т. е. любовной жизни*.

Для себя Л. Н. Толстой определяет **цель жизни** как улучшение жизни и средство к достижению видит одно – улучшение себя: *Цель моей жи[зни], как и всякой: улучшение жизни; средство для этого одно: улучшение себя; Смысл жизни стал для меня только в служении. Спаси людей от греха и страданий*.

Таковы лишь некоторые штрихи к воссозданию языковой картины мира Л. Н. Толстого по текстам его Дневников.

Литература

1. Крейдлин Г. Е. К проблеме языкового анализа концептов «цель» vs. «предназначение» // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М., 2003:

Концепты Мужчина и Женщина в аспекте словообразования: диахронно-сопоставительный анализ

Р. М. Гайсина, Л. А. Линник

Башкирский государственный университет, Уфа

Оппозиция концептов Мужчина / Женщина в гендерном аспекте, семантическое пространство этимолого-словообразовательного гнезда в диахронно-сопоставительном аспекте, синергетика сопоставляемых концептов

Summary. Comparative description of the semantic field of wordbuilding families with the roots *muzh-* and *zhen-* as indicated in the dictionaries of different time frame sections (from the XI to XX cc.) allows to trace the interconnected formation of the substantial nucleus of the opposition pair of concepts *Muzhchina* (Man) and *Zhenshchina* (Woman) in Russian.

Синтез трех подходов – когнитивного, гендерного, синергетического – проявляется при анализе семантического развита оппозитивной пары концептов Мужчина и Женщина в их лексикографическом представлении в словарях разных временных срезов (от XI до XX вв.).

Изначально весь семантический груз по наименованию и характеристике лиц мужского и женского пола лежал на многозначных лексемах *муж* и *жена*. Слова *мужчина* и *женщина*, по свидетельству словарей, возникли лишь в XVI веке. С этого времени семантическое богатство этимологических корней распределилось между парами лексем *муж* / *жена* и *мужчина* / *женщина*, семантическое разобщение которых осуществилось по линии «семейная / несемейная сфера» (хотя в полисемии слов *муж* и *жена* отмечаются и «несемейные» значения).

Что же касается словообразовательных дериватов с этимологическими корнями *муж-* и *жен-*, то следует отметить их тесную семантическую спаянность, несмотря на то, что, по данным современных словообразовательных словарей ([1]), такие лексемы разнесены по семи словообразовательным гнездам с исходными словами *муж*, *мужать*, *мужество*, *мужик*, *мужчина* и *жена*, *женщина*. В семантическом отношении словообразовательные гнезда с элементами *муж-* и *жен-* обнаруживают сходства, обусловленные этимологическими значениями соответствующих корней, лексикализованных в словах *муж* и *жена*. Абсолютное большинство слов с корнями *муж-* и *жен-* обозначали в разные временные срезы и обозначают в настоящее время признаки не мужей и жен, а преимущественно мужчин и женщин. Семантическая спаянность словообразовательных гнезд с названными выше исходными словами позволяет говорить не о семи, а о двух комплексных словообразовательных (или этимолого-словообразовательных) гнездах с этимологическими корнями *муж-* и *жен-*.

В данной работе материалом семантического сопоставительного анализа служат деривационные поля лексем с этимологическими корнями *муж-* и *жен-* с учетом всех их семантических дериватов, возникших на разных этапах развития языка и отраженных в словарях XI–XX вв. Сопоставление позволило выявить в семантических пространствах обоих деривационных полей синергетически одинаково организованные оппозитивные семантические сферы, отражающие соотносительные (1), собственные (2), социально ориентированные (3) признаки лиц мужского / женского пола, а также признаки «особых», нетипичных их представителей (4).

1. В толкованиях лексико-семантических вариантов слов с корнями *муж-* и *жен-*, обозначающих соотносительные признаки лиц мужского / женского пола, акцентируются различные типы отношений – брачные (*муж* / *жена*, *женить*, *жениться*, *замуж*), эмоциональные (*женолюбец* / *мужелюбец*, *женоненавистник* / *мужененавистник*), подобия (*женовидный*, *женообразный*, *женонаправный* / *мужеподобный*, *мужеумная*, *мужемудреная*), пристрастные отношения к противоположному полу (*женонеистовый*, *женонеистовство*, *женовнимательный*, *женобесие* / *мужелюбница*, *мужелюбие*, *муженеистовство*), подчиненность мужа жене (*женопокорливый*, *женоугодливый*, *женоугодник*) и др.

2. Словарные толкования лексико-семантических вариантов, отражающих собственные признаки лиц мужского / женского пола, можно представить в обобщенной формули-

ровке «то, что свойственно, приличествует мужчине / женщине». Обращает на себя внимание то, что качества, приличествующие мужчине, в словарных толкованиях лексем с корнем *муж-* описываются весьма многогранно, подчеркиваются как внутренние, так и внешние его признаки – зрелость, сила, ум, храбрость, стойкость, мужественная осанка, величавость, могучесть (*мужемудрено*, *мужедоблестие*, *мужать*, *мужание*, *мужавость*, *мужеватость*, *мужество*, *мужественный*). Женские же качества в словарных толкованиях дериватов с корнем *жен-* (*женство* «совокупность свойств женщины», *женелепный*, *женственный*, *женственность*), как правило, не эксплицируются, в их описании словари преимущественно ограничиваются обобщающей формулировкой «то, что свойственно, приличествует женщине». Лишь в словарях XX века к обобщающей формулировке добавляются расшифровывающие (хотя и односторонне) характеристики типа «мягкий», «нежный», «изящный».

3. Социально ориентированные признаки лиц мужского пола в этимолого-деривационном поле не подвергаются лексикализации, а имплицитно в семантике дериватов, обозначающих собственные признаки мужчины. Так, из таких их личностных качеств, как отвага, доблесть, стойкость, храбрость и под., извлекается идея ориентированности мужчины на публичную социальную деятельность. Личностные же качества женщины (мягкость, нежность, уступчивость) свидетельствуют о семейной, частной сфере ее деятельности. На преимущественную семейную ориентированность лица женского пола указывает и фрагмент «способность рожать детей и кормить их грудью», представленный в некоторых словарях XX века в словарных толкованиях слова *женщина*. Выход социальной деятельности женщины за границы семьи, быта был отмечен в XIX веке дериватами *женоуправство*, *женовластие* со значением «начальствование женщины где-нибудь или чем-нибудь» и в XX веке появлением дериватов *женотдел*, *женотделка* «сотрудница женотдела», *женотделит* «руководит женотделом», *женорг*, *женкомиссия*, *женсовет*, *жен-делегатка*, объединенных общей идеей вовлеченности женщины в женские сферы социальной деятельности.

4. Семантическая сфера, отражающая признаки «особых» представителей лиц мужского пола, лексикализуется с помощью слов, обозначающих нетрадиционную ориентацию мужчин: *мужелудие*, *мужелегание*, *мужеложство*, *мужеприобщение*. Корни *муж-* и *жен-* во взаимном сочетании используются для обозначения двуполого существа и состояния двуполости: *мужежен*, *мужеженец*, *мужаков*, *женомужество*, *мужеженство*.

Таким образом, сопоставительное описание семантического пространства этимолого-словообразовательных гнезд с корнями *муж-* и *жен-* с учетом данных словарей разных временных срезов (с XI по XX вв.) позволяет проследить взаимосвязанное становление содержательных ядер оппозитивной пары концептов Мужчина и Женщина, а также гендерно отмеченную их дифференциацию в русском языковом сознании. История становления концептов Мужчина и Женщина отражает развитие гендерного взгляда на жизнь общества и социальные отношения.

Литература

1. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1990.

Динамика представлений молодежи о личной сфере и собственности по ассоциативным материалам*

В. Е. Гольдин

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
Ассоциации, семантика, молодежь, концепт, психолингвистика

Summary. The report covers the issues connected with the changes in the age perception of personal environment a property according to associative experiments.

Личная сфера определяется в докладе как множество явлений, о которых говорится *мой*, *моя*, *мое* или *мои*. С ней соотносятся сферы *нашего*, *твоего*, *вашего*, *их* (*его*, *ее*, *их*), *общего*, *чужого* и *ничейного*. Сфера личной собственности выступает подмножеством явлений личной сферы.

Представления о личной сфере и собственности являются важными фрагментами концептосферы молодежи, так как относятся ко всему воспринимаемому пространству и структурируют его. Они, несомненно, подвижны, и ассоциативные реакции фиксируют их динамику.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 05-04-04142а).

Анализ изменений представлений русских школьников о личной сфере и противопоставленных ей других жизненных сферах выполнен на материале электронной базы данных Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области объемом более 350 тыс. пар S → R.

Ассоциативный материал свидетельствует о том, что центром личной сферы в сознании современных российских школьников всех возрастных групп выступает, как и у взрослых, *дом*: это вторая по частоте реакция на стимул **мой** (первая – реакция *твой*), вторая по частоте реакция на стимул **твой** (первая – *мой*), вторая по частоте реакция на стимул **наш** (первая – *человек*), третья по частоте реакция на стимул **ваш** (первые две – *наш* и *мой*). С домом ассоциируются и представления об *общем*, *своем* и *родном*. При этом отношения S → R_{дом} и S_{дом} → R формально не симметричны, но близки по своему содержанию.

К личной сфере школьника, как показывает ассоциативный материал, относятся в его сознании друзья и родственники, домашние животные, части тела и различные атрибуты личности (имя, возраст, судьба, ум, мнения, чувства, походка и др.), личные и домашние вещи (игрушки, одежда и обувь, книги, школьные принадлежности).

Построенные раздельно на материале ответов мальчиков и девочек ассоциативные поля «мой» в основном совпадают, но в них отмечаются и некоторые особенности. Они кажутся, например, состава группы предметов, которые могут быть названы *моими*: велосипед, компьютер, телефон называют преимущественно мальчиками, учебник, дневник, пенал – преимущественно девочками.

Личная сфера пересекается с коллективной сферой *нашего*: существуют ассоциаты, во-первых, относящиеся только к *нашему* (имена естественных объектов – *природа, река*, имена крупных пространственных объектов – *область, Земля, вселенная*, номинации коллективных событий и отношений – *ссора, дружба, российский, русский*), во-вторых, относящиеся только к *моему* (*имя, личность, душа, сердце, жажда, девушка* и др.), в-третьих, ассоциаты области пересечения сфер *моего* и *нашего* (*класс, школа, село, фамилия, родина* и др.). При этом из слов-стимулов, выражающих содержание области пересечения указанных сфер, одни, например **родина, село**, чаще вызывают в качестве реакций формы лексемы *мой*, а другие (**класс, школа**) – формы лексемы *наш*.

К вопросу когнитивного понимания концепта

Т. В. Гоннова

Волгоградский государственный педагогический университет

Концепт, понятие, когнитивные единицы, ценностная значимость

Summary. The report is devoted to the question which is under discussion at present – a question of cognitive side of the concept. Author's opinion (opinion of linguist and culture investigator) does not always coincide with the point of view of some scholars on this question.

Концепты, как читаем в «Очерках по когнитивной лингвистике» З. Д. Поповой, И. А. Стернина, «формируются в сознании человека: 1) из его непосредственного сенсорного опыта – восприятия действительности органами чувств; 2) из непосредственных операций человека с предметами, из его предметной деятельности; 3) из мыслительных операций человека с другими, уже существующими в его сознании концептами – такие операции могут привести к возникновению новых концептов; 4) из языкового общения (концепт может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме, например, в процессе обучения, в образовательном процессе – ребенок спрашивает, что значит то или иное слово); 5) из самостоятельного познания значений языковых единиц, усваиваемых человеком (взрослый человек смотрит толкование неизвестного для него слова в словаре и через него знакомится с соответствующим концептом)».

Эти исследователи понимают концепт как когнитивную единицу: «Мы исходим из признания того факта, что человек мыслит концептами, комбинируя их и осуществляя в рамках концептов и их сочетаний глубинные предикации, формируя новые концепты в ходе мышления. Мышление есть оперирование концептами как глобальными единицами структурированного знания».

Как следует из этих рассуждений, концепт признается когнитивной единицей и как термин относится к области

Ничей (S_{ничей}) воспринимается школьниками как не имеющий хозяина, никому не нужный, брошенный или потерянный, то есть связывается в основном с понятием собственности, отсюда возможность овладения «ничьим»: *ничей* → «значит, мой», *ничей* → *надо забрать*, *ничей* → *теперь мой*. Кроме вещей, домашних животных и детей, которые могут оказаться ничьими (*мяч, кошелек, учебник, коробка, лампа, дом, котенок, пес, щенок, малыш, ребенок...*), в ряду *ничьих* отмечены и природные объекты *снег, песок, свет, звезда, муравейник*, в обычном случае никому не принадлежащие.

Часть ассоциаций дает основания предполагать, что быть *ничьим* означает для школьников не только не иметь хозяина (*свободный, сам по себе*), но и быть лишенным покровительства, помощи, заботы (*ничей* → *одиноким, брошенный, бездомный, уличный, беспризорный, бомж, сирота, дворняга, никчемный, не нужен никому, лишний, никто не возьмет, плохо*). Данный компонент ассоциативного значения представлен уже в ответах младших школьников, но гораздо сильнее – в ответах учеников средних и старших классов, что может быть связано с возрастной динамикой представлений школьников о себе и своем месте в группе.

Заметно различаются у школьников разных возрастных групп ассоциации, связанные с личной сферой. Поскольку эти возрастные изменения имеют закономерный характер, то можно говорить не только о различиях, но и о тенденциях, о возрастной динамике ассоциативного поля личной сферы. Она заключается прежде всего в том, что с переходом школьников из младших групп в старшие в ассоциативном поле личной сферы постоянно возрастает доля реакций, однозначно выражающих идею собственности. В ответах учеников I–IV кл. на стимул **мой** она равна 8,46%, у учеников V–VI кл. – 11,38%, у семиклассников и восьмиклассников – 12,29%, а у учеников IX–XI кл. реакции *собственность, собственный, принадлежит, не отдам, всё моё, моё собственное, и ничей больше, моё!!!, только мой* и под. составляют более 20% их ответов.

Представления школьников, связанные с личной сферой, проявляются и в ассоциативных полях ряда глагольных стимулов (*взять, отдать, получить, найти, потерять* и др.). Особенности их наполнения координируют с выявленными тенденциями динамики представлений школьников о личной сфере.

когнитивной лингвистики. Можно сделать вывод, что сегодня существует четко выраженное когнитивное понимание концепта. Заметим, что не все исследователи рассматривают концепт исключительно в рамках когнитивной лингвистики. Так, в исследованиях Ю. С. Степанова мы останавливаемся на таком рассуждении: «Концепт – это как бы ступонок *культуры* в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее <...> Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов 1997. – Курсив наш. – Т. Г.]. Как следует из сказанного, концепт, во-первых, признается ментальной единицей и, во-вторых, он всегда связан с *культурой*.

В «Словаре концептов русской культуры» Ю. С. Степанов указывает, что концепты – это *устойчивые* понятия культуры, т. е. к ним относится не всякое понятие. Он называет такие концепты, как «Вечность», «Закон», «Беззаконие», «Страх», «Слово», «Любовь», «Вера». «Давно замечено, что количество их невелико, около четырех-пяти десятков» [Степанов 1997]. Этот подход к изучению концептов можно назвать лингвокультурологическим.

Другие исследователи, разделяя в целом определение концепта Ю. С. Степановым, несколько расширяют и уточ-

няют его: «Концепты являются первичными культурными образованиями, транслируемыми в различные сферы бытия человека, в частности в сферы преимущественно понятийного (наука), преимущественно образного (искусство) и преимущественно деятельностного (обыденная жизнь) мира» [Карасик 1996. – Курсив наш. – Т. Г.).

Д. С. Лихачев считает, что «концепты возникают в сознании человека не только как «намёки на возможные значения», «алгебраическое их выражение», но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом – поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т. д.» [Лихачев 1997].

Когнитивное же понимание концепта имеет, по нашему мнению, ряд недостатков. Если следовать трактовке концепта, предлагаемой З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, то трудно увидеть различие между концептом и другими ментальными образованиями, напр., понятием, представлением. В этом случае возникает вопрос о целесообразности введения в научный оборот самого термина «концепт». По мнению этих ученых, «человек мыслит не на национальном языке, а средствами универсального предметного кода мозга», «концепты выступают своеобразными кирпичиками, элементами в его мыслительном процессе, из них складываются комплексные концептуальные картины в процессе мышления». В своей работе ученые высказывают суждение о том, что концепты могут быть актуальными и неактуальными, релевантными и нерелевантными. Мы не разделяем данную концепцию по следующим причинам. Во-первых, предлагаемое определение можно дать и термину «понятие». «Кирпичиками» в мыслительном процессе человека, на наш взгляд, выступают не концепты, а иные когнитивные единицы – представления и понятия. Во-вторых, мы не можем согласиться с утверждением о том, что родной национальный язык не влияет на мыслительные процессы человека, его восприятие мира, трактовку действительности. Естественно, что люди мыслят «средствами универсального предметного кода», но это еще не значит, что их национальный язык оказывается выключенным из мыслительного процесса. Язы-

ковые категории в той или иной степени направляют мыслительные процессы, осуществляемые в мозгу говорящего. В-третьих, трудно согласиться с мнением о том, что концепты бывают актуальными и неактуальными, релевантными и нерелевантными. Мы считаем, что данная характеристика концептов не может быть признана правомерной, поскольку концепт – это то понятие, которое релевантно, ценностно значимо для говорящего этноколлектива (или даже этнической группы) на том или ином этапе его развития. Одним из критериев концепта является его ценностная значимость для языкового коллектива. Так, например, понятия оброка и барщины были в прошлом социально релевантными, актуальными для российского социума, их можно считать концептами прошлой российской действительности. В настоящее же время они – исторические понятия, но вряд ли концепты. Для России 90-х годов XX века актуальным было, напр., понятие «новый русский». Мы считаем, что это концепт (достаточно вспомнить многочисленные анекдоты, вербально фиксирующие этот феномен). Статус прецедентности того или иного явления – это один из показателей концепта.

Итак, концепт в нашем понимании – это не просто когнитивная структура (подобно представлению, понятию, фрейму), а мыслительная единица, обогащенная ценностными признаками. В этом плане представляется оправданным предложить иную классификацию концептов, в основание которой положен критерий внутренней либо внешней оценки. Те концепты, которые содержат внутреннюю оценку, можно отнести к регулятивным (напр., «труд», «подвиг», «счастье»). Наряду с регулятивными существуют параметрические концепты, в которых нет внутренней оценки, но которые представляют собой своеобразную сетку координат для внешней оценочной квалификации (напр., «возраст», «статус», «время», «пространство»). Регулятивные концепты содержат нормы поведения, свойственные определенному социуму. Именно этот тип концептов прямо связан с доминантами культуры. Параметрические концепты связаны с доминантами культуры опосредованно.

Атрибутивно-локативная модель русского языка как средство концептуализации свойств вещного пространства

Л. И. Горбунова

Иркутский государственный университет

ludgorbunova@mail.ru

Свойства пространства, семантика, атрибутивно-локативная модель, словообразовательные механизмы

Summary. In this article the properties of space, which are reflected by attribute-locative model of Russian, are studied, their specificity are come to light. The role of the word-formation mechanism in interpretation of a language variant of space is described.

Изученная нами группа адеквативов суффиксально-префиксальной структуры (*надводный, внеклеточный, околоземный* и т. п.) может быть отнесена к средствам, отображающим вещное пространство как специфическую разновидность перцептуального пространства, которое проявляет черты антропоцентричности и дейктичности. В этих свойствах пространства, концептуализируемого с помощью атрибутивно-локативной модели, и состоит его особенность по сравнению с реальным пространством.

Языковые средства способны передать все свойства реального вещного пространства: протяженность, трехмерность, структурированность, континуальность и дискретность. Разграничение реального и языкового пространства идет по линии способов восприятия и описания этих свойств, которые отражены через атрибутивную пространственную модель как относительные, обусловленные фигурой наблюдателя и представлениями о человеке как эталоне, по которому ориентируется оценка всех описываемых объектов.

Протяженность пространства в изученной языковой модели представлена как взаимодействие симметрично расположенных объектов. Эти объекты, обозначенные производящими, в результате функционирования словообразовательных моделей включаются в ряды многократных и многообразных противопоставлений, систем (*надводный – подводный, забайкальский – прибайкальский, заполярный – предпо-*

лярный), хотя в действительности предметы могут не взаимодействовать.

Понятие протяженности любой системы логически связано с понятием расстояния. Однако значение прилагательного не содержит информации о расстоянии между объектами, включенными в одну систему. Значение 'расположенный близко' лишь приписывается некоторым приставкам или отдельным значениям. Информация о расстоянии, на котором находятся объекты, извлекается из знания общей картины мира. Расстояние относительно, и его оценка как далекого или близкого производится в зависимости от контекстных условий и соотнесения с возможностями перцептивного аппарата человека. Приставки же в таких случаях лишь структурируют пространство (*околоушный – околопланетный, припарниковый – приэкваториальный*).

Трехмерное геометрическое пространство в языке представлено как сосуществование объектов в двух плоскостях: горизонтальной и вертикальной. Для отражения локализации в вертикальной плоскости используются специальные словообразовательные средства (префиксы *под-, над-, суб-*), что еще раз подтверждает вывод о том, что вертикальное измерение является центральным с точки зрения носителя языка. Для получения информации о горизонтальном расположении предметов подключаются знания о картине мира. Ориентация в горизонтальной или вертикальной плоскости задается относительно объекта, названного производящим,

что особенно ярко проявляется в прилагательных, образованных по одной модели (*забалканский – заоблачный, напольный – настенный, междуручный – межэтажный*).

Единство поля и вещества современная наука понимает как единство прерывности и непрерывности пространства. Для перцептуального пространства как пространства, представленного только вещами, постулат о непрерывности должен быть неприемлем: там, где есть вещи, пространство протяженно, непрерывно, где нет вещей – разрыв. Однако анализ семантики и функционирования языковых средств показал, что для языка также можно сформулировать вторую антиномию пространства. Она состоит, во-первых, в наличии моделей, одни из которых описывают предметы как сопостранственные (*внутриклеточный, трансокеанский*), другие как непространственные (*внеплощадочный, заборный*). Во-вторых, на более высоком уровне абстракции антиномия состоит в единстве и противоречии, существующем между словообразовательными моделями как языковыми средствами, позволяющими отразить все способы локализации объектов, и неполной реализацией этих моделей. Незаполнение некоторых валентностей производящего может быть истолковано как разрыв. Наличие этих разрывов объясняется взаимодействием лингвистических и экстралингвистических факторов, а возможность заполнения нереализованных валентностей производящего придает группе изученных адъективов статус открытого класса.

Структура фрагментов геометрического пространства, описываемого с помощью атрибутивно-локативной модели, находится в тесной связи с его протяженностью, т. к. отражается, как правило, попутно, теми же словообразовательными средствами, что и протяженность, и тем самым отесняется на периферию, вычлняясь только на фоне представлений о протяженности. Именно в таких взаимоотношениях между протяженностью и структурностью состоит еще одно отличие пространства, описываемого в науке и концептуализируемого в языке: взаимодействие и взаимообусловленность элементов системы и ее структуры, постулируемая наукой, в языковой картине мира модифицируется в атрибу-

тивность структуры по отношению к другим свойствам пространства.

Роль репрезентатора знаний человека о естественном положении вещей играет производящее. В нем актуализируются разные способы представления вещи, которая может быть концептуализирована как плоскость, линия, объем, фасадно ориентированный объект, и тем самым включена в разные пространственные системы. Именно производящее задает центр стабильных подпространств, на которые с помощью прилагательных разбивается пространство. Работа слова в качестве производящего в атрибутивно-локативной модели проявляет разные оцениваемые свойства предмета, названного в прилагательном. В этом смысле на первый план в семантике производящего выступают значения, отражающие прагматически ценные в той или иной ситуации свойства объекта. В любой системе, заданной производящим, эти свойства носят черты антропоцентричности и антропометричности.

В интерпретации пространственной семантики работу словообразовательного механизма обеспечивает специализированный суффиксально-префиксальный формант, наличие которого в языке делает возможной квалификацию производных, образованных с участием этих словообразовательных средств, как пространственной языковой модели.

Называя производящее и формант в качестве двух необходимых составляющих работы словообразовательного механизма, самым языком предназначенных для выражения пространственной семантики (а значит, достаточных), мы должны подчеркнуть, что в роли специфического языкового средства концептуализации пространственной семантики отсубстантивные суффиксально-префиксальные прилагательные могут выступить только при условии семантического взаимодействия производящего и форманта. В этом континуально-дискретном сосуществовании словообразовательных средств кроется и сама возможность разного рода модификаций пространственной семантики от способности отразить все свойства вещного пространства до метафорического осмысления пространственной семантики.

Коннотативная оппозитивность в современном русском языке

В. В. Дементьев

Саратовский государственный университет

Современный русский язык, нравственная оценочность, оппозитивность

Summary. The connotative oppositeness in modern Russian. Many linguists suppose that the ethical evaluation is significant for the Russian language. However, modern Russian has altered: the ethical evaluation has become less differentiated. Besides, many connotative structures have been retained in modern Russian. It is emphasised, among other things, that the oppositive mechanisms of evaluation still have special significance.

Многими лингвистами отмечается, что для русского языка существенной является этическая оценка, выражаемая средствами лексики и грамматики ([1], [4]).

Однако складывается впечатление, что многие рассуждения о русской любви к нравственной оценке, к разговорам на такие темы, якобы прямо вытекающей из обширной системы нравственно оценочных слов в русском языке, основываются на классической русской литературе XIX века (и раньше), но не на современной речи и языке.

Действительно, у Достоевского и других писателей его эпохи, рассуждающих о нравственных проблемах, нравственные оценки выносятся люди, рассуждающие о чести и долге, мотивах поступков и нравственном выборе – в произведениях Достоевского таких героев очень много. Выносят, рассуждая о человечестве вообще, о русских, о поколениях, обвиняют других, часто себя, например:

Я стыдился (даже, может быть, и теперь стыжусь); до того доходил, что ощущал какое-то тайное, ненормальное, подленькое наслаждение возвращаться, бывало, в иную гадчайшую петербургскую ночь к себе в угол и усиленно сознавать, что вот и сегодня сделал опять гадость, что сделанного опять-таки никак не воротить, и внутренно, тайно, грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась, наконец, в какую-то позорную, проклятую сладость и, наконец, – в решительное, серьезное наслаждение! (Записки из подполья).

Однако в современной русской речи и языке произошел целый ряд изменений. На примере лексемы *подлый* хорошо видно, что, с одной стороны, нравственная оценка становится менее дифференцированной: уходят *подленький* и *подлейший*, с другой стороны, *подлый* теперь чаще всего используется в предикативном значении как нравственная оценка человека в целом (*Х подлый*) и гораздо реже – как оценка отдельных поступков, мыслей (*подлая мысль* – выражение, редко встречающееся в современной русской речи); наконец, совсем не подвергается нравственной оценке сфера бессознательных непосредственных побуждений, мотивов, чувств, т. е. наиболее естественных качеств, присущих человеку (выражения *подлейший инстинкт*, *подлый мотив*, *подленькая привычка* звучат уже совершенно не по-русски, хотя относятся к частотным в речи персонажей Достоевского).

Несмотря на изменения, в современном русском языке сохраняются многие коннотативные структуры.

Так, в русском языке и речи сохраняется **оппозитивность** в суждениях и оценках. Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский ([3]) усматривают ее историко-культурные истоки в том, что в православии отсутствует понятие чистилища, очень важное для западной, католической культуры, и что в связи с этим жизнь на земле тоже представляется или как грешная, или как святая, без промежуточной зоны.

Думается, популярность сатирических монологов М. Н. Задорнова у русской аудитории (несмотря на то, что жестоко

высмеиваются многие качества именно русского человека) вызвана тем, что система оценок сатирика абсолютно оппозитивна.

Даже первичный анализ показывает, что сатириком облюбован почти всегда один и тот же бинарный механизм комического обыгрывания: сатирическое отрицание некоторого явления (как показывает материал, чаще всего мишенью сатирика, т. е. первым членом оппозиции, становится духовная и интеллектуальная деградация) на фоне второго члена оппозиции.

Рассмотрим только одну бинарную оппозицию: «наши» (русские, советские) ~ «не наши» (западный мир, который чаще всего представлен образом американцев). В разных монологах, относящихся к разным периодам творчества сатирика и разным историческим этапам развития России (СССР), данная оппозиция удивительно устойчива, хотя ее конкретные члены могут меняться, проявляться по-разному:

Первая оппозиция реализуется прежде всего в творчестве советского (в том числе перестроечного) периода. «Наши» противопоставлены «не нашим» следующим образом: «наши» предстают как люди, опутанные паутиной официальной лживой, агрессивной, атеистической и абсурдной идеологии, плохо и бедно живущие, не имеющие качественных продуктов, техники и т. д. и не умеющие ими пользоваться и по этой причине переживающие духовную и интеллектуальную деградацию. «Не наши» предстают в виде довольно абстрактного цивилизованного и комфортно мира, живущего в соответствии с «общечеловеческими ценностями».

Вторая оппозиция характерна, прежде всего, для творчества раннего послесоветского (постперестроечного) периода. «Наши» предстают как люди нецивилизованные, по этой причине иногда агрессивные, пьяные и вороватые, но в то же время носители «соображалки», необходимой для выживания в нечеловеческих условиях, и высокой истинной духовной культуры. «Не наши» (чаще всего американцы) здесь тупые, мыслящие узко и прямолинейно, «компьютерные», воспринимающие мир как телевизионное шоу, лишённые чувства юмора, самодовольные без малейших на то оснований, ведущие сверхкомфортный образ жизни, по-настоящему не верящие в Бога, разделяющие потребитель-

скую и абсолютно безнравственную идеологию и оттого пришедшие к духовной и интеллектуальной деградации.

Третья оппозиция характерна для творчества современного периода. «Наши» предстают как «старые» русские; их характеристика в основном совпадает с характеристикой русских в типе 2; главный акцент делается на высокой духовности и качественном образовании в позднем СССР / России. «Не наши» здесь – американизированные российские обыватели, перенимающие новые традиции, которые приводят к духовному опустошению и зомбированию людей, разрушению старой культуры, старой системы образования, межличностных отношений и самого русского языка. В данном случае духовная и интеллектуальная деградация ожидает уже россиян, особенно молодых, которые не читают книг, не слушают хорошую музыку, будучи оболванены телевидением, рекламой, Интернетом, идиотскими текстами эстрадных песен, исполняемых «шоу-звездешками».

Показательно, что оппозитивный механизм комического обыгрывания у Задорнова сохраняется и применительно к самим американцам. Так, в монологах об Америке иногда находим противопоставление «старой» Америки (здесь представление о ней носит несколько романтический и абстрактный характер и напоминает в этом отношении туманный «западный мир вообще» в доперестроечных монологах) как страны добрых хижин дяди Тома, персонажей Марка Твена и Хемингуэя – и толпы современных американских обывателей.

В западных культурах (например, английской), русской оппозитивной оценочности соответствует иная, «шкальная» или «континуальная» оценочность. Показательно мнение А. Вежицкой, которая находит отсутствие оппозитивности в английском языке даже при оценке *правды* ([2, 13]).

Литература

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1.
2. Вежицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. № 2 (4). М., 2002.
3. Лотман М. Ю., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. 1.
4. Орлова Н. В. Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка). Омск, 2005.

Русское купи-продай и миф потребительства в когнитивном измерении

В. А. Долинский

Московский государственный лингвистический университет

Деньги, потребление, «купи-продай», когнитивизм, языковая картина мира

Summary. The issue deals with the conceptual sphere of buying / selling and investigate the illusion of consumerism as it is manifested in modern Russian discourse.

«Нестыжательная» система ценностей, в которой бесплатная услуга старику, больному считается нормой, противостоит иному отношению к деньгам, считающему подобную услугу странностью или глупостью. Подарить или продать, помочь ближнему или подкупить конкурента, – несомнимые и, в то же время, сосуществующие когнитивные модели. Одна основана на солидарности и любви, другая – на эгоизме и принуждении.

Согласно одной из них, *купить* и *продать* – приобрести или отдать за деньги при торговой сделке. Согласно другой, *купить* – подкупить, привлечь на свою сторону посредством подкупа, взятки; (жарг.) обмануть, спровоцировать, разыграть; *купиться* (жарг.) – обмануться; стать жертвой обмана, провокации, розыгрыша; *продать* – совершить предательство, измену из корыстных побуждений, предать; *продаться* – бесчестно перейти на сторону противника, совершить предательство, изменить; *продажный* – такой, которого можно подкупить, который ради денег, выгоды готов на бесчестные поступки. *Коррупция* (от лат. *corruptio* – подкуп, порча; франц. *corruption* – разложение, развращение) – подкуп взятками, подкупность, продажность должностных лиц, общественных и политических деятелей, «полное безразличие индивида к общественной пользе и солидарности исключительно во имя личной выгоды» [2, 59].

Н. С. Лесков писал: «Вспомним одно, что в целом мире ни у какого народа нет такой эпопеи обмана, как “Мертвые души”, и не забудем характерного замечания того англича-484

нина, который, по прочтении поэмы Гоголя, сказал, что “этот народ непобедим”, ибо такой плут, как Чичиков, ни в каком другом народе не мог родиться» [6, 30].

Буржуазность всегда понималась в России как духовное мешанство и с презрением отвергалась. Мещанин не способен к «прорыву в вечность», его вера в силу вещей мира сего носит поистине идолопоклоннический характер ([9, 50]). И не только имущество, мир вещей, является объектом, но и сам «владелец» оказывается в таком же положении: вещи владеют своим владельцем, его идентичность, его статус зависит от них. Купля-продажа – принцип оценки и на товарном рынке, и на личном: на первом на продажу предлагаются товары, на втором – личности.

Мечта о Беловодии и граде Китеже была действительно общерусская идея. «Противостояние Китежа и Петербурга предопределило духовные импульсы революции... Антикапитализм в России имеет не пролетарское, а благородное происхождение – аристократическое презрение к буржуазным торгашам. Социализм в России возник не из зависти неимущих, а из стыда имущих» [9, 137, 224].

В лучшие годы советской власти заботы о личном материальном благополучии считались постыдными. Русское нестыжательство безжалостно эксплуатировалось советской идеологией. Внедрение идеи капитализации России явилось результатом того, что большевистская «номенклатура» встала на путь превращения государственно-общественной собственности в свою частную собственность. Язык, на котором от-

давались приказы о ликвидации миллионов «кулаков», и язык, на котором издаются законы о «монетизации» социальных льгот – один и тот же многострадальный русский язык. Эру отмирания денег, мнимого равенства и хронического дефицита сменила эпоха воцарения денег, беспрецедентного неравенства и пира роскоши. «Догнать и перегнать» Америку удалось только «избранным» – за счет обнищания масс: в России 100 миллиардеров имеют 25% ВВП (в США – 6%). Децильный коэффициент (отношение доходов 10% богатых к 10% бедных) в России – 14, в Москве – 20.

Неопределенность экономической ситуации, незащищенность собственности, хаос и неуверенность в будущем порождают «одноразовый» бизнес, чуждый понятиям деловой этики, при котором предприниматель, «новый русский», *купи-продай*, сорвав куш, не заботится о своем престиже. Бизнесмены – «буржулики», *клеттократия*, «нуворишки» [фр. *nouveau riche* нувориш, новый богач, скоробогат, «новый русский»]. «Бизнес по-русски: спереть ящик водки, по дешевке продать, а деньги пропить». В советском языке *торговать* и *воровать* были синонимами. В постсоветском языке синонимами стали *приватизировать* и *украсть*. Обостряется стремление к справедливости, толкуемой «как равенство, хотя бы и на уровне нищеты, плюс ненависть вперемешку с завистью ко всем, кто из нищеты выбился» [1, 209]. И богатые, и бедные чичиковы всячески превозносят материальные блага, личное богатство и образ жизни «на показ».

Создаются слова-фантомы и слова-заклинания, «канцелярские» речевые обороты и клише на грани абсурда: *либерализация цен* (вымогательство), *временно неработающий* (безработный), *непопулярные меры* (сокращение расходов на социальные нужды), *иметь доходы ниже прожиточного минимума* (голодать), *Россия – энергетическая держава* (перевод термина raw materials appendage – «сырьевой придаток»), *сохранить финансирование периода доживания* (о содержании пенсионеров), *элита* (самоназвание истеблишмента), *компенсация сбережений* (далекое от «сбережения народа», как и от его сбережений), *продажа безденежных билетов, кассы на выход* (признаны незаконными).

С переводом бесплатных сфер жизни (здоровохранение, образование) в сферу *купи-продажи* для их обозначения вводится эвфемизм «услуги»: *услуги образовательные и услуги медицинские*. Лозунги студенческих пикетов: «Образование не товар», «Фурсенко получил диплом бесплатно». Строительная компания носит гордое имя: «Социальная инициатива». Лозунг ее обманутых вкладчиков «Инвестируя жильё, инвестируем жульён».

Среди ассоциаций на слово-стимул «бизнес» (1000 московских студентов) – *деньги* 198, *дело* 88, *работа* 23, *коммерция* 22, *бизнесмен* 19, *клуб* 14 и т. д. – значительна доля оценочных коннотаций, как положительных: *прибыльный* (*прибыль*) 11, *труд* 10, *крутой*, *удачный* 9, *плодотворный* 6, *честный* 5, *выгодный* 4, *умный* (ум), *частный* 3, *доходный*, *миллионер* (миллионы), *серьезный* 2; так и отрицательных: *спекуляция* 12, *обман* 7, *суета* 4, *воровской* (*воры*), *кризис*, *надувательство*, *ржёт* 3, *жулик*, *кража*, *тупой* (*для тупых*), *хапуги*, *хреновый* 2. Еще Фрейд указывал на существование символической связи между деньгами и фекалиями, золотом и грязью. Среди реакций на «бизнес»: *грязный* (*грязь*) 13, *вонь*, *гадкий*, *на крови*, *перегнил*, *подзаборный*, *пустота*, *черный* 1.

Предметом бизнеса может стать все, включая *фантомы*. «Обитателям общезжития предложено платить по 150 руб. в месяц за своих «гостей» мужского пола. В противном случае посетители должны покидать стены общежития в 23 часа» (из прессы). «Заказчик *оплачивает услуги* Исполнителя *по приостановлению* предоставления возможности *доставки* абонентского номера Заказчика *к услугам платных* информационно-справочных *служб* ОАО МГТС по действующим на момент *оплаты тарифам* ОАО МГТС» (из договора).

Из Русского музея на экспозицию в Нью-Йорк повезли «Девятый вал» Айвазовского. А золоченая рама оставлена. Основание: «не подлежит вывозу как *историческая ценность*».

Роскошь богатого меньшинства, безразличного к среде обитания, основана на морали временщиков. «Мы просто валяемся на диване и портим воздух» – рассказал популярный ТВ-шоумен о «Фабрике звезд».

«И все же Россия по уровню культуры, по стилю мышления, по своему видению Мира не стала страной западного

мира... Заимствованные фрагменты европейской культуры в России ложились на иную – неевропейскую – систему базовых представлений» [8, 146].

«Конкуренция и стремление к прибыли позитивны для общества» – считают 85% американцев, 65% европейцев и 30% русских.

«Кому и какую нужно дать взятку, чтобы в стране началась реальная борьба с коррупцией?» (вопрос из Интернет-пресс-конференции Путина). «Судя по тому, что наши диски расходятся плохо, мы занимаемся творчеством» (из интервью М. Борзыхина). «Реформирование ЖКХ в интересах собственников – это реформирование мышеловки в интересах мышей».

ОМОН разогнал частных, раздававших цветы задаром. Бесплатную раздачу цветов мэра Нижнего Новгорода В. Булавинов назвал «провокацией отморозков».

Директор хосписа рассказывает о звонке столичного чиновника с просьбой поместить туда больного. «Он все спрашивал: сколько это стоит. Они не могут понять, что у нас все бесплатно. Работают волонтеры. Стриптизерша работает ночью в клубе, а днем в хосписе: «Там грязь, а здесь я очищаюсь».

«Нагиск «золотого идола» разрушает культуру и возвешивает деньги, – *доминирует не смысл, а цена*» [7, 50, 53]. Все внеденежное в наши дни теряет смысл.

Цитаты: «Каждое утро я встаю и говорю: Господи, спасибо, что у меня есть деньги!» (Ф. Киркоров). «Всех денег все равно не заработаешь. Часть придется украсть». «Если ты не украл, значит, ты украл у своей семьи». «Здесь продается все. Кроме Родины...».

Магические формулы пропаганды сменились шаманскими заклинаниями рекламы: *купи! употреби! потреби!*

Словарь [11] определяет *потреблять* как «погублять кого»; в [12] появляется уже *потребитель*: «Употребляющий. Потребители съестных припасов», второе значение – «разоритель». Позже *потреблять* семантически связывается и противопоставляется глаголу *производить*. В современных словарях *потребительство* толкуется с пометой «неодобрительное». Это «стремление только к удовлетворению своих потребностей, потребительское отношение к чему-л.»

Русское *потребительство* (эквивалент англ. consumerism), образованное при помощи суффикса *-ство* (со значением, близким к *-изм*), или вещепоклонничеству, пополнило целый ряд советизмов с негативной коннотацией: *приспособленчество*, *примиренчество*, *соглашательство* (с буржуазией), *делячество*, *наплевательство*, *социал-предательство* ([10, 180–181]. Возник и новый дисфемизм *потребительство* ([4]).

Доминирующее в культуре поле смыслов сужается – на первое место выдвигается роскошь жизни. «Этот дурак купил галстук за две тысячи. А я за углом видел такой же за пять!». «Лучшие друзья девушек – это бриллианты!» (из песни).

Миф о потреблении (об эквивалентности благосостояния человека и его финансового состояния) сознательно подпитывался бизнесом. «Наша экономика требует, чтобы мы сделали неограниченное потребление нашим образом жизни, чтобы мы превратили покупку и потребление товаров в ритуалы, чтобы мы искали в потреблении духовное удовлетворение. Экономике необходимо, чтобы вещи потреблялись, сжигались, изнашивались, выбрасывались и заменялись со все более возрастающей быстротой» [5, 70].

По некоторым оценкам, современный мир потребил с 1950 года столько товаров и услуг, сколько потребили все предыдущие поколения вместе взятые.

В буддизме модус обладания описан как «ненасытность», а иудаизм и христианство называют его «алчностью». Напомним здесь лишь одну фразу из проповеди Христа: «Продавайте имения ваши и давайте милостыню» (Лк 12, 33).

На одной когнитивной карте мира – наивное изречение ребенка: «Мама, сходи на базар, купи, пожалуйста побольше денег» [13, 102].

На другой – откровение поэта:

*А мне остается большое солнце
И петербургский тяжелый воздух,
А по ночам – родные звезды...
Не продается это, не продается.
Остается то, что не продается...
Думать о вечном... [3, 220].*

Литература

1. Афанасьев Ю. Н. Опасная Россия: Традиции самовластья сегодня. М., 2001. С. 209.
2. Бакунин М. А. Коррупция [1871] // Вопросы философии. 1990. № 12.
3. Борзыкин М. В. Нет денег // Поэты русского рока. СПб., 2004.
4. Граф Дж. де. Потребляемость. М., 2003.
5. Ласло Э. Макродвижение (К устойчивости мира курсом перемен). М., 2004.
6. Лесков Н. С. Евреи в России [1884]. М., 1994.
7. Налимов В. В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. М., 2000.
8. Налимов В. В. Испытание Святой Руси. На грани третьего тысячелетия. Томск; Москва, 2002.
9. Саркисянц М. Россия и мессианизм. СПб, 2005.
10. Селищев А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком (1917–1926). М., 2003.
11. Словарь Академии Российской. Ч. I–IV. СПб, 1806–1822.
12. Соколов П. П. Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений. Ч. I–II. СПб., 1834.
13. Чуковский К. И. От двух до пяти. 16-е изд. М., 1962.

Концепт *ягода*: семантико-словообразовательные связи

И. В. Евсева

Лесосибирский педагогический институт – филиал Красноярского государственного университета

Макроконструкт, концепт, семантико-словообразовательная связь, языковая картина мира, метонимический перенос, метафорический перенос

Summary. Semantic and word-forming connections are sequentially seen in a word-forming system. The meaning spectrum of derivatives produced from the same motivative unit represents logically organized fragment of a linguistic picture of the world.

Ученые считают, что лучший доступ к описанию и определению сущности концепта обеспечивает язык (Джекендофф), так как большинство концептов представлено в языке конкретными словами. Отсюда, чтобы понять сущность какого-либо концепта или расширить представление о нем, необходимо обращаться к значению слова, которое репрезентирует данный концепт. Следовательно, чем больше словарных статей будет подвергнуто анализу, тем шире сформируется представление о концепте. Именно семантика слов является основным источником наших знаний о содержании тех или иных концептов. Но в то же время семантический анализ всегда будет лишь частью этого концепта, так как никакой концепт, являющийся собой квант структурированного знания, не выражается в речи полностью.

Цель настоящей работы – показать: 1) каким образом дериваты расширяют семантику концепта, репрезентированного в языке словом *ягода*; 2) семантико-словообразовательную связь производных единиц.

В целях наиболее полного описания семантики концепта, формируемой посредством дериватов, были использованы материалы современных толковых словарей и данные диалектных лексикографических источников. Иными словами, анализ рассматриваемого концепта представлен на уровне лингвистического макроконструкта, отражающего фрагмент языковой картины мира русских.

Выявленные значения дериватов с базовым словом *ягода*, представляют на языковом уровне наши знания о реализуемых в данном концепте ситуациях. При этом явно ощущаются логические связи этих ситуаций. Покажем это на конкретных примерах.

Основное назначение ягоды – употребление в пищу. Эта цель достигается посредством разных ситуаций. Чтобы получить ягоду, нужно, чтобы ее кто-то посадил (в связи с этим возникло название лица, сажающего ягоду – *ягодник*) в определенном месте (*ягодник, ягодница*). Ягоду обычно сажают кустом, который тоже имеет свое название (*ягодник*). Необходимо, чтобы выращенные плоды кто-то собрал, поэтому в языке появились номинации *ягодник* и *ягодница*, среди которых особо выделяются любители собирать ягоды (*ягодник, ягодница*). Собранную ягоду можно продать (этим обусловлены дериваты *ягодник* и *ягодница* со значением ‘продавец ягод’) или приготовить из нее определенную пищу (*ягодник* – ‘варенье из ягоды’, *ягодник* – ‘напиток из ягоды’, *ягодник, ягодница* – пирог с начинкой из ягоды, *ягодник* – ‘взвар из ягоды’, *ягодник* – ‘ягодная пастила’). Логичным представляется и название людей, любящих есть ягоду / пищу из ягод (*ягодник, ягодница*).

Приведенные значения дериватов *ягодник* и *ягодница* связаны между собой посредством метонимического переноса логической причинно-следственной цепочкой, представляющей последовательность событий (каждая ситуация, заключенная в толковании слова, обусловлена предшествующим событием и определяет последующее).

Помимо вышеперечисленных значений, в лексикографических источниках представлены дериваты, образованные от мотивирующего слова *ягода* на основе метафорического переноса: *ягодка, ягодочка* – ‘молодая, красивая здоровая девушка’ (спелая ягода отличается своей красотой, свежестью и вкусом, как и молодая девушка, которую часто сравнивают со сладким плодом), *ягодица* – ‘щека’ (сходство по форме (ср. круглые щеки) и по цвету (красные щеки)), *ягодица* – ‘сосок женской груди’ (наблюдается сходство по форме и, возможно, по функции), *ягодёночка* – ‘мать, вскармливающая ребенка’. Метафорические значения дериватов связаны с производными словами, дефиниции которых имеют метонимический характер, опосредованно, через мотивирующий концепт.

Анализ дериватов, наполняющих концепт с вершиной *ягода*, показал, что семантико-словообразовательные связи, последовательно проявляющие себя в структуре гнезда, соединяют постепенно все дефиниции производных слов, образованных от одной мотивирующей единицы, посредством метонимического и метафорического переносов и характеризуют логически выстроенный фрагмент языковой картины мира. Сам характер связи обусловлен теми структурами знания, которые присущи человеку и реализованы в языке. Существование подобных связей позволяет распределять информацию по имеющим место в человеческом сознании семантическим блокам с определенным кодом (в нашем случае таким кодом видится мотивирующий концепт). Обращаясь к семантическим блокам говорящий достаточно быстро овладевает языком и свободно пользуется им в процессе коммуникации. Выявленные связи высвечивают жизненный уклад русского человека и те культурные ценности, которые связаны с этим концептом. Прототипичными для сознания русского человека оказываются именованья человека, собирающего и продающего ягоду; место произрастания ягоды; пища, приготовленная из ягоды. При оформлении производных с прототипичной семантикой задействованными оказываются ядерные словообразовательные типы, в пределах которых сосредоточены производные с разными мотивирующими единицами, объединенными в общее лексико-словообразовательное значение.

К вопросу о структуре концепта (на основании сопоставления суперконцептов «Россия» и «Любовь»)

О. В. Евтушенко

Московский государственный лингвистический университет

Концептуальное поле, константы, переменные, перенос, фигуры

Summary. In the report we analyze concepts, which are constant or temporarily present in structure of superconcept. We mark their ability to form steady combinations (figure) and to move to adjacent conceptual fields, creating cognitive phantoms.

Анализ художественных, публицистических и научных текстов позволил выявить ключевые слова, служащие для

раскрытия таких разных понятий, как *Россия* и *любовь*. Нашей задачей было обнаружение общих черт в структуре не-

пересекающихся суперконцептов. Доминанты синонимических рядов и ядра семантических полей, встречающихся в источниках на всем протяжении существования дискурса о России или любви, мы называем константами. Константы обеспечивают устойчивость концепта. Например, к константам суперконцепта *Россия* мы относим **богатства** (представлена ключевыми словами *богатств, изобилие, в невероятном количестве, нет недостатка, в изобилии, полностью обеспечены, ресурсы велики, очень много* и др.). Константы суперконцепта *Россия* группируются вокруг ядер таких концептуальных полей, как *Страна, Государство, Человек, Быт*. Связь этих полей обнаруживается на семантическом уровне: *Она затерялась где-то на просторах России (Страна); Подписано соглашение между Россией и Францией (Государство); Россия молодая (Человек)*. Константа **богатство** входит в концептуальное поле *Страна* и включает в себя ряд концептов (концепты первого подуровня). Эти концепты могут быть константами, как **лес** (представлена ключевыми словами *лес 1,2, лесá, деревья, в лесной стране; сосны, береза, орешник; орехи, дрова, грибы; густые, дремучие, частые; досок, готовыми срубам*), или переменными, т. е. ключевыми словами, упоминаемыми в контексте **богатства** лишь на определенном временном интервале, как **мясо** (ключевые слова *мясо, мясные блюда, говядина, телятина, баранина, свинина, сало, бок поросенка, птица, курица, утка, гусь*). Причинами возникновения переменных могут быть изменения не только в реальной действительности, но и в массовом сознании. Так, появление переменной **многострадальный**, входящей в концептуальное поле *Человек* и обнаруживаемой в текстах не ранее XIX в., стало возможно лишь тогда, когда сформировалось историческое мышление и способность к оперированию высокой степенью абстракций. Суперконцепт *Любовь* устроен схожим образом.

Поскольку значительная часть констант суперконцепта *Россия* опирается на оценочную шкалу, при изменении положения дел в реальной действительности или критериев оценки константа способна превратиться в свою противоположность. Это допущение подтверждается существованием взаимоисключающих вариантов одной константы, например **открытость / закрытость** (в концептуальном поле *Человек*). В отличие от фонологических альтернатив эти не знают сильной позиции, и потому выбор варианта зависит от концепционного фокуса субъекта или объекта оценивания. Концепционным фокусом мы называем выбор мифологической или идеологической модели, в рамках которой происходит оценивание. Так, при выборе поведения с иностранцем русский человек руководствуется мифологической моделью «свой-чужой»: в случае смещения оценки в сторону полюса «свой» он выбирает *общительность* и *искренность*, т. е. **открытость**, если же контрагент оценивается как «чужой», выбирается осторожность, т. е. **закрытость**. Кроме концепционного фокуса действуют также межполевые связи: **открытость** связана с полем *Человек*, тогда как **закрытость** – с концептом *гражданин*, связывающим поле *Человек* с полем *Государство*, а в этом поле **закрытость** является безвариантной мерцающей константой (так мы называем на время деактуализуемые, но затем вновь возрождаемые константы): здесь выделяются подуровни **закрытость границ** и **закрытость информационная**.

В рассмотренных суперконцептах обнаружен перенос константы из одного поля в другой. Для *России* это **гор-**

дость, целеустремленность, перенесенные из поля *Человек* (*природная гордость, гордая нация*) через посредство поля *Государство* (*гордая и целеустремленная страна*) в поле *Страна* (ср.: *Русь-тройка* и т. д.), где представляет собой своеобразный когнитивный фантом (на семантическом уровне это метафора или символ с неопределенным референтом). Так же ведет себя константа **сердце** в суперконцепте *Любовь*: из поля *Физиология человека* она попадает в поле *Психология человека*, где фактически дублирует константы **влечение** (ср. характеристику Р. Барта: «*Сердце. Это слово подходит для обозначения всевозможных порывов и желаний*») и **душа**, и также представляет собой когнитивный фантом.

Нами отмечена тесная взаимосвязь некоторых констант и переменных внутри концептуального поля, способность образовывать устойчивые комбинации (мы их называем фигурами), которые могут воспроизводиться в текстах без верификации, т. е. без обращения к реальной действительности, о чем свидетельствуют модальные показатели *Те, кто не был в России, считают... На самом деле...* В этой связи интересно рассмотреть константу **Европа** (поле *Страна*), представленную альтернативой *европейская / неевропейская*, а на первом подуровне варианта *неевропейская* – когнемами *варварская, восточная, особая, другая*. Судя по текстам, у России на раннем этапе становления государственности был шанс получить характеристику *европейской и северной*. Концепт *север* был бы поддержан константой **холод**. Однако выбор православия – восточной ветви христианства – определил статус России как восточной страны, и эта характеристика отчасти подкреплялась особенностью географического положения Руси. Когнема *Восток* в сознании европейцев образует фигуру с когнемами *деспотизм* и *жестокость*, что прослеживается в историческом и политическом дискурсе. Достаточно двух компонентов этой фигуры (например, *Восток* и *абсолютизм*, как в случае с Россией), чтобы был автоматически построен третий компонент *жестокость*, даже несмотря на существование противоположных фактов, например концепта *преданность царю* (отражен в сочетаниях *сохранили присягу до последнего вздоха, верность государю, упоминает его имя с величайшим почтением, слава царя – единственная цель, жертвовать за него жизнью, вера в царя, умирает за своего царя и отечество*). Фигура *Восток* – *абсолютизм* – *жестокость* встроена для европейцев в мифологему «свой-чужой», что придает отрицательным характеристикам особую устойчивость, а межполевые связи позволяют перемещать концепт *жестокость* из поля *Государство* в поле *Человек*: «Русских представляли себе существами чудовищными, зловредными и кровожадными, с которыми нельзя было иметь дела без отвращения. Пришлось признать, что они несколько не хуже других, что и среди них есть люди учтивые, приветливые и что иной раз нельзя не платить им дружбой и благодарностью» (Чарторыйский Адам, XVIII-XIX в.). Когнемы *другая, особая*, относящиеся к первому подуровню варианта *неевропейская*, образуют фигуру с константой **экзотика**. С этой константой связаны экономические интересы киноиндустрии, книгоиздательского дела, туристического бизнеса. Экономический интерес Запада делает константу **экзотика**, а значит и вариант *неевропейская*, крайне устойчивыми. Образ России, формируемый в текстах иностранцев, усваивается русскими и модифицирует их картину мира.

Концепт «семья» и эволюция материализующих его единиц в XVIII–XX вв.*

Н. Н. Занегина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Концепт, семья, словарь, лексикография

Summary. The report is devoted to the problem of the concept «family» in Russian language of XVIII–XX centuries.

Один из возможных способов описания концепта – его лексикографическое представление. Лексикографирование концепта возможно путем описания онтологического и языкового пространства концепта, путем концептуального и

фреймового анализа ([1]) и т. д. В данной работе выбирается вариант описания концепта через раскрытие его смысловой парадигмы, т. е. представление различных способов языковой материализации концепта – лексемами, словосочетания-

* Работа выполнена при финансовой поддержке грантов: РГНФ №05-04-04277а, НШ-8106.2006.6.

ми, высказываниями, минимальными текстами, систематизированными по признаку представленного в них общего языкового смысла. Именно таким образом организованы словарные статьи в «Русском идеографическом словаре», который в настоящее время составляется в ИРЯ РАН под руководством акад. Н. Ю. Шведовой ([2]).

Словарная статья в «Русском идеографическом словаре» состоит из 19 зон. Каждая из этих зон представляет вводимый действительными местоимениями определенный языковой смысл (термин Н. Ю. Шведовой, подробнее об этом см.: [3]) или группу близких смыслов. Смыслы таковы: бытийный, смысловая сущность концепта (*кто и что*), признак приписываемый и сущностный (*какой и каков*), принадлежностный или счетный (*чей и чей*), время, пространство вообще и точки их начала и предела (*где, когда, куда, откуда*), количество как собственно счет и возможность его сопоставления (*сколько и настолько*), причина и цель (*зачем и почему*) и некоторые другие. Отнесенность концепта к названным языковым смыслам составляет его смысловую парадигму.

Каждая зона словарной статьи состоит из двух частей. В первой представлены конструкции, в словарной практике называемые «речениями», а также паремии и цитаты из словаря Даля, а во второй части содержатся выдержки из художественных, публицистических, реже – философских текстов.

Данная работа является частью диссертационного исследования «Концепт «семья» и его смысловая парадигма в XVIII–XX веках». Если для нужд собственно словарной работы в одной словарной статье объединяются речения и текстовые материалы, созданные литераторами трех веков, то для решения задач данного исследования был выбран иной вариант. Были составлены три отдельные словарные статьи, описывающие концепт «семья» и содержащие только фрагменты из художественных текстов XVIII, XIX и XX веков, распределенных по трем обычно выделяемым этапам развития русского языка (XVIII – до Пушкина, от Пушкина до начала XX в., XX в.) соответственно. Отказ от использо-

вания речений обусловлен невозможностью с полной уверенностью отнести каждое из них к определенному временному периоду. Здесь уместно вспомнить один из «парадоксов словарной статьи», сформулированных Н. Ю. Шведовой: «слово как единица, не знающая состояния покоя», представлено в словарной статье «как единица, находящаяся в состоянии покоя» [4, 424], а значит, в словарной статье описывается «условно остановленный момент развития» [4, 424] анализируемой единицы.

В отдельно взятом высказывании, извлеченном из художественного текста, слово «семья» может встречаться несколько раз и соотноситься при этом с разными языковыми смыслами. При создании словарной статьи решение о помещении цитаты в определенную зону (и, следовательно, об отнесенности к определенному смыслу) основывается на доминирующем смысле, охватывающем большую часть предложения. Для задач данной работы такой способ не применим, т. к. важно проанализировать максимальное количество вариантов реализации языкового смысла.

Таким образом, были созданы три рабочих «словарных статьи», в которых зоны, соответствующие 19 языковым смыслам, были наполнены словосочетаниями или расширенными словосочетаниями из художественных текстов, представляющими концепт «семья». Такая организация материала сделала возможным проследить развитие концепта «семья» в его отношении к тому или иному языковому смыслу на протяжении трех веков.

Конкретные результаты такого сопоставления будут представлены в докладе.

Литература

1. Антология концептов. Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. В 2 тт. Волгоград, 2005.
2. Проспект «Русский идеографический словарь» / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2004.
3. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М., 1998.
4. Шведова Н. Ю. Парадоксы словарной статьи // Шведова Н. Ю. Русский язык. Избранные работы. М., 2005.

Когнитивная структура языковой картины мира

З. Д. Искакова, Г. А. Еремеева

Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы (Казахстан)

Языковая картина мира, лингвосемиосфера, концепт, рефероним, культурный код

Summary. This paper is focus on inquiry of cognitive organization ethnos of language word. We are describe linguistic pointes and components in sphere of meaning.

Современная языковая картина мира – продукт развития мировой культуры. Каждый язык по-своему членит мир, т. е. характеризуется особым способом концептуализации реальной действительности. Язык, будучи важнейшим средством формирования и бытования знаний человека о мире, отражает в слове результаты когнитивной деятельности. Если мир – это человек и реальность в их взаимодействии, картина мира – результат познающего сознания, то языковая картина мира – совокупность знаний, зафиксированных в языковой форме. Таким образом, концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, представляет собой трансляцию культурного опыта этноса в виде языковых знаков. Связь культуры и языка представители семиотической школы видят в реализации процесса семиозиса и семиосферы, подчеркивая, что в культуре не существует до- и внезнаковых образований. Следовательно, и язык и культура объективируются в знаковой форме. Ю. М. Лотман отмечает, что «семиотика пространства имеет исключительно важное, если не доминирующее, значение в создании картины мира той или иной культуры... Неизбежным фундаментом освоения жизни культурой является создание образа мира, пространственной модели универсума». Таким образом, феномен культуры служит основополагающим фактором порождения значений – семиозиса, на основе которого формируются языковые значения как условие функционирования слов и языка. Антропоцентричный подход, сменивший системцентричный, рассматривает язык (и слово) как достояние носителя языка, реализуемое в когнитивно-коммуникативной деятельности. Поэтому, на основе языко-

вой картины мира выделяют концептуальную картину мира (Ю. Д. Апресян., Э. Бенвенист, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, В. А. Маслова, С. Е. Никитина, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Р. М. Фрумкина), ценностные картины мира (В. И. Карасик).

Основными направлениями изучения языковой картины мира являются: 1) типологические, реконструирующие этнические картины мира (В. Вежбицкая, Ю. Н. Караулов); 2) иконические, реконструирующие духовную культуру народа по данным языка (В. В. Колесов, Н. И. Толстой, Е. С. Яковлева); 3) герменевтические, исследующие отражение языковой картины мира в деривации (т. е. в возникновении любых вторичных знаков (А. А. Залевская, И. В. Крисанова, А. В. Кравченко, Значение. В. Н. Телия. Несмотря на различие подходов сутью всех исследований языковой (концептуальной, ценностной) картины мира служит семантическая структура слова в когнитивно-коммуникативном контексте. Следовательно, извлечение семантики слова обусловлено последовательным раскрытием получаемой информации, понимаемой вслед за И. А. Гальпериным как снятие неопределенности из а) социально-деятельностной общности, т. е. семантики, связанной с социальной деятельностью и социальным статусом; б) ситуативно-речевого контекста; в) языкового поля, соответствующего фрагменту картины мира или контексту.

Социально-деятельная семантика связана с социальной деятельностью и социальным статусом коммуникантов и зависит от их фоновых знаний, позволяющих правильно интерпретировать не только эксплицитно выраженный, но и

имплицитный смысл Возникает он в результате наложения вербальных (семантическое поле) / невербальных средств и частично содержательно-фактуальной информации (СФИ по терминологии И. Р. Гальперина), называющей факты действительности. Ситуативно-речевая семантика складывается из пересечения СФИ, СКИ (содержательно-концептуальная информация И. Р. Гальперина) и СПИ (содержательно-подтекстовая информация И. Р. Гальперина). СКИ основывается на концепте. Данный лингвистический феномен разными учеными трактуется неодинаково в зависимости от соотношения смысла – понятия – значения: от понимания концепта как а) кванта знания (М. Хайдеггер); б) слова в одном из своих значений (Д. С. Михачев); в) совокупности всех смыслов охваченных словом (В. А. Маслова); г) единица ментальности (С. Е. Никитина); д) вербального понятия, отраженного в категориях культуры (Р. М. Фрумкина). По содержанию концепты делятся на 1) однокомпонентные: а) представление, б) схема, в) понятие и 2) многокомпонентные: а) фрейм, б) сценарий, в) гештальт. Концепты, характеризующиеся национальной спецификой, связаны с языковой картиной мира, этноса и репрезентированы лексемой. Концепты входят в состав семиосферы лингвокультурологического кода картины мира.

Языковое поле, описывающее фрагмент действительности – объект текста, отражает информационный аспект контекстуальной семантики, поэтому дефинировано интеграцией СФИ с СПИ или с СКИ в различных сочетаниях. Языковое поле – это «совокупность языковых (главным образом, лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» семантическое, морфологическое, ассоциативное и т. д. поле.

Системность поля структурируется иерархической организацией единиц его образующих и актуализирующих как

логические, так и ассоциативные связи (парадигматические, синтагматические, деривационные).

Семантическое поле, репрезентирующее лингвосомиосферу, как и любое языковое поле, представляет собой «иерархическую структуру множества лексических единиц, объединенных инвариантным значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу» [Русский язык. Энциклопедия]. Семная структура инварианта может модифицироваться при доминировании одной из сем, возникающей при функционировании в определенном когнитивно-коммуникативном контексте, в вариант (ЛСВ) или в концепт (в случае приращения культурного кода).

В нашей трактовке концепта (единице лингвокультурного кода) дескриптом деривационных моделей является лексема, обозначающая натурфакт, жизненно важный для данного этноса или человечества в целом. Только актуальное понятие находит разнообразное языковое выражение. Таким образом, семантическое поле интегрирует номинации (лексемы, обозначающие натур-, арте-, ментифакты), Совокупность семантических полей с дескриптором натурфакт (инвариант) организует семиосферу данного языка, включающуюся, в свою очередь, в лингвокультуросомиосферу, определяющую этническую языковую картину мира.

Структуру семантического поля, следовательно можно представить в виде модуля, одним блоком которого является рефероним, другим – концепт.

Реферонимом представляет собой вербально выраженное понятие, отражающее в слове объект (природный или сделанный человеком) действительности. Концепт противопоставляется реферониму своим приращением смысла, возникающем в результате рефлексии познавательной деятельности для передачи культурно-семантической информации. Рефероним эксплицирует фактуальную информацию, а концепт – ценностно доминирующую, культурные смыслы этнической лингвосомиосферы.

Метафорическая концептуализация обучения

М. А. Калюга

Университет Маквори, Сидней (Австралия)

Cognitive linguistics, syntax

Summary. The study is based on a sample of Russian verbs and word combinations, which have the semantic component «to teach». The use of cases with such verbs and word combinations is explained through the metaphorical conceptualization of teaching in Russian.

Цель данного доклада – проанализировать, как процесс передачи знаний, умений и навыков метафорически концептуализируется в русском языке и объяснить синтаксическое употребление таких глаголов, как «преподавать», «приучать», «просвещать», «образовывать», а также «воспитывать». Анализ основывается на теоретических положениях когнитивной лингвистики. Как пишут Лакофф и Джонсон, наша концептуальная система, в основном, метафорична по своей природе и абстрактные понятия метафорически понимаются через конкретные ([3, 3–5]). Например, продолжительное целенаправленное действие может метафорически концептуализироваться как путешествие, а цель этого действия – как пункт, к которому движутся. Метафора путешествия характерна для концептуализации процесса получения знаний, умений и навыков. Обучение чему-либо ассоциируется с движением по дороге знаний, а разные стадии обучения – с отрезками этого пути. Мы говорим «мы это не проходили», подразумевая – «мы это не изучали». Обучаемый уподобляется путешественнику, который движется по дороге или которого двигает какая-то сила. Согласно метафоре «обучение-путешествие», обучаемый может «переходить» в другой класс или на другой курс. Плохой ученик представляется как «хромающий на обе ноги» или «отстающий». Такому ученику надо помогать, что метафорически передается как «подгонять», «тащить за уши» или «брать на буксир».

Метафора «обучение – путешествие» близка к так называемой «ориентировочной» метафоре. Большинство наших фундаментальных понятий пространственно ориентированы ([3, 16]). В русском языке приучаться к чему-либо или учиться чему-либо понимается, как двигаться к чему-либо, а отучаться – как двигаться от чего-либо.

Другая распространенная метафора – «обучать – вбивать». В старые времена наказание считалось средством обучения, о чем свидетельствуют пословицы: «учить дураков – не жалеть кулаков» или «кнут не мука, а впрядь наука». Согласно этой метафоре, все тело обучаемого или его голова представляется как контейнер, в который что-то можно вбивать или вдалбливать или из которого можно что-то выбивать или вышибать. Плохой ученик описывается как контейнер с дырой, например, в пословице «дурака учить, как в бездонную бочку воду лить».

«Обучать» может также метафорически пониматься как «вскармливать», а «обучаться» – как «вкусать» или «грызть» (ср.: «вкусать плоды просвещения» или «грызть гранит науки»). На этой метафоре основывалось значение слова «воспитывать», одним из значений которого в древнерусском языке было «вскармливать». Метафора кормления основывается на другой метафоре – метафоре наполнения контейнера. Близость метафоры кормления и метафоры наполнения контейнера видна на примере глагола «пичкать», одним из значений которого в древнерусском языке было «излишне наполнять что-либо».

Знание может также метафорически пониматься как свет, а незнание – как тьма. Соответственно, необразованный человек представляется как темный, а обучение – как освещение (ср.: устаревшее значение слова «просвещать» – «обучать»). Метафора «обучение-освещение» может сливаться с метафорой «обучение-путешествие», и что-то непонятное или трудное представляется как темный лес или дебри, где можно заблудиться (ср.: первоначальное значение слова заблудяться – сбиваться с правильного пути).

Обучение также метафорически понимается как придание формы, знание – как инструмент, а обучаемый или его ум –

как объект, который подвергается формированию. Об этом свидетельствует, например, выражение «формировать человека будущего», пословица «учить – ум точить» или устаревшее значение слова «образовывать» – «придавать форму».

Обучать кого-либо может метафорически пониматься, как давать знания, а обучаться – как получать знания (ср. устаревшее значение слова «преподавать» – «давать»).

Различия в употреблении падежей и предлогов с глаголами обучения объясняются различиями в метафорической концептуализации обучения. В исследованиях по когнитивной лингвистике, посвященных анализу падежей, именительный характеризуется как падеж, служащий для обозначения активного участника ситуации, а винительный – пассивного участника ситуации, который подвергается изменению или перемещению ([1], [2]). Согласно метафорам «обучать – освещать», «обучать – придавать форму», «обучать – наполнять», обучающий представляется как некая сила, которая изменяет объект, а обучаемый – как объект, который подвергается изменению. Этим можно объяснить употребление именительного и винительного падежей с глаголами просвещать, образовывать, и воспитывать. Беспредложный

дательный падеж, как и винительный, обозначает участника ситуации, на которого направлено действие. Однако, в отличие от винительного падежа, который обозначает пассивного участника ситуации, дательный падеж обозначает потенциально активного участника ситуации, который может совершать ответные действия ([1], [2]). Ситуация передачи чего-либо предполагает наличие двух активных участников ситуации: один из которых дает, другой – берет. Когда процесс обучения метафорически концептуализируется как передача знаний, слово, обозначающее обучаемого, стоит в дательном падеже.

Знание метафоры, которая лежит в основе концептуализации процесса обучения, помогает объяснить употребление падежей с глаголом «преподавать» и другими, схожими по значению глаголами.

Литература

1. Cole P. The grammatical role of the causee in universal grammar // International Journal of American Linguistics 49 (2). 1983. P. 115–133.
2. Janda L. The radial network of grammatical category – its genesis and dynamic structure // Cognitive Linguistics 1 (3). 1990. P. 269–288.
3. Lakoff G., Jonson M. Metaphor We Live. Chicago; London, 1980.

Семантика сопричастности и русская языковая картина мира

И. Е. Ким

Красноярский государственный университет

Сопричастность, языковая картина мира, личная сфера

Summary. The paper discusses different ways to express the linguistic category of participation (soprichastnost'). The category is concerned with the feelings of human beings towards the objects around them as well as with the evaluation of the object's connection to the speaker. The category can be expressed with a variety of means in the Russian language.

Описание языковой картины мира часто строится на «точечном» принципе, когда в центре описания локальное понятие, существенное для этноса, но не сквозное для этнической культуры. Во многом это связано с тем, что в качестве исходной единицы описания обычно избирается культурный концепт, атомарное понятие. Альтернативой такому способу описания может стать описание отношений, пронизывающих этническую культуру и отражающихся в большом количестве языковых фактов. Одним из таких отношений, существенных для русской этнической культуры и находящихся свое выражение в русской языковой картине мира, является сопричастность.

Под сопричастностью понимается особое внутреннее отношение, которое связывает субъекта этого отношения с другими явлениями вещного мира. Это отношение можно представить как осознаваемую субъектом внутреннюю близость с объектом отношения, важность этого объекта для субъекта.

В известной нам лингвистической литературе понятие сопричастности впервые использовано в монографии В. С. Храковского и А. П. Володина «Типология императива. Русский императив». В ней описывается специфическое употребление инклюзивной формы императива (1-го лица), обозначающей совместное действие говорящего и слушающего (слушающих), для обозначения действия только слушающего, например, *А теперь, дети, давайте запишем домашнее задание*. Авторы называют эффект, который достигается при употреблении форм совместного действия вместо форм 2 лица, «эффектом **сопричастности**»: «говорящий сознательно создает видимость того, что он будет выполнять каузированное событие совместно со слушающим / слушающими».

Сопричастность как языковая категория не получила в лингвистике большого распространения. Аналогичная судьба постигла ее аналог в культурной антропологии – понятие партиципации, которое ввел Л. Леви-Брюль для объяснения феномена мышления представителей традиционных культур, в отличие от современного научного мышления, основанного, как считал Л. Леви-Брюль, на принципе противоречия.

Партиципации, сопричастности Л. Леви-Брюль предполагают существование невидимых, но существующих в вещном мире, а не виртуально, умозрительно, связей между явлениями разных таксономических классов; в совокупности они образуют комплексы, системы. Связи сопричастности довольно устойчивы, но не статичны. Магические действия изменяют или восстанавливают партиципации, а нарушения табу разрушают их, подобно тому, как созидющие и воспроизводящие действия создают или воспроизводят предме-

ты, а разрушающие – уничтожают. Можно сказать, что в магических действиях и нарушениях табу связи сопричастности актуализируются – в первом случае с положительным эффектом, а во втором – с отрицательным.

Сопричастность характеризует не только традиционные культуры, но и традиционные пласты культуры «цивилизованных» народов, включая и русский этнос. При этом она проявляется не только в поведенческих актах, но и в русском языке.

Круг языковых феноменов, с которым связана личная сфера, таков:

1. Предикаты и их производные, **напрямую выражающие разные аспекты сопричастности**: *сопричастный / сопричастность, причастный / причастность, контроль, родной / родство / родственный, близкий / близость, дорогой, любить / любовь, симпатичен / симпатия, дружить / дружба / дружный / дружественный, братство* и т. п., так называемые метапредикаты сопричастности, например: *Настоящим откровением стали произведения О. Куваева для «народа бродячего», туристов, увидевших в писателе родственную душу* (О. Куваев. Дневник прибрежного плавания). К ним примыкают предикаты каузации сопричастности, такие как *привлечь, приблизить, вызвать доверие, очаровать* и др.

2. Лексические и грамматические средства выражения **посессивности**. Во многих случаях эти языковые средства выражают сопричастность. Например, *мой отец* не является объектом обладания, хотя употреблено притяжательное местоимение. Отношение родства входит в круг сопричастностей. Собственно, и обладание, отчуждаемая принадлежность, по определению также является сопричастностью, поскольку является «невидимой».

3. Некоторые средства выражения **оценочности**, в частности, диминутивы, например: *Не угостишь табачком?*

4. **Наименования лиц и сложных социальных объектов** в основном служат только базой для наличия сопричастности, при этом для ее выражения требуется специальное средство. Тем не менее находятся слова, обозначающие сопричастности явно. Такие слова, как *друг, приятель, сосед*, термины родства, называются релятивами (Н. Д. Арутюнова) и включают в свою семантику наличие или потенцию сопричастности, что проявляется в обязательности употребления прилагательного, притяжательного или, реже, относительного, или посессивной формы существительного.

5. Лексика со значением физического или социального предметного **действия**.

6. Грамматические средства выражения **субъекта пропозиции** – падеж и залог, выражающие контроль процесса со стороны субъекта или его причастность к процессу.

7. Средства **дейксиса**, прежде всего личного. Разнообразные транспозиции лица позволяют поместить грамматический субъект в личную сферу говорящего или вывести из нее. Особое место в выражении контроля и (со)причастности занимают текстовые структуры с «чужой речью», в которых категории дейксиса трансформируются, подвергаясь влиянию модусной рамки: слов автора, модусной час-

ти высказывания, обрамляющего текста. Дейктические категории могут встраиваться в лексическую семантику предикатных слов, как диатеза встраивается в залог глагола. Существует целая серия слов, обозначающих коммуникативные или психоментальные процессы, объектное событие которых или участники объектного события связаны сопричастностью с субъектом или адресатом такого процесса.

Выделенные типы языковых явлений часто взаимодействуют друг с другом, переплетаясь в сложные комплексы.

Имена собственные в русской языковой картине мира (по экспериментальным данным)

Г. В. Киселёва

ГОУ ВПО «Борисоглебский государственный педагогический институт»

Культурный концепт, имя собственное, картина мира

Summary. Onomastikon as regulated continuum of proper names occupies an important place in national culture. One of the perspective methods of studying proper names as lingua – cultural phenomena is psycholinguistic experiment. Experimental research in onyms as concept of culture gives a possibility of getting and further interpreting cognitive information about the contents of concepts under study and their structure.

Особенностью ономастикона как упорядоченного континуума имен собственных является то, что он представляет собой не только лингвистический, но и историко-культурный феномен, занимающий важное место в национальной картине мира.

Для русского человека концептуально значимы места связанные с рождением и деятельностью известных лиц (*Михайловское, Спасское-Лутовиново, Ясная Поляна*), с важными историческими событиями (*Бородино, Куликово поле*). Можно говорить о наличии в русской национальной картине мира концептов культуры, манифестированных именами собственными. Методики изучения содержания лингвокультурных концептов уже разработаны, вместе с тем специфика содержания концептов, вербализированных именами собственными, определяет своеобразие методов их когнитивного исследования. Так, работа с корпусом лингвистических словарей разных типов, продуктивная при описании концептов, не дает результатов при анализе топонимов (и других разновидностей имен собственных), что объясняется отсутствием этого класса слов в филологических словарях и спецификой их семантики. Наиболее продуктивным представляется экспериментальное изучение топонимов посредством свободного и направленного ассоциативных экспериментов. Анализ их результатов дает возможность установить когнитивные признаки анализируемых концептов, смоделировать их содержание и структуру.

Так, по данным свободного ассоциативного эксперимента, ядро концепта *Москва* включает стандартизированный чувственный образ историко-культурного центра мегаполиса: Красной площади с архитектурным ансамблем Кремля. Информативно-понятийное содержание составляет осмысление Москвы как столицы Российского государства, где сосредоточена административно-политическая жизнь, органы власти (реакции *столица, столица России, наша столица, президиум, Путин* и другие).

Важной структурной составляющей концепта *Москва* является интерпретационное поле, образованное различными эмоционально-оценочными суждениями, отражающими процесс осмысления концепта. Коннотационное поле, по экспе-

риментальным данным, представляет широкий диапазон оценки: от положительной до резко негативной. Положительную оценку Москве дают преимущественно женщины, которые связывают со столицей перспективы устройства своей личной жизни, карьеры. Респонденты – мужчины проявляют большую нетерпимость в оценке: 90% негативных оценочных ассоциаций дано мужчинами.

Определенный интерес для наблюдений и когнитивной интерпретации представляют инонаименования – перифразы, закрепляющие в виде устойчивых номинаций стереотипное осмысление концептов, вербализированных топонимами (*Воронеж – столица Черноземья, колыбель русского флота, Иваново – город невест, Урюпинск – столица пуховых платков, город анекдотов, Санкт-Петербург – северная столица* и мн. др.) Заметим, что подобные номинации образованы по стандартным структурным моделям.

Результаты когнитивного осмысления топонимов отражаются и во вторичных переносных употреблениях (*Камчатка, Тмутаракань, Азия, Урюпинск* являются символами удаленности от культурных центров, обозначением захолустья, малообразованности; *Сибирь, Соловки* – символизируют места российских ссылок и тюрем).

В качестве материала исследования топоконцептов возможно использование данных энциклопедических словарей, которые составляют информационную базу человека, включая географические, экономические, социокультурные особенности топообъектов. В этом случае психолингвистические методики позволяют выявить когнитивную значимость для информантов имеющих у топообъекта признаков, определить индекс яркости того или иного признака в сознании носителей языка, его ценностную составляющую.

Как показали экспериментальные данные, концептуальное содержание топонимов формируется на основе личного перцептивного и когнитивного опыта индивида с учетом осмысления и обобщения историко-культурного опыта поколений, закрепленного в метафорике и паремиологическом фонде.

Исследование концептуального содержания топонимов представляется перспективным в плане описания по возможности полной национально окрашенной картины мира.

Изучение языковой личности студента

О. А. Киселёва

Барнаульский государственный педагогический университет

Языковая личность, речевая активность, когнитивный и прагматический уровни в структуре языковой / речевой личности, мотивационно-побудительная сфера орфографической деятельности

Summary. Urgent questions of modern linguistics are set and solved in the report: what the linguistic personality of a student is; how it expresses itself in speech activity (on the example of examination of motivational end stimulating sphere of spelling activity in general and specific spelling action in detail). Regularity of functioning of metalinguistic consciousness, found in the process of watching students and in the result of a purposeful experiment let to create more complete impression about cognitive and pragmatic levels in the structure of Russian linguistic personality.

1. Со времени возникновения субъективистско-антропологической тенденции в учении софистов и Сократа интерес к чело-

веческой личности проявляют представители различных наук: философии, социологии, психологии, педагогики, медицины.

2. В XX веке от чисто структурных построений, от исследования системы языковых средств, строя языка к изучению языка через призму личности, исследованию «человеческого фактора» в языке, языка в связи с человеческой деятельностью обращается и лингвистика. Поворот от общетеоретических, абстрактных, имперсональных методических рекомендаций к индивидуально-направленному, личностно- и практико-ориентированному обучению совершает современная лингводидактика.

3. Homo loquens становится объектом изучения языкознания, а вслед за ним и методики преподавания языка. Методологической основой обучения русскому языку провозглашается сознательно-коммуникативный (или коммуникативно-деятельностный) подход, предполагающий всестороннее развитие речевых способностей учащихся и направленный на формирование языковой личности школьника и студента.

4. Языковая личность – явление многоаспектное и сложно организованное. Так, Ю. Н. Караулов в структуре языковой личности выделяет вербально-семантический (= семантико-структурной = инвариантный), когнитивный и прагматический уровни. Однако данная модель отражает обобщенный тип личности. А для обозначения конкретной языковой личности в условиях реальной речевой деятельности целесообразно пользоваться термином «речевая личность». При таком подходе к языковой личности она представляет собой многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей, которые отличаются друг от друга вариациями личности каждого уровня в составе личности.

5. Итак, **речевая личность** – это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности. Именно на уровне речевой личности проявляются как национально-культурная специфика, так и конкретно-индивидуальные особенности языковой личности.

6. Предметом нашего рассмотрения является третий – высший (по Ю. Н. Караулову) уровень речевой личности – прагматический. Он включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием речевой личности, позволяя в свою очередь судить о когнитивном ее уровне.

7. Материалом исследования послужили зачетные работы студентов II курса дневного обучения факультета начальных классов Барнаульского государственного педагогического университета; методом – анализ этих работ. Студентам было предложено исследовать одну из проблем на выбор: а) мотивация орфографически грамотного письма и б) метаорфографические представления рядовых носителей языка (в частности, их мнение по поводу ведущего принципа русской орфографии). Эксперимент проводился преимущественно в студенческой аудитории.

8. В обоих случаях исследовательский интерес был направлен на мотивационно-побудительную фазу орфографической деятельности или орфографического действия носителей русского языка. Другими словами, необходимо было получить ответы на вопросы: 1) что движет «человеком пишущим» при решении орфографической задачи, чем он руководствуется, выбирая ту или иную букву из ряда возможных? 2) что побуждает его писать грамотно? 3) есть ли связь между потребностями первого и второго рода, можно ли обнаружить какие-либо закономерности?

9. Проведенный эксперимент дал следующие результаты: 1. Респонденты (в качестве которых, наряду со студентами разных курсов и факультетов БГПУ – основная часть испытуемых, – выступили носители языка различной социальной и профессиональной принадлежности – сравнительно немногочисленная группа) наделяют орфографию социально значимыми функциями, придавая ей статус культурного феномена. При этом иногда им не чужд и явно авторитарный подход к утверждению «орфографических ценностей». 2. В массовом сознании бытует мнение о том, что наше правописание имеет традиционный характер. 3. Как показало исследование метаорфографических представлений носителей русского языка, существует взаимосвязь между объяснением выбора буквы для обозначения орфограммы и определением мотива орфографически грамотного письма. Ориентируясь в своей письменной практике на графический облик слова, фактическое его написание, на то, как принято писать, «как все пишут», рядовой носитель языка по сути утверждает стихийное начало русской орфографии, тяготеющее к «полноте условности».

10. Наблюдения за речевой деятельностью студентов, а также результаты направленного эксперимента приводят нас к заключению о том, что развитие речевой личности студента определяется совокупностью мотивов-целей, среди которых можно выделить основные, главные. На уровне орфографической деятельности ведущими оказываются общекультурный (= общеобразовательный) и прагматический (= утилитарный) мотивы, когда овладение нормами письма напрямую связывается с приобретением статуса культурного, образованного человека либо объясняется необходимостью достижения каких-то жизненных благ (успешное окончание школы, поступление в вуз, устройство на престижную работу). На уровне же орфографического действия (при решении конкретной орфографической задачи) выбор чаще всего детерминируется традицией: пишу так, потому что знаю / помню / видел / все так пишут.

11. Таким образом, метаязыковое сознание студента характеризуется орфографоцентризмом (термин проф. Н. Д. Голева), с одной стороны, и отсутствием представлений о собственном назначении орфографии – с другой.

Семантические области *рождение* и *смерть* как антонимичные структуры

А. Б. Коконова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

annakokonova@gmail.ru

Диалектология, этнография, семантика, обряд

Сопоставление проводится на материале архангельских говоров; в доклад будут включены примеры, иллюстрирующие его основные положения.

Все больше исследователей в настоящее время привлекает проблема изучения лексики и терминологии духовной культуры. Сбор и изучение данной лексики ведется в основном в русле этнолингвистики и когнитивной лингвистики, где на первый план выступает проблема реконструкции языковой картины мира. Картина мира, построенная на лексическом материале, является продуктом скрещения языка и определенной культурной модели, в которую входят материальные и духовные ценности, воплощающиеся также в сфере поведения, одежде, обрядах и т. п.

Лексика рождения и смерти функционирует прежде всего как обрядовая и обслуживает родильный и похоронный обряды. Вместе с тем эта лексика широко употребляется вне обряда, в обычной повседневной жизни и является принадлежностью общеупотребительного языка.

Семантические области рождения и смерти являются антонимическими смысловыми областями. Слова *рождение* и

смерть, возглавляющие эти семантические области, являются полными антонимами: слово *смерть* обозначает окончание жизни, а слово *рождение* – начало жизни. Более привычная для носителей литературного языка антонимическая пара *жизнь* – *смерть* представляет смерть в одном из значений: ‘небытие, которое начинается после конца жизни’ ([1, 379]). Эта антонимичность, характерная и для народного сознания, проявляется в высказываниях типа *Родился на жезьсь, а погрём на покой*.

Рассматриваемые семантические поля имеют сходную структуру. В них выделяются наименования объекта, над которым совершается обряд; лиц, которые этот обряд совершают; обрядовых действий и предметов. В центре обоих обрядов находится объект, над которым производятся различные действия: это ребенок и покойник. И тот, и другой в народном сознании рассматриваются как принадлежащие «другому» миру, и потому опасны живым людям. В связи с этим ребенка не оставляют одного до тех пор, пока его не окрестят, а покойника – в течение двух дней, пока он находится в доме. Интересна также символика числа *сорок* в

обоих обрядах. Считается, что душа покойника сорок дней ходит по земле до своего окончательного успокоения; ребенка же во многих традициях не крестили, пока не пройдет сорок дней со дня родов (это связано с запретом появляться роженице в церкви до прошествия этого срока), т. е. до этого срока ребенок не может получить душу, которая, по народным представлениям, дается только при крещении.

И рождение, и смерть связаны с понятием доли. Доля, по определению О. А. Седаковой, это «часть некоего целого, доставшаяся отдельному человеку и находящаяся во взаимозависимой связи с другими частями, долями» [2, 56]. Рождение подразумевает наделение человека долей, а смерть связана с ее перераспределением. К тому же и рождение, и смерть влекут за собой смену социальных ролей в данном сообществе.

Рождение и смерть связаны с символикой пути, открытия врат между двумя мирами, миром живых и тем миром, откуда появляется новорожденный и куда уходят после смерти. Это представление находит свое отражение и на лексическом уровне.

Соотносятся многие фрагменты родильного и погребального обрядов. Помогает при родах / сразу после смерти человека женщина, вдова или не живущая половой жизнью: *повитуха / обмывальныйца*.

И родившегося младенца, и покойника сразу же обмывают. Это связано с уничтожением качеств живого человека в случае с покойником и наделение этими качествами (с помощью заговоров и предметов, кладущихся в воду) в случае с новорожденным.

Интересны фрагменты обрядов, связанные с одеждой для ребенка / покойника. У ребенка *еще нет* одежды: его заворачивают в фартук или подол старого сарафана. У покойного одежды *уже нет*: она шьется не так, как одежда для живых (вперед иголкой), она всегда незакончена. И младенца, и покойника всегда перевязывают поясом.

Новорожденный и умерший сразу же получают свой «новый дом»: колыбель и гроб, которые схожи даже по форме (в головах шире, в ногах – уже). Они соотносятся как первое / последнее жилище.

Интересна связь колыбели, гроба и веревки. На веревках гроб опускают в могилу, и веревкой же качают колыбель. Различается только вектор этого движения: гроб движется вниз, в землю, а ребенка укачивают вверх, прогнозируя его быстрый рост.

Связаны также колыбельные песни и причитания. На сходство их символики обращают внимание многие исследователи родильного обряда, например, Л. Ф. Хафизова и В. В. Головин. Сон воспринимается как пространство «того света», куда отправляется ребенок, чтобы получить здоровье и благополучие, но где его могут ждать и различные беды, от которых его старается оградить поющий колыбель-

ную. Отсюда частое упоминание земли, песка, могилы, креста, ели ([3], [4]).

И с родинами, и с похоронами связана символика плодородия. В родинах она проявляется в магических действиях с *последом*; в погребальном же обряде – на поминках, где едят *кутью* – символ доли и новой жизни.

Роль родильного и погребального обрядов очень важна в том смысле, что принимает в члены социума родившегося ребенка; наделяет статусом «предка», «родителя» умершего. Если обряд не был произведен как полагается или не мог быть произведен по каким-то причинам, то ребенок / покойник оказываются вне сообщества. Это ситуация рождения ребенка вне брака и ситуация «не-своей» смерти, которые влекут за собой противопоставления «нормального» ребенка *сколотному* и *родителей* заложным покойникам.

Итак, семантические области рождения и смерти являются антонимичными фрейм-структурами, совпадающими по набору основных компонентов, что и позволяет их сопоставлять. Оба фрейма организуются вокруг центрального объекта, на который направлены все действия и который является отправной точкой всех ситуаций, или слотов, входящих в данный фрейм. Фрейм-структура смерти, по нашим наблюдениям, является более спаянной, чем фрейм рождения. Причины этого, на наш взгляд, следующие: родины как обряд являются более тайным, сакральным знанием, которое практически полностью исчезло с исчезновением носителей этого знания – повивальных бабок. Сохранившиеся фрагменты обряда указывают на то, что фрейм-структура как таковая имеется, но она не обладает такой цельностью, как фрейм смерти.

Погребальный обряд сохранился более полно, чем родильный, что связано, вероятно, с тем, что фрейм спаян концептом Смерти – а концепта рождения в русской ЯКМ, скорее всего, не существует. К тому же представления о смерти заложены в нашей культуре на глубинном уровне и вызывают многочисленные ассоциации. Все это обеспечивает и большую сохранность обряда, и, следовательно, большую сцепленность элементов фрейма между собой и их соответствующее функционирование в речи (и в сознании) диалектоносителей.

Литература

1. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 1997.
2. Седакова О. А. Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.
3. Головин В. В. Организация пространства новорожденного // Родины, дети, повитухи в традициях и народной культуре. М., 2001.
4. Хафизова Л. Ф. Персонажи колыбельных песен // Родины, дети, повитухи в традициях и народной культуре. М., 2001.

Ономы в современном лингвокультурологическом пространстве

Е. А. Косых

Барнаульский государственный педагогический университет

Summary. Proper names in functions of colors: linguistic and cultured aspect.

Имя собственное – важный культурный и языковой феномен любого этноса, поскольку нарекающее и нарекаемое соединяются невидимой смысловой нитью, воедино сплетающей прошлое, настоящее и будущее, одно поколение с другим.

Имя сохраняет и оберегает не только человека, но и город, лес, реки и горы. По этой причине в большинстве народов принято давать названия, содержащие положительные коннотации, оберегающие и охраняющие его носителя.

Языковое наследие, представленное системой ономов, имеет не только собственно лингвистическое значение, но и культурологическое.

В последние годы имена собственные выполняют не только ономастическую функцию, но и регулярно используются наряду с апеллятивами в составе колоризмов.

Особую привлекательность в данном случае испытывают гидронимы (*цвет адриатика, цвет балтика, цвет босфор*), антропонимы (*цвет валентина, цвет кармен, цвет офелия*),

мифонимы (*цвет нептун*), реалинонимы (*цвет медео*), топонимы (*цвет нарва*), геонимы (*цвет гоби*) и под.

Причем нередко семантика колоризма зависит не от историко-этимологического значения имени, а от ассоциаций, вызываемых объектом, носителем соответствующего названия.

Например, номинативы, содержащие в названии гидронимы, реализуют значения, содержащие указания на голубой, синий или зеленый цвет / оттенок (*цвет адриатика* – «сероголубой», *цвет балтика* – «сине-зеленый», *цвет босфор* – «синий»); в тех случаях, когда в состав колоризма вводится антропоним (в нашем случае – феминим-фиктоним), значение, вероятно, строится на ассоциации с характерными деталями одежды героинь художественных произведений (*цвет кармен* – «ярко-красный», *цвет офелия* – «белый, светлый»).

Существенно подчеркнуть, что в приведенных примерах имена собственные передаются как апеллятивы, что позво-

ляет говорить о намеренной, «принудительной» деонимизации имен собственных, вовлеченных в сферу колористики. На наш взгляд, это объясняется, во-первых, общей тенденцией в передаче цветообозначений (их функция по-прежнему лежит на именах прилагательных и словосочетаниях, близких им функционально, сохраняющих представление о апеллятивности), а во-вторых, в большинстве случаев традицией в образовании цветообозначений по схеме «цвет + имя существительное (нарицательное или собственное), тоже рассматриваемое как имя нарицательное». При этом принадлежность к ономам и узуальные способы передачи их на письме не принимаются во внимание.

Нередко дизайнерские коллективы специально разрабатывают систему названий принятой, или наоборот, нетрадиционной, структуры.

2. Широкое употребление ономов (как русских, так и заимствованных) в качестве колоризмов требует, по нашему мнению, серьезного исследования этимологии этих номинантов. Особого внимания заслуживают заимствованные лексические единицы. Необходим этимологический словарь ономов, представляющий не только и не столько семантику и этимологию антропонимов, сколько историю и этимологию остальных ономов. А появляющиеся в последнее время словари нередко не содержат не только указаний на авторство, но и отсылок на источники, научную литературу.

Например, наименование Адриатика связывают и с древним *adur* – «море»; и с городом Адриа (лат. *Adria*), расположенном на берегу По (и, как считается, давшим название морю). В то же время Адриатикой у древних греков называлась колония. Возможно, тогда целесообразно связать название Адриатика с греческим *δρία* – «лесные чащи, дремучие леса» (следовательно, *φ-δρία* «безлесый», «незаросший»).

Учитывая огромное количество заимствованных слов, в том числе греческих и латинских, представленных и именами собственными, необходимо отметить, что в качестве цветообозначений употребляются апеллятивы, производные от ономов.

Например, в русском языке активно используются колоризмы *гиацинтовый* и *цвет гиацинт* в значении «*кобальтово-синий*», которые восходят к греческому *ἰάκινθος* > латин. *Hyacinthus*, употреблявшееся сначала как имя собственное *Hyacinthos* – Гиацинт (любимец Аполлона, по преданию, убитый им метательным диском (из тела Гиацинта Аполлон вырастил цветок, «как бы обгаренный кровью»). В греч. мифологии Гиацинт (Гиацинт) – древнее растительное божество умирающей и воскресающей природы, догреческого происхождения. В догреческий период, как предполагают, слово возникло в значении ‘цветок дождей’.

Описание, подобное этому, – результат поисков в разных источниках, тогда как целостной картины истории и этимологии большинства слов, не только ономов, практически нет.

На наш взгляд, необходима консолидация ученых-лингвистов, работающих в разных областях языкознания, с различными языками и языковыми группами.

Исследование и описание современного колористического пространства невозможно без обращения к ономам, поскольку цвет в современном обществе выполняет не только функцию описательную, характеристическую, но и репрезентативную, рекламную, задача которой – привлечь потенциального покупателя. При этом традиционное цветовое прилагательное, вероятно, уже мало информативно и не имеет новизны. В то же время такие названия, как *цвет арго* – «синий», *цвет виктория* – «цвета спелой земляники, серебристый ярко-красный», *цвет гольфстрим* – «серо-синий», *цвет таврия* – «бледно-коричневый», – привлекают внимание, увеличивают интерес и дают возможность для обозначения близких, иногда практически неразличимых, цветовых оттенков.

Значение имен собственных в культурном пространстве народа трудно переоценить. Ономы традиционны, важны и являются историческим наследием, сохранившим информацию о прошлом. Именно этот факт должен подвигнуть лингвистов на создание общего историко-этимологического словаря ономов индоевропейской языковой семьи.

«Говорение» в русском языковом сознании: синестемические глаголы речи

А. Б. Лихачева

Вильнюсский университет (Литва)

Метакоммуникативная функция, глаголы речи, синестемия

Summary. The active vocabulary of Russian speakers includes a great number of verbs denoting a process of talking. Foundations for selection of a special group of sinestemic verbs are discussed.

В качестве одной из существенных задач современной науки о языке можно назвать семантическую параметризацию лексических единиц [1, 13], образующих активный словарь носителей национального языкового сознания.

Большое количество русских глаголов речи свидетельствует об актуальности для русского языкового сознания компактного указания на особенности процесса говорения (см. [2], [4]).

В данной работе описывается принцип выделения особой группы глаголов, называющих процессы говорения, по аналогии с другими действиями неречевого характера.

Перенос значений происходит в результате вербализации сходства звучания или эмоционального состояния, вызываемого тем или иным действием.

Часть таких глаголов и глагольных фразеологизмов имеет звуко-символический характер, среди них могут быть выделены:

1) неречевые глаголы звучания в функции речевых: *свистеть, брякать* (-нуть), *трещать, тархтеть, петь* (рассказывать небылицы), *блеять, стрекотать, (про)мычать*;

2) фразеологизированные звукоподражательные выражения: *(все уши) прожужжать, трубить (на всех улах)*.

Другую часть составляют глаголы незвуко-символической природы. Развитие их переносного значения обусловлено соощущением, созвучием, взаимодействием сенсорной и эмоциональной сфер, которое выражается в метафорическом переносе – по сходству эмоций, вызываемых различными действиями, или синестемией (синестэмией) (об этом понятии: [3, 85 и далее]). Такие глаголы, мы называем соб-

ственно синестемическими глаголами речи. Синестемические глаголы образуют следующие подгруппы:

1) неречевые глаголы в функции речевых: *плести, бодаться* (спорить), *накалывать, прикалываться, наезжать* (критиковать), *оттянуться* (высказать все, что накопилось), *раскручивать* (рекламировать, в том числе устно);

2) фразеологизированные выражения незвукоподражательного характера: *вешать лапшу на уши, трепать(-ся) (языком)*.

Анализ глаголов говорения, относящихся как к ядру русского языкового сознания, так и находящихся на границе литературного употребления, позволяет вскрыть некоторые аспекты выражения добавочных смыслов, сопутствующих основному значению глаголов речи: значению звукопроизводительного действия, совершаемого отдельным субъектом и имеющего коммуникативную направленность. Подобные ассоциативные значения обуславливают вторичные, метакоммуникативные функции глаголов речи и актуализируются параллельно с непосредственным коммуникативным действием, названным речевым глаголом.

Литература

1. Толковый словарь русских глаголов / Под ред. Л. Г. Бабенко. М., 1999.
2. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. Уфа, 1981.
3. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л., 1982.
4. Храмова Г. А. Глаголы речи в метакоммуникативных высказываниях // Аспекты лингвистических и методических исследований. Архангельск, 1999; <http://www.pomorsu.ru/ScientificLife/Library/Sbornic2/article2.htm>.

Современные русские фамилии, образованные от древних имен-оберегов

В. О. Максимов

Информационно-исследовательский центр «История фамилии», Москва

Антропонимика, языковая картина мира, имена-обереги, историко-культурные традиции, лингводидактика

Summary. Russian surnames are an integral part of modern Russian language and culture, and at the same time, being valuable historical relics, they preserved important linguistic and extralinguistic information. It is the surnames originating in Old Russian protective names that convey particular messages. Learning the genesis of such names allows us to get an idea of the main stages of development characteristic of the Russian linguistic view of the world, which, in its turn, helps those studying Russian to understand better the specific features of this language, its cultural distinctness and the phenomena common for many peoples of the world.

1. В основе современной русской историко-культурной традиции лежат 3 компонента: языческий; христианский (православный); система ценностей индустриального общества, проявляющаяся в универсализации культурных традиций. В силу известных исторических причин, сегодня даже христианская составляющая культуры России, которую наши предки называли не иначе как Святой Русью, стала малопонятной для нескольких поколений русских людей, тем более, представителей других национальностей. Еще более непонятны ее особенности, связанные с элементами дохристианской культуры, органично включенными православием в число своих традиционных ценностей.

2. Изучение любого языка есть одновременно познание истории и культуры народа – создателя этого языка. Поэтому к изучению иностранного языка следует относиться не только как к овладению средством общения, но и как к знакомству со складывавшейся веками системой взглядов, отразившейся в языковой картине мира данного народа. Это залог адекватности понимания этносами друг друга, а, значит, и важный инструмент для формирования межнационального доверия.

3. Судьбы исторической ономастики и, в частности, антропонимии противоречивы. Антропоним как знак языка может быть рассмотрен в нескольких аспектах: нормативном; этимологическом; функциональном или социолингвистическом; историко-культурном. Акад. Д. С. Лихачёв напоминал, что, при всей важности 3-х первых аспектов, именно 4-й является одним из важнейших для понимания национальной культурной традиции. Несомненно, в ряду современных русских антропонимов особую роль памятников языка и культуры играют фамилии, являющиеся поистине уникальным связующим звеном между настоящим и прошлым русского этноса.

4. Одной из мировых традиций (в этом проявляется ее универсальность) является наличие у многих народов в определенные исторические периоды так называемых имен-оберегов. Русский народ не является исключением. Однако наряду с этим мы можем говорить и об особенностях русской «охранительной» традиции именования. В мировой литературе и публицистике неоднократно отмечалось, что русский человек весьма суверен – и в значительно большей степени, нежели всякий другой европеец. Эта суверенность отчетливо запечатлена в лексике (ср., например, историю слов *чересчур*, *чураться*), во фразеологии (ср.: *куда кривая вывезет*, *бабушка надвое сказала*), в пословицах и поговорках. Многие из них – своеобразные реликты древних заговоров. Случайно ли это свойство характера русского народа? Ни в малейшей мере! Такое качество – результат тысячелетней «самости», т. е. самобытного, самостоятельного развития Руси. Русский человек, даже являясь вполне адаптированным членом постиндустриального общества, сохраняет черты, присущие всей русской культуре, сформировавшейся в условиях, весьма отличающихся от центрально- или западноевропейских. Важной причиной таких различий является несвойственное западной ветви христианства терпимое отношение православия к обычаям и традициям, сложившимся в народе в дохристианский период. А одним из следствий этого явился сравнительно долгий период бытования в русском обществе, безусловно, основанном на христианском мировоззрении и культуре, таких, на первый взгляд, рудиментарных языческих атрибутов, как имена-обереги. Значительный их массив сохранился в основах русских фамилий.

5. Знакомясь с историей русских фамилий, в частности, восходящих к охранительным именам, любой человек,

в том числе и изучающий русский язык, может лучше представить себе загадочную языковую картину мира древнего русича, самым непосредственным образом запечатленную в языке и культуре современного русского общества. Такие фамилии необычайно разнообразны. Мотивация выбора имени поражает. Здесь встречаем и попытки уберечь дитя от «посвятельств» нечистой силы – некогда всемогущих языческих богов, под влиянием православия «потесненных» в нишу второстепенных, но принимающих весьма деятельное участие в жизни русского человека представителей мира природы (ср. фамилии: *Банников*, *Шишиморин*, *Шишков*). Это и удивительно для христианского мировоззрения представление о том, что личные качества человека и его судьба предопределены не только волей Господа, но и в немалой степени зависят от «правильного» выбора мирского имени (ср. фамилии: *Кручинин*, *Злобин*, *Распутин*, *Бестужев*, *Некрасов*, *Нелюбов*, *Неклюдов* и др.). Удивительным может показаться и возникновение в определенный исторический период мирских имен, отражающих реалии христианского мировоззрения (ср. фамилии: *Угодников*, *Мясоедов*, *Постников*, *Святов*).

6. История развития и исчезновения мирского имени отражает естественный процесс эволюции мировоззрения русского человека. Знакомство с ним на примере фамилий помогает почти зримо наблюдать этапы этого развития. Его познание полезно представителям других культур, стремящимся освоить русский язык, понять исторические корни современной лексики, фразеологии, речевого этикета русских людей. Интересно оно и русским, т. е. носителям языка, желающим лучше понять, осмыслить причины возникновения тех особенностей русской культуры, мировоззрения и общественного устройства, которые неоднократно отмечались зарубежными и отечественными философами, а в эпоху глобализации стали предметом обсуждения поистине общенародного. Востребованность проблемы и недостаточное ее освещение научным сообществом ведут к спекуляциям, к замещению достоверных фактов домыслами малограмотных или нечестных псевдоисследователей (это особенно заметно в популярной литературе, претендующей на замещение исторической науки). Подобные процессы можно наблюдать и в сфере языковой (ср. ничем не обоснованное насаждение некоторыми представителями СМИ иноязычных заимствований вместо имеющихся вековую традицию русских названий и терминов). В связи с этим особое значение принимает и упомянутый нами выше социолингвистический аспект исторических русских антропонимов и топонимов. Социальную роль предмета изучения антропонимии и топонимии ни в коем случае нельзя недооценивать (ср. модные в среде неспециалистов темы обсуждения на интернет-форумах: «все фамилии с окончанием на *-ский* – польские», «в России более 15-ти тысяч фамилий, большинство из которых имеет татарское происхождение» или откровенно провокационные статьи об «иностранном» происхождении фамилии *Путин*).

7. Ономастика, как и другие отрасли гуманитарных наук, может дать обществу действенный инструмент для мобилизации или деморализации нации, для создания устойчиво-доверительных отношений между народами и же для их разобщения. У нас есть выбор: отдать контроль за этими процессами случайным «откупщикам» или, опираясь на научные данные, показать русскому человеку и представителям других национальностей, желающим приобщиться к русскому языку и культуре, логику, красоту и историческую обоснованность тех элементов, которые и составляют отличительные особенности русских или же являются универсалиями для всех мировых культур.

Стереотипный пласт речи как составляющая языкового сознания

Л. Б. Матевосян

Ереванский государственный университет (Армения)

Языковое сознание, частотность, стереотипный пласт, высказывание, коммуникация

Summary. Stereotype thinking is dictated by social structure and is reflected in the behavior of the person, particularly in his speech behavior. This, as a rule, reflects the real world, i. e. a definite social structure with a definite type of thinking.

Речевое поведение говорящего определяется «комплексным ситуационно-тематическим фактором» [3, 56]. Ситуации и аспекты взаимодействия людей в их повседневной жизни часто повторяются и потому стереотипны. В свою очередь, повторяемость и стереотипность жизненных ситуаций привели к образованию *стереотипных высказываний*.

Частотность – фактор социальный. Частотность той или иной конструкции, формы слова – это факт социального предпочтения. Именно частотность употребления в речи готовых воспроизводимых единиц языка в их постоянной комбинаторике и постоянном значении привела к образованию речевого стереотипа / стандарта, или, в терминах В. В. Красных, *стереотипа-представления* (см. [1, 270]).

С другой стороны, частотность употребления данных «речений» определяется тем, что они в виде готовых фраз имеются в «ассортименте словарного, фразеологического мышления» [4, 59] людей для выражения конкретных идей. Они сосуществуют в сознании носителей языка как готовый, заранее (до общения) данный набор, из которого говорящий делает выбор в зависимости от задач, условий, ситуации общения.

Стереотипный слой / пласт, наряду с мифопоэтическим, «информационным», метафорическим (см. [2, 121]), *является составляющей структуры языкового сознания*.

Стереотип мышления навязывается социальной структурой и находит отражение в поведении человека, в частности в речевом поведении, которое, как правило, адекватно отражает реальный мир – определенную социальную структуру с определенным типом мышления.

Появление стереотипных высказываний обусловлено прагматикой языка, его направленностью на общение, которая вызывает потребность в стандарте.

Стереотипное высказывание – это своеобразный фокус, в котором соединяются действующие в языке на современном этапе его развития противоборствующие тенденции к экономии – и избыточности, к устойчивости – и динамизму, к стандарту – и экспрессии. Это феномен, во многом значимый эвристически, который объясняется лишь настоящим, не претендуя на то, чтобы быть разъясненным с помощью прошлого.

Постижение разговорного стандарта того или иного языка – это своеобразное постижение Словаря как Вселенной, расположенной не в алфавитном порядке, а в упорядоченности, отражающей «картину мира» и общения в ее социо- и психолингвистических значениях.

Литература

1. Красных В. В. Стереотипы: необходимая реальность или мнимая необходимость // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г.: Доклады и сообщения российских ученых. М., 1999.
2. Красных В. В. Современная научная парадигма: лингво-когнитивный подход // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ, 18–21 марта 2004 г.): Труды и материалы. М., 2004.
3. Лантвева О. А. Русский разговорный синтаксис. Изд. 2-е, стереотипное. М., 2003.
4. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию: Избранные работы. М., 1968.

ВРЕМЯ и ЖИЗНЬ через призму ВРАЩЕНИЯ и ПОВОРОТА (фрагмент диалектной картины мира)

Е. А. Нефедова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
aos@philol.msu.ru

Диалектология, семантическое варьирование, классы предикатов

Известно, что каждый язык членит реальную действительность и представляет ее в сознании говорящего специфическим образом. Языковая картина мира находит свое отражение прежде всего в лексике, которая наиболее тесно связана с жизнью общества. Вместе с тем судить о картине мира, складывающейся в сознании носителей языка, позволяют не отдельные слова, а их группировки: тематические, гипонимические и паронимические группы, семантические и морфосемантические поля. Особое видение мира отражается в экспрессивной и модальной лексике, в метафорических наименованиях.

Производные значения многозначных слов, развивающиеся на основе семантических ассоциаций сходства и смежности, могут переходить в смежные семантические поля, осуществляя смысловые связи между ними. Изучение закономерностей переходов номинаций из одной семантической сферы в другую представляется актуальным для современного языкознания, рассматривающего язык как отражение знаний человека о мире, который его окружает.

Направления семантических переходов рассматриваются на материале многозначных глаголов кругового движения. (Исследование проведено на материале говоров Архангельской области. Материал извлечен из картотеки Архангельского областного словаря (АОС), его общий объем – около ста лексем, обладающих в сумме около 1500 словозначениями, как общерусскими, так и собственно диалектными.) Корневая морфема этих глаголов, представленная в русском

языке разными степенями чередования, относится к праиндоевропейскому лексическому фонду и имеет соответствия во многих славянских и неславянских языках ([2, 301, 335]). Она изначально обладает богатейшим семантическим потенциалом: общая идея поворота, вращения предполагает изменение положения предмета в пространстве или изменение направления его движения. Эти смысловые категории – движение, изменение, положение в пространстве – в языковом сознании ассоциативно связываются с многими семантическими областями (достаточно сказать, что название одной из основных категорий – категории времени – в русском языке этимологически связано с *вертеть*, см. [2, 361]), что и проявляется в результатах семантической деривации (под деривацией понимается выводимость значений друг из друга, создание одних семантических единиц на базе других; см. [3, 129–130]): каждый из бесприставочных и приставочных глаголов имеет в среднем 10–15 значений.

В своих прямых, исходных значениях эти глаголы могут обозначать поворот, вращение, поворот после перемещения, перемещение с поворотами в разные стороны и поворот с физическим усилием.

Переносные метафорические и метонимические значения переводят глаголы кругового движения в разнообразные семантические классы предикатов. Распределение значений по классам основано на классификации предикатов, представленной в [1]. Эти классы упорядочены «на основе принципа изоморфизма макро- и микромира языка... иерархиче-

ская структура значений всей глагольной лексики повторяет, в самых общих чертах, структуру значений многозначного глагола» [1, 80]. Соответственно, общая структура значений глаголов кругового движения изоморфна структуре значений отдельного глагола:

действия: а) физические – ‘одеваться’, ‘собираться’, ‘упасть’, ‘уронить’, ‘вывихнуть’, ‘умертвить’, ‘выкорчевать’, б) ментальные – ‘вспомнить’, ‘изменить ход рассуждений’, ‘реагировать’, в) речевые – ‘говорить что-н. немудрое, лишнее, смешное, неожиданное’, г) волевые – ‘решаться на что-н.’, ‘перестать уделять внимание’, ‘прекратить общение’;

деятельность: а) физическая – ‘строить’, ‘проводить медицинский осмотр’, ‘торговать’, б) ментальная – ‘руководить’, ‘управлять’, ‘организовывать’, ‘выполнять функции мышления (об уме, разуме)’;

занятия: ‘есть’, ‘сверлить’, ‘точить’, ‘танцевать’, ‘рассказывать’;

воздействия: ‘деформировать, изуродовать тяжелой работой’;

поведение – ‘лгать’, ‘насмехаться’, ‘вести распутный образ жизни’, ‘не признаваться в содеянном’;

процессы: а) физические – ‘умирать’, ‘рожать’, ‘расти’, ‘увядать (о раст.)’, ‘превращаться во что-н.’, ‘покрыть опилками’, ‘молодеть’, б) ментальные – ‘думать’, ‘рассуждать’;

состояния: а) физические – ‘плохо себя чувствовать’, ‘испытывать головокружение’, ‘тошнить’, ‘испытывать неприятные вкусовые ощущения’, б) волевые – ‘захотеть’, ‘расхотеть’, ‘проявлять интерес к чему-н.’, ‘прекращать

существовать’, в) ментальные – ‘помнить’, г) эмоциональные – ‘расстраиваться, переживать’;

события – ‘произойти’, ‘встретить’, ‘неожиданно начаться’, ‘заметить’, ‘удивить’, ‘посчастливиться’, ‘свергнуть’.

Многие предикаты связаны с обозначением свойств и их оценкой – они содержат семы ‘быстро’, ‘неожиданно’, ‘много’, ‘тяжело физически’, ‘трудно’.

Глаголы кругового движения в своих исходных и производных значениях образуют целый микромир, в котором в единстве и взаимосвязях представлены живая и неживая природа, человек и окружающий его мир вещей, его действия и состояния, оценки и эмоции. Эти глаголы обладают большим образным потенциалом и через свои производные значения способны обозначать очень многие действия, процессы, физические и психические состояния. Действующие в сознании говорящего ассоциативные механизмы связывают круговое движение со многими сферами человеческой деятельности. Глаголы кругового движения охотно передают свои предикаты природе, с их помощью обозначается движение солнца, ветра, воды, изменение погоды, смена времен года, рост и умирание растений и животных.

В докладе будут рассмотрены фрагменты идеографической классификации производных значений глаголов кругового движения.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Фундаментальная классификация предикатов / Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. I. М., 1986.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Этноязыковая ментальность и глагольные способы ее выражения

С. Р. Омельченко

Волгоградский государственный университет

Этноязыковая ментальность, ментальные глаголы литературного языка и диалектной речи, семантическая и смысловая структура глагольной лексики, семантические модели слова и предложения, функционально-семантическое поле

Summary. This paper presents a theory of ethno-linguistic mentality. In the basis of this theory is a functional-semantic interpretation of mentality verbs as a field structure. Via the reconstruction of systemic and functional attributes of mentality verbs, we have identified their meaning's dominant which forms immanent predicative structures expressed on the syntactic level. Accounting for modular and derivative transformations we have developed a typology which includes mentality verbs, functional-mentality verbs and ethno-mentality verbs. We have established the specifics of mentality verbs' usage by an ethnic group.

Проблема соотношения бытия, мышления и языка относится к разряду «вечных» в лингвистике. Благодаря Э. Б. Кондильяку, И. Г. Гердеру, В. фон Гумбольдту, А. А. Потебне была осознана активная, формирующая роль языка в отношении мыслительной деятельности, выявилась определенная зависимость последней от духа народа. Феномен ментальности выступает в качестве одного из актуальных предметов исследования в социальных и гуманитарных науках, способствующих формированию целостного представления о том, что такое менталитет человека и нации. При этом обращается внимание на важнейшее свойство ментальности – ее этноспецифичность, которая выражается прежде всего в языке, указывая на культурные, психологические и мифологические представления народа (работы В. В. Колесова, Ю. С. Степанова, Н. И. Толстого, В. Н. Телия).

В докладе рассматривается категория «этноязыковая ментальность», предложенная по аналогии с употребляемыми понятиями «языковая ментальность», «этнолингвистика», «этнолингвистические исследования». Она отражает в семантике языковых единиц особенности речемыслительной деятельности определенной этнической группы. В нашем исследовании представителями подобного этноязыкового сообщества являются казаки Нижнего Поволжья, проживающие на территории Волгоградской области.

Наиболее распространенным средством выражения этноязыковой ментальности являются ментальные глаголы, называющие не только процесс мышления, но и другие параметры умственной деятельности (познание, память, понимание и т. д.). Реконструкция их системных и функциональных свойств позволяет интерпретировать ментальную семантику в виде определенной ступени в развитии исходной идеи, которая выступает в качестве смысловой доминанты и

представлена категориальной семой ‘осуществление ментальной деятельности’. Эта сема имеет несубстанциональный предикатный характер и способна репрезентировать содержание целой ситуации, указывая на логико-семантические связи и отношения между субъектом и объектом мысли, а также участвуя в формировании имманентных предикатных структур, обнаруживающих эквивалентность синтаксической конструкции. Сема ‘осуществление ментальной деятельности’ задает основной предикатный смысл в иерархии семантических компонентов, который можно представить в виде общей семантической модели **субъект мыслящий – процесс мысли – объект мысли**, обобщенно отражающей типовую ситуацию умственной деятельности, связанной с направленностью мысли субъекта на объект.

В зависимости от модуляционных или деривационных семантических изменений (термины С. П. Лопушанской), которые происходят в смысловой структуре глагольных словоформ, функционирующих в речи казаков, нами выделены три типа ментальных глаголов. К первому типу относятся собственно ментальные глаголы литературного языка и диалектной речи, у которых ментальная семантика содержится в зафиксированном толковыми словарями прямом значении и сохраняется в процессе функционирования глагольной словоформы в речевом высказывании. Во второй тип объединены функционально-ментальные глаголы, приобретающие ментальную семантику в переносных значениях как результат семантических изменений деривационного характера. Отмеченность подобных значений в словарях литературного языка и диалектной речи свидетельствует об узуральных процессах перегруппировки разноуровневых признаков в смысловой структуре слова, что может рассматриваться как системно-языковой факт. Третий тип включает

этноментальные глаголы, у которых ментальная семантика развивается в переносных значениях как результат семантических изменений модуляционного характера. Такие изменения, не зафиксированные в названных словарях, служат подтверждением того, что процессы перегруппировки семантических признаков в смысловой структуре ментальных глаголов являются окказиональными и могут рассматриваться как особенность речи казаков.

Экстралингвистические факторы (интенциональность мысли и этнокультурные детерминанты), а также языковая специфика, связанная с представленностью ментальной семантики в прямых и переносных значениях, послужили основанием для формирования функционально-семантического поля, имеющего структурные части в соответствии с выделенными типами ментальных глаголов. Ядро включает собственно ментальные глаголы. Категориально-лексическая семантика глаголов-идентификаторов, соответствующая предикатной позиции этих глагольных единиц, способствует формированию базовых семантических моделей предложений. Актуализация дифференциальной семантики у других собственно ментальных глаголов задает основные лексические варианты базовых моделей. Центр объединяет функционально-ментальные глаголы, у которых семантическая деривация предопределяет их способность формировать совмещенные и образные семантические варианты базовых моделей предложений. Периферия представляет совокупность этноментальных глаголов, у которых семантическая модуляция предопределяет их способность конституировать спе-

цифические и этноспецифические семантические варианты базовых моделей предложений.

В целом ментальные глаголы, выступающие в качестве конституирующих компонентов семантических моделей предложений, во-первых, могут обнаруживать разнообразие связей и отношений ситуаций ментального мира с другими сторонами сознания (оценкой, волей, чувствами, эмоциями, фантазией, речевой деятельностью). Так, этноментальной особенностью является то, что у казаков и душа считается местом ментальных процессов (*думы застили душу; жгла ее душу мысль; подумывала душа моя* и т. п.). Во-вторых, ментальные глаголы могут указывать на ассоциативно-образные связи между ментальным и действительным миром, демонстрируя креативную составляющую умственной деятельности казаков (*и как только вошло в нее это понятие, она сразу будто взбодрилась; мне с детства интересно было достучаться, как оно все до нас было-то* и т. п.). В-третьих, ментальные глаголы могут репрезентировать дополнительные специфические и этноспецифические смыслы в предложении, отображая самобытный характер этноментальной деятельности казаков (*любил дибеть над книжками; так, кое-что повспоминается иногда; ну, чё ты все волокитешь, за кого выходишь: так и закулюкаешь в девках* и т. п.).

Эти и другие факты свидетельствуют об этноязыковой ментальности казаков, основным способом выражения которой являются ментальные глаголы, обозначающие и конституирующие интеллектуальные процессы.

Лексико-семантическая характеристика русских глаголов-светообозначений

Ж. Ю. Полежаева

Кемеровский государственный университет

Русская предикативная лексика, светообозначения, семантика

Summary. In the article author analyses lexical and semantic qualities of Russian verbs denoting of light.

Предлагаемая классификация глагольной лексики, объединяемой в рамках одного ЛСП «свет – тьма», основывается на выделении в значении глаголов дифференциальных сем, не противоречащих основным интегральным семам «наличие / отсутствие светового признака в обозначаемом действии». Естественно, что термин «действие» в данном случае употребляется в широком аспектуальном смысле и подразумевает как собственно действие, так и процесс, состояние и другие аспектуально значимые типы «действия».

Учитывая проявление в семантике глагольной лексики дифференциальных семантических признаков, мы выделяем следующие группы.

1. Микрополе светообозначений, интегрированное на основе семы «наличие светового признака». Сюда относятся:

1. Глаголы с наиболее общим значением **«производить свет»**: *светить – светиться, освещать, обливать, лучить – лучиться, брызгать – брызгаться, лупить, слепить, бросать (свет, лучи), иллюминировать* (НСВ) и т. д. Данная группа глагольной лексики является самой обширной и субкатегоризуется по дополнительным семантическим компонентам (ДСК) *интенсивность, деликатность, количественность*. Эти ДСК могут быть или не быть аспектуально поддержаны, т. е. либо словообразовательно маркируют принадлежность глагола к определенному способу глагольного действия (СД), как, например, в случае глаголов многоактного СД типа *моргать (о свете)*, прерывисто-смягчительного СД типа *посвечивать*, либо «инкорпируются» в саму глагольную лексему, как в случае с глаголами типа *озарять, лучиться*.

По семантике здесь явно выделяются подгруппы глаголов с дифференциальными семами **«источать свет»** (*источать, изливать, испускать, струить, лить (лучи), облучать, идти (о свете), исходить*); **«издавать блеск»** (*блестеть, блистать, переливаться, звездить(ся), искрить(ся)*); **«источать свет, блеск + интенсивность»** (*сиять, сверкать, польщать, озарять, вспыхивать*); **«производить свет слабо»** (*брезжить, теплиться*); **«производить свет прерывисто, непостоянно + слабо»** (*мерцать, мигать, моргать, мелькать, трепетать, мреть* [БАС]); **«производить прони-**

кающий свет» (*просвечивать, пробивать, пронизывать*); **«производить свет, распространенный по пространству»** (*рассеивать, разливать*).

Как видно из классификации, данная ЛСГ представляет только агентивные глаголы.

2. «Антонимична» предыдущей группе глаголов ЛСГ пассивной характеристики – с общим значением **«получать свет»**: *высвечиваться, освещаться, иллюминировать* (СВ), *озаряться, осиять, обливаться (светом, лучами), облучаться* и др.

3. Глаголы с общим значением **«производить свет + тепло»**: *гореть, разгораться, пылать, пламенеть, пыхать, куриться, заниматься, запаливаться, приниматься, разжигаться*. Здесь возможна дальнейшая семантическая градация по присутствию в семантике глагола ДСК «интенсивность» (*палить, печь, прокалывать, прожаривать, калить, распалить, жечь*). Данная ЛСГ в целом периферийна, поскольку указание на производство света глаголом происходит параллельно с указанием на процесс горения.

4. Глаголы, по пропозитивным параметрам противопоставленные предыдущей ЛСГ, т. е. глаголы с общим значением **«получать свет + тепло»**: *прокаливаться, прожариваться, спекаться, сжигаться, воспламеняться* и др.

5. Глаголы с общим значением **«стать / становиться светлым, ясным»**: *светлеть, яснеть(ся), проясняться, светлеться, просветлять, просветлеть, высветлиться, осветлеть* и др. Совершенно очевидно, что в данной ЛСГ будут выделяться разные подгруппы на основе и собственно семантических, и семантико-синтаксических, и аспектуальных критериев. Например, простое сопоставление таких глаголов, как *высветлять* и *осветлять* демонстрирует явное различие глагольных лексем по семантическому признаку 'полнота / неполнота охвата действием объекта'; сравнение же глаголов *яснеть* и *яснеться* обнаруживает резкое их отличие по «субъектному параметру»: *яснеть* можно и в лице, а *яснеться* употребляемо только применительно к явлениям природы.

6. Глаголы с общим значением **«отражение света от какой-либо поверхности»**: *отсвечивать, отблещивать, отражать, отбрасывать (свет)*. Световой признак может быть

ингерентно присущ отражающему объекту, тогда общее значение осложняется ДСК «внутренний свет», ср. *отливать*.

7. Глаголы с общим значением «**производить или получать свет + цвет**». Имеется в виду та глагольная лексика, которая находится на периферии ЛСП свето- и цветообозначений. Вся она, по сути, является производной от прилагательных *золотой* и *серебряный*: *золотить – золотиться, серебрить – серебриться, посеребрить – посеребриться, осеребриться, позолотить – позолотиться, озолотиться*.

Переходную группу составляют те глаголы, в семантической структуре которых проявляется сложный признак «**свет + тень**». Все они обозначают проявление (или слабое проявление) и «сокрытие» небесных светил, те самые различаясь не только ДСК «действие сил природы», но и ДСК «направление». Сюда, таким образом, относятся глаголы типа *светать, брезжить, белеть, заниматься, завиднеться, обутреть, разгораться, вставать, всходить, подниматься, появляться, вечереть, садиться, опускаться* и т. д.

II. Микрополе цветообозначений, интегрированное на основе семы «отсутствие светового признака». Самым активным в данной группе является глагол *темнеть* и, соответственно, все его словообразовательные дериваты. Дру-

гие члены этого микрополя обязательно предполагают в своей семантической структуре указание на объект, посредством которого происходит устранение светового признака, ср.: *подёрнуть(ся), затуманивать(ся), отуманивать(ся), осенить(ся), оттенять, затагивать(ся), застилать(ся), наволакивать, сгущаться* и др.

В рамках данной группы глагольной лексики явно выделяются только две подгруппы. Это:

1. Глаголы с общим значением «**перестать / переставать светить**»: *гаснуть, погаснуть, тухнуть, притухнуть, затухнуть, догорать (о солнце, например), догореть (о свече), затмиться – затмеваться, исчезать* и др.

2. Глаголы с общим значением «**перестать / переставать производить свет + тепло**»: *сгореть, погореть, прогореть, сжечь, спалить* и др.

Такова общая лексико-семантическая классификация глаголов-цветообозначений в современном русском языке. Безусловно, она может и должна быть детализирована за счет введения дополнительных семантических признаков и критериев. Наиболее перспективной в этом плане работой следует признать движение в направлении аспектологической характеристики и семантико-синтаксического анализа.

Гендерные вопросы перевода в контексте фемининного компонента русского языка и культуры

Е. В. Полищук

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Гендерная маркированность, фемининный компонент, проблема идентификации, теория и практика перевода, адекватные межъязыковые соответствия, «перевыражение» оригинала, переводческая реконструкция

Summary. The presented report is devoted to the problem of gender component – important and actual question in modern translation practice and its theoretical background. This is closely related with the problem of identification when translator interprets gender function into socio-literary basis. The present-day investigations of translation gender component are closely connected with widely spread phenomenon of feminism.

Задача перевода – передавать не только то, что выражено подлинником, но и то, как это выражено в нем (Я. И. Рецкер).

Национальные культуры, национальное сознание и самосознание, национальный характер, национальные языки – все эти взаимозависимые и взаимно дополняющие друг друга явления обуславливают полиморфизм культур, сформировавшихся под влиянием множества факторов, одним из основополагающих среди которых является гендерный фактор. В последнее время в лингвистике **гендерный аспект** становится одним из главных, зачастую определяющих приоритетные тенденции развития языковых исследований.

Гендерная проблематика входит и в переводческую практику, и в теоретические исследования, посвященные, в частности, таким важным теоретическим вопросам, как, с одной стороны, **герменевтический аспект** перевода (толкование, адекватное восприятие смысла оригинала), и, с другой стороны, аспект порождения нового речевого произведения, его **переводческая реконструкция**. При этом категория гендера не может быть самостоятельной идентично устанавливаемой функцией; гендер – это дискурсно производная конструкция, детерминируемая множеством факторов. Как только возникает проблема идентификации, переводчик преобразует гендерную функцию в социально-литературную плоскость.

В последнее время широкое развитие гендерных исследований связывают с активным распространением идеологии феминизма, теоретики которого подчеркивают необходимость рассматривать не опыт пола, но опыт рода, соотносительный с культурно-психологическими характеристиками.

Гендерная маркированность языка и культуры проявляется не только в существовании «маскулинных» и «фемининных» мировоззрений – фактор гендера пронизывает каждый национальный язык и является одним из важных в теории и практике перевода, когда ведется поиск адекватных **межъязыковых соответствий** (например, в случаях, когда формальная «маскулинность» словоформ намеренно передается специально созданными, часто искусственными «фемининными» формами).

Известно, что перевод часто сравнивают с женщиной, т. е. он, как и она, часто такой же непоследовательный и неверный (однако, по терминологии Буало, «прекрасный неверный»). Так же, как в исторически сложившемся социально-половом разделении женщина занимала зависимое, подчиненное положение по отношению к мужчине, так и перевод по своей сути занимает вторичное, зависимое положение по сравнению с сильной генерирующей категорией оригинала. Такое положение дел вызывает активное неприятие у сторонников гендерного подхода, соответственно старающихся ввести в переводческую практику максимально допустимую «фемининность» передаваемого смысла и соответствующий выбор языковых средств транслята, часто значительно отличающихся от оригинала.

Язык, как и другие знаковые системы, не просто отражает реальность, но и опосредованным образом воздействует на нее. Соответственно, и перевод не является зеркальным отражением текста, он трансформирует, переписывает текст, пользуясь языком как средством культурной интервенции, средством преодоления релевантных структур как на понятийном, так и на формальном (лексическом, синтаксическом) уровнях.

Интересные случаи прямого взаимодействия с феминизмом наблюдаются в современной практике переводов, когда происходит фактическое изменение, переделка текста в соответствии с иной идеологической моделью. Такая «феминистская практика» перевода имеет своей целью «**перевыражение» оригинала**, создание фактически новых произведений. При этом речь идет и о переводе текстов в рамках одного (в частности, английского) языка. Так, достаточно распространенной является практика замены слов с мужским формантом *-man* на соответствующие женские формы *woman*: *chairman* → *chairwoman*, *fireman* → *firewoman*, *postman* → *postwoman*.

Также интересны случаи поиска адекватных, однако искусственно создаваемых эквивалентных аналогов слова *Mister*: вместо *Mrs. u Ms.* используется объединенная форма *Missis*.

Hijacking (исправление) является одним из наиболее часто встречающихся способов перевода (а часто изменения) текста с позиций феминистской идеологии автора.

Параллелизм судеб русского языка и России в XX-ом веке

А. В. Пузырёв

Ульяновский государственный университет

Цель предлагаемого доклада – обозначить параллелизм судеб русского языка и России в XX веке. Тема доклада обусловлена, во-первых, темой конгресса, а во-вторых, личными поисками автора в области изоморфизма законов развития (точнее – изменений) языка и жизни.

Одной из базовых посылок наших размышлений является общеизвестное положение теории систем, согласно которому о развитии системы можно говорить тогда, когда внутренние и внешние (с окружающим миром) связи системы усложняются. В тех же случаях, когда система обладает постоянным уровнем энергии (и ее внутренние и внешние связи сокращаются), она движется по пути повышения энтропии (по пути саморазрушения). Полагаем, что эта посылка с полным на то основанием может быть отнесена и к судьбам русского языка и России в XX веке.

Для иллюстрации параллелизма судеб России и русского языка обратимся к трем периодам двадцатого столетия: первому десятилетию после революции 1917-го года, четвертому (с 1935 по 1945-й годы) и последнему десятилетиям XX-го века.

Указанные периоды выбраны не случайно. Они выбраны потому, что были годами испытаний для русского народа, что, в свою очередь, проявилось и в языке. Первое и последнее десятилетие XX-го века – это время двух революций, ознаменовавших переход от одного социального строя к другому: в первом случае – от капитализма к социализму, во втором – от социализма к капитализму (об этом говорит, в частности, и С. Тер-Минасова). Но революция – всегда насилие. В обоих случаях насилию подвергся русский народ, государствообразующая нация России. Период середины века (с 1935 по 1945-ый годы) нами выбран для сопоставления потому, что это тоже был период испытаний – подготовки к Великой Отечественной войне и участия в ней. Русский народ (вместе с народами Советского Союза) в это время прошел через испытание агрессией внешнего характера.

Ломка социального строя – всегда трагедия для социума. Не стали исключением из этого топика и ситуация в России двух революций, приведших к во многом схожим результатам. В это время в России наблюдались: чрезвычайно высокая убыль населения (выкладки см.: [Кожин 2005]), разрушение армии как института государственности и самого государства, снижение уровня общественной морали, разрушение промышленного и сельскохозяйственного производства, уничтожение науки (в частности, превращение интеллигенции в культурный слой нищенства) и т. д. и т. п. Во многом и сегодня, как свидетельствует о стратегических показателях ситуации в России А. Г. Конфисахор в своей монографии «Психология власти», имеют место быть: деиндустриализация, технологическое отставание, разрушение научного потенциала, социальный кризис, люмпенизация населения, вымирание нации, снижение жизнеспособности страны, жизнеопасность окружающей среды, деградация населения, кризис власти, проявляющийся в неверии властных структурам ([Конфисахор 2004, 103]).

Любопытно то, что русский язык в период обеих революций XX века в России подвергся изменениям принципиально схожего характера (см. об этом: [Селищев 1928], [Тер-Минасова, Рыбаков 2005], [Иванова 2005] и мн. др.). В это время наблюдались массовое заимствование слов иностранных языков, проникновение канцеляризмов и жаргонных слов в повседневную публицистическую и разговорную речь, усиление эмоциональности и метафоричности речи, активизация словообразования, разрушение стилистической структуры языка. Русский язык в период обеих революций XX века в России резко снизил уровень нормативности употребления. Фонетисты подтверждают, что орфоэпические нормы в XX веке менялись со значительно большей скоростью, чем в XIX.

В языковых изменениях, однако, следует различать феномены развития и деградации. Согласно известному закону Е. Д. Поливанова, развитие языка заключается отчасти в том, что он развивается все медленнее (см. об этом также: [Щерба 1957, 117]). Высокая скорость изменений в русском языке в этом смысле свидетельствует о его деградации (а вместе с этим – и о деградации носителей этого языка).

Период 1935–1945 г. свидетельствует о принципиально иной языковой ситуации для русского языка. В предвоенное время проводилась активная нормализаторская работа в области литературного языка. Именно к этому времени относится выход в свет четырехтомного Толкового словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. Следует упомянуть большую работу с начинающими писателями М. Горького, отстаивавшего идеалы образцовой литературной речи. Как указывает М. И. Исаев, параллельно развитию русского литературного языка развивалось книгопечатание и на других национальных языках СССР (см.: [Исаев 1979]).

Конечно, повышение грамотности, требовательности к соблюдению литературных норм (как это всегда и бывает) было частным проявлением наведения порядка в социуме. В демократической прессе много говорится о «трагедии» 1937 года и игнорируются, в частности, конкретные наблюдения «диссидентки» и (затем) эмигрантки Р. Д. Орловой (урожденной Либерзон), согласно которым в это время «свои убивали своих» (см.: [Кожин 2005, 281]). Сошлемся также на мнение американцев, сослаться на которых сегодня считается хорошим тоном. Американский посол в СССР в 1937–1938 годах Джозеф У. Девис после нападения Германии на СССР записал в своем дневнике (7 июля 1941 г.): «...Сегодня мы знаем, благодаря усилиям ФБР, что гитлеровские органы действовали повсюду, даже в Соединенных Штатах и Южной Америке. Немецкое вступление в Прагу сопровождалось активной поддержкой военных организаций Гелена. То же самое произошло в Норвегии (Квислинг), Словакии (Тисо), Бельгии (де Грель)... Однако ничего подобного в России мы не видим. “Где же русские пособники Гитлера?” – спрашивают меня часто. “Их расстреляли”, – отвечаю я. Только сейчас начинаешь сознавать, насколько дальновидно поступило советское правительство в годы чисток» (цит. по: [Мухин 2005, 258]).

Работа Советского правительства по наведению в предвоенные годы порядка дала свои плоды. Как показывают достаточно убедительные расчеты Ю. И. Мухина, которые в силу ограниченности рамок изложения полностью привести невозможно, во время Великой Отечественной войны «боевая стойкость генералов была в 6,5 раз выше, чем при царе, боевая стойкость офицерства была в 8 раз выше, а стойкость солдат в 17 раз!» ([Мухин 2005, 127]).

И еще один штрих. В русском алфавите есть буква ё. Сегодня она считается факультативной, т. е. необязательной. Эта буква обозначает ударный звук [o] после мягкого согласного или шипящего: *сёстры* [с'о]стры, *вёсла* [в'о]сла, *шёлк* [ш'о]лк. Самое интересное в том, что обязательное употребление буквы ё в школьной практике было введено Приказом Народного комиссара просвещения от 24 декабря 1942 г., т. е. во время Сталинградского сражения. В 1945 г. был издан словарь под названием «Употребление буквы ё» (см.: [Введенская и др. 2005, 86–87]). Приходится признать, что Сталин усматривал прямую связь между состоянием этноса и его языковой культуры и принимал в этой области точные решения созидательного характера.

Современное положение русского литературного языка в вузах России характеризуется его миноритарностью по отношению к мажоритарности английского: если иностранный английский язык изучается как обязательный, то государственный язык Российской Федерации – в значительно меньшем объеме и как факультативный.

Прецедентные феномены со сферой-источником «Эпоха СССР» в рекламе предприятий сферы услуг

М. С. Рязанова

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Прецедентные феномены, рекламный дискурс

Summary. The report considers case phenomenons in advertising texts.

Рекламная коммуникация в настоящее время проникает во все общественные сферы, интегрируется с различными гранями культуры – политикой, искусством, наукой (в частности, с лингвистикой). Реклама стала неотъемлемой частью сферы повседневного общения, она отражает различные формы жизни общества, его нормы, ценности, взгляды. Обращение к рекламе как основе для проведения исследования обусловлено и тем, что рекламный дискурс, апеллирующий к ядерным элементам национально-культурного пространства, служит ярким показателем общей культуры общества.

Язык современной рекламы вписывается в систему единиц вербальной коммуникации, которая сегодня, как и язык СМИ, сформировалась как культурная информация и включает в себя культурные семы, культурный фон, культурные концепты и коннотации ([4, 26–55]). Причем культурно-языковая компетенция современных носителей русского литературного языка и русской культуры позволяет создателям рекламных текстов проводить и производить «прецедентные» операции различной интеллектуально-ментальной сложности и различной этико-психологической направленности ([1, 70]).

Современное состояние лингвистического изучения интертекстуальности потребовало введения специального понятия «прецедентные тексты». К их числу отнесены тексты, «значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широко окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, 216].

Теория получила развитие в работах Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, Д. В. Багаевой и В. В. Красных. Учеными были выделены следующие типы прецедентных феноменов: прецедентная ситуация (ПС), прецедентный текст (ПТ), прецедентное высказывание (ПВ) и прецедентное имя (ПИ) ([3, 47–49]).

В рамках данной работы мы рассмотрим функционирование прецедентных феноменов со сферой-источником «Эпоха СССР» в рекламе предприятий сервисно-досуговой сферы, а именно предприятий общественного питания (ресторанов, баров, кафе). Материалом для анализа послужили рекламные тексты, размещенные в сети Интернет на следующих сайтах: restoran.ru, restoran.ua, menu.ru, chernovik.ru, kommersant.ru, kwartet.ru, club-su.ru, spb.afisha.ru, spb.inout.ru.

В исследованиях подчеркивается чрезвычайная устойчивость советского культурного кода ([5, 314]). Более того, в последние годы можно наблюдать усиление консервативных настроений определенной части населения и появление «ностальгии по СССР». На рынке услуг это явление отмечено появлением так называемых ретропотребителей, а priori доверяющих всему «советскому». В сегменте предприятий общественного питания актуализируются заведения с «советской» концепцией, в большинстве случаев использующие прецедентные феномены в названии и рекламных текстах. Кафе-клуб «СССР»: *И совершенно неважно, какое государственное устройство властвует в умах нации: главное то, что мы несем в своем сердце, где всегда царит тоталитарное гостеприимство, роскошный обычай обильной и качественной трапезы и трепетное отношение к качеству блюд, которым сейчас славится российская ресто-*

ранная культура. Ведь именно эти черты присущи человеку, умеющему радоваться жизни, рожденному в СССР... Кафетерий «СССР»: *Для ностальгирующих по советским временам гостей шеф-повар рекомендует специально: «Обед кулака», «Сбор металлолома», «Пионерская зарплата», «Поход в лес и на картошку», суп «Антисоветский», салат «Тимуровский». Отдыхающие всех стран, соединяйтесь!*

Однако согласно данным социологических опросов, в России наряду с «сочувствующими» бывшему СССР немало граждан, сохраняющих о нем негативные воспоминания. Эта двойственность современного общества также отражается в рекламе предприятий общественного питания. Ресторан «Зов Ильича»: *Ресторан Советской и французской кухни. Два зала приблизительно по 30 мест. Один – советский, второй – антисоветский. В первом зале мониторы показывают записи съездов КПСС, по стенам развешены пионерские лозунги. В антисоветском зале зеркальный потолок, к которому вниз головой подвешены бюсты Ленина. Ресторан «Будь готов!»: Ресторан советской и антисоветской кухни.*

Отражено в рекламных текстах и абсолютное неприятие реалий и героев «советской империи». «Ресторан морских гадов»: *В районе Чистых прудов, в тихом Потаповском переулке, появился «Ресторан морских гадов». <...> Справа от входа на металлической ножке стоит аквариум с мутной водой, в котором Ленин и Дзержинский играют в теннис – еще одна остроумная вариация на тему подводных гадов.*

Забвение всего, что связано с периодом существования Советского Союза – новая тенденция времени. В объеме фоновых знаний нового поколения не входят представления о выдающихся деятелях эпохи СССР. Прецедентное имя Бухарин (советский партийный деятель, академик АН СССР) в названии одноименного ресторана уходит из разряда прецедентных и используется в качестве существительного, производного от просторечного глагола бухать – «пить спиртное» (в Словаре русского арго бухарин, бухарик, бухарь – «пьяница, выпивоха»):

Ресторан «Бухарин»: *Новый ресторан «Бухарин» создан для любителей красиво и со вкусом выпить. Названо заведение по мотивам классической русской традиции – пить пиво, водку и другие серьезные мужские напитки под хорошую закуску, и все в ресторане к этому располагает: и атмосфера, и меню, и интерьер.*

Таким образом, реклама сферы услуг, а именно предприятий общественного питания служит ярким показателем культурной памяти постсоветского человека.

Литература

1. Анненкова И. В. Язык современных СМИ в контексте русской культуры // Русская речь. 2006. № 1. С. 69–78.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
3. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
4. Ольшанский И. Г. Лингвокультурология в конце XX в.: итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров / исслед. Отдел языкознания. М., 1997.
5. Трапкова А. В. От советского к постсоветскому человеку // Современные трансформации российской культуры. М., 2005.

Семантические зоны ядра языкового сознания (динамический аспект)*

А. П. Сдобнова

Педагогический институт Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Ассоциации, семантика, лексика, ядро, психоллингвистика

Summary. The paper deals with the semantic structure age dynamics of the core of Russian linguistic consciousness on the materials of the «Associative Dictionary of Schoolchildren of Saratov and Saratov Region» and the «Russian Associative Dictionary».

В современной лингвистике ядро языкового сознания (ЯС) исследуется в различных аспектах: рассматривается состав

входящих в него единиц, их метаязыковая функция, семантическая структура ядра, этнокультурные, гендерные,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 05-04-04142а).

социокультурные, возрастные особенности ядра ЯС и др. (А. А. Залевская, Н. В. Уфимцева, Ю. Н. Караулов, Н. О. Золотова, С. Г. Незговорова, А. П. Боргоякова, А. В. Федченко, Н. С. Сергиева, Н. И. Береснева, И. Г. Овчинникова, Т. В. Соколова и др.).

Считается, что в ядро языкового сознания входят слова, имеющие наибольшее количество связей с другими словами в ассоциативно-вербальной сети.

«Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области» (АСШС) к настоящему моменту включает более 400 000 ассоциативных пар. Он содержит реакции учащихся всех возрастных групп, что позволяет исследовать лексику современных школьников в динамическом аспекте.

В ядро лексикона школьников, по материалам АСШС (ядро выделено нами по методике А. А. Залевской на материале обратного ассоциативного словаря), входят 75 единиц, обладающих наибольшей ассоциативной силой в сознании школьников: *боль, большой, быстро, вещь, вода, время, говорить, голова, город, гулять, девочка, делать, дело, день, деньги, дерево, добрый, дом, дорога, доска, друг, думать, дурак, животное, жизнь, земля, игра, играть, идти, класс, книга, кот, красивый, лес, любовь, маленький, мальчик, мама, машина, мир, много, мой, мяч, нет, он, папа, писать, плохо, плохой, предмет, работа, радость, ребенок, ручка, сильный, слово, собака, солнце, стол, стул, телевизор, тетрадь, ты, улица, ум, умный, урок, ученик, учитель, хороший, хорошо, цветок, человек, школа, я.*

Анализ ассоциативных материалов, полученных от школьников различных возрастных групп (условно выделенные группы: младшие школьники 1–4 кл., подростки 5–8 кл., старшеклассники 9–11 кл.), показывает, что ядро ЯС школь-

ников – динамическое, формирующееся явление, стремящееся к «взрослой языковой норме». Его возрастная динамика проявляется в ярко выраженном последовательном сближении ядра ЯС школьников с ядром ЯС взрослых. Это проявляется и на формальном (состав единиц ядра), и на глубинном (семантические зоны, их наполнение) уровнях.

Изменения в составе единиц ядра.

Основная часть единиц ядра ЯС школьников (по АСШС) совпадает с единицами ядра ЯС взрослых (по РАС. См. [Уфимцева 2000]). (Единицы ядра школьников, совпавшие с единицами ядра взрослых, в приведенном выше списке выделены полужирным курсивом). Самые главные из них *человек* и *дом* совпадают и по рангу частотности: у взрослых и у школьников *человек* имеет первый ранг, *дом* – второй. Динамику состава единиц ядра ЯС школьников разновозрастных групп передают количественные показатели: у младших школьников совпали с единицами ядра ЯС взрослых 43 единицы, у подростков – 47 единиц, у старшеклассников – 50 единиц.

Динамические процессы в семантической структуре ядра ЯС.

Семантические структуры ядер ЯС взрослых и школьников близки. В них выделяются семантические зоны, условно называемые: **Человек** (*человек, друг, ребенок, я, он* и др.), **Жизнь** (*жизнь, смерть, время* и др.), **Оценка** (*большой, хорошо, умный* и др.), **Природа** (*земля, вода, лес* и др.), **Занятие** (*работа, дело, думать* и др.), **Дом** (*дом, мама, ребенок, кот* и др.), **Артефакты** (*книга, машина, кино* и др.), **Цвет** (*белый, красный* и др.). В ядре ЯС школьников выделяется еще зона **Детство** (*игрушка, мяч, школа, урок, гулять* и др.). Основные различия наблюдаются в наполнении семантических зон и в их рангах.

Семантические зоны ядра языкового сознания

Ранг	РАС	Старшеклассники	Подростки	Младшие школьники
1	Жизнь	Жизнь	Детство	Детство
2	Оценка	Оценка	Оценка	Оценка
3	Человек	Человек	Человек	Человек
4	Природа	Детство	Жизнь	Природа
5	Занятие	Природа	Артефакты	Дом
6	Дом	Занятие	Занятие	Жизнь
7	Артефакты	Артефакты	Природа	Артефакты
8	Цвет	Дом	Дом	Занятие
9				Цвет

Развитие семантической структуры ядра языкового сознания школьников проявляется во всех зонах. Так, зона **Детство** (которую точнее следует обозначить как *жизненная сфера детства*) занимает первое место в ядре языкового сознания младших школьников. У подростков и старшеклассников интенсивность ассоциативных связей единиц этого поля ослабевает, и семантическая зона **Детство** сокращается, перемещаясь сначала на второе, а затем и на четвертое место у старшеклассников. Место отдельных единиц с конкретным значением (*урок, игрушка* и под.) замещается сложными, абстрактными понятиями, связанными с оценкой мира, жизни в различных ее проявлениях (*жизнь, смерть, время*).

Более отчетливо динамика ядра ЯС школьника наблюдается в семантической зоне **Жизнь**. Понятие (концепт) *жизнь* в языковом сознании взрослых и школьников обладает неодинаковым весом. По интенсивности ассоциативных связей в АВС ассоциат *жизнь* имеет в ядре ЯС взрослых 3-й ранг, у старшеклассников – 8-й, у младших школьников – 48-й. Семантическая зона **Жизнь** при общих для взрослых и школьников базовых единицах *жизнь, радость, любовь; день; идти, дорога; думать* содержит различия, во-

первых, в объеме: у младших школьников эта зона включает 11 единиц, у подростков – 12, у старшеклассников и взрослых – по 21 единице. Во-вторых, расхождения проявляются в том, что единицы с негативным наполнением, имеющиеся в ядре ЯС взрослых (*смерть, война, страх*), отсутствуют в этой зоне у младших школьников и подростков и появляются только у старшеклассников и не в полном объеме (*смерть, страх*). В-третьих, у взрослых в этой зоне значительно шире представлены пространственные и временные параметры жизни. Например, такая важная в языковом сознании взрослых единица, как *время*, отсутствует в ядре ЯС младшеклассников и подростков, но у старшеклассников уже занимает такое же место (34-й ранг), как и у взрослых (33-й ранг).

Важные для формирования ЯС личности динамические процессы происходят и в семантических зонах **Человек, Природа, Оценка**.

Существующие совпадение и расхождение в лексическом составе и семантической структуре ядра ЯС взрослых и ядра ЯС школьников, несомненно, отражают динамические процессы формирования языковой картины мира личности.

Эволюция концепта-мифемы в русском языковом сознании

Е. Н. Сергеева

Восточный институт гуманитарных наук, управления и права, Уфа

Языковая картина мира, концепт, мифологизация

Summary. Our article is devoted to the evolution one of the Russian cultural concepts – concept «sudba».

В русской языковой картине мира представлено несколько абстрактных имен, вербализующих ключевые

концепты русской культуры. В своем докладе мы рассматриваем эволюцию ключевого концепта-мифемы «судьба».

Концепты-мифемы являются результатом мифологического осмысления действительности. Они отражают представление об объектах, не существующих в природе, вследствие чего у вербализующих их лексем нет соответствующих референтов, хотя чувственные образы, отражающие как бы реально существующие признаки, присутствуют. Привлечение мифологического материала в исследованиях необходимо для интерпретации языковых фактов, которые в своей совокупности подтверждают гипотезу о существовании первоначального архаического идейного комплекса, в котором не разграничивались миф и язык, объединяемые в ритуале (Т. В. Топорова).

Структурная и смысловая многослойность концепта-мифемы отражается в процедуре его осознания. «Наращивание» смысловых слоев концепта-мифемы можно представить следующим образом.

На первом этапе происходит его осмысление, то есть соотнесение в нашем сознании смыслового содержания концепта с этимологией ключевого слова. На данном этапе мы рассматриваем словообразовательную модель $\{[(\ast som- + \ast dhos-) + \ast -\acute{y}b] + a\}$, в которой каждый элемент несет свои определенные смыслы, репрезентирующие основные концептуальные модели судьбы ($\ast som-$ имела значение 'связь, соединение', $\ast dhos-$ – значение 'говорить', 'делать', 'устанавливать', $-\acute{y}b(a)$ обозначал действие, названное производящей основой). Процессуальность семантики, заложенная в этимологические лексемы *судьба*, открыла широкие возможности для ее семантического варьирования.

На втором этапе формируется внутренняя форма слова – смысловый центр образа. Им становится один из признаков этимологического содержания концепта. Для концепта «судьба» – это идея предопределения, ради которой, по мнению многих исследователей, и создавалось новое слово. Так, в древнерусском языке анализируемый концепт представляет как концепт-сценарий судопроизводства. Этимологическая связь суда и судьбы прослеживается в значениях 'суд', 'приговор, решение', 'правосудие', 'судилище' (выделены И. И. Срезневским), а также 'суд', 'приговор', 'правосудие', 'судилище' (зафиксированы В. И. Далем).

На третьем этапе происходит метонимическая концентрация образа (для концепта «судьба» – это «суд»), которая обуславливает формирование символического значения слова, поскольку сквозь призму «земного» суда осмысливается суд «небесный», формируется представление о высшей (предопределяющей) силе. Вначале изменение значения в направлении 'суд' > 'приговор' > 'предопределение' отражало экзистенциальное, «земное» представление о судьбе. В дальнейшем в связи с осмыслением судьбы как высшей

потусторонней силы слово *судьба* развивает новые значения: 'высшая сила' > 'божье провидение' ('предопределение') > 'то, что предопределено в жизни'. Судьба получает интерпретацию божественного суда, предопределяющего все, что происходит в жизни.

В связи с этим на четвертом этапе появляется установка на миф и «слово становится больше, чем слово», в его семантике открываются «смысловые бездны», которые намного глубже его собственного значения (Н. Ф. Алефиренко). Анализ мифологических воззрений, сохраняющихся в наивной картине мира до настоящего времени, позволил нам выявить следующие составляющие концепта-мифемы «судьба» в мифопоэтическом сознании: «суд», «закон», «нить» («связь»), «смерть», «речь», «текст», «случай», «счастье», «имя», «разгадывание», «толкование знаков», «предопределение», «род как связь». Почти каждая концептуальная составляющая могла быть символизирована и персонифицирована. Персонификацию судьбы (Родь, Суджаницы и т. п.) можно считать архаизмом славянской мифологии, воспроизводящей основные черты общиндоевропейской традиции.

Однако, как показало наше исследование, мифологизация таит в себе возможности демифологизации и идеологизации. В частности, об идеологизации мифемы «судьба» свидетельствует отсутствие представления о судьбе как о высшей силе в толковых словарях советского периода, в которых вера в судьбу связывалась с суеверными представлениями о жизни человека. С другой стороны, в сознании людей происходит утрата идеи предопределенности судьбы, в связи с чем она вновь получает экзистенциальную интерпретацию: 'стечение обстоятельств' > 'жизненный путь' > 'счастье' > 'будущее' > 'история существования, развития'. Современный человек интерпретирует судьбу не как высшую силу, от которой он полностью зависит, а как жизнь, которую он сам должен построить, что подтверждается данными проведенного нами ассоциативного эксперимента и текстовыми исследованиями. В этой тенденции, на наш взгляд, отражаются культурологические (идеологические) факторы – в частности, «засилие» западной культуры, провозглашающей идею «self-made man».

Анализ материала показал, что ментальное пространство русского концепта «судьба» структурируется по принципу «размытого» ядра и периферии и образует двужадерную прототипическую структуру (что отражает основные этапы его осмысления). Эволюция концепта «судьба» проявляется в смещении ядра от теологического параметра («судьба – высшая сила») к экзистенциальному («судьба – жизненный путь»), а также в его движении от концепта-мифемы к концепту-идеологеме.

История формирования лексико-семантического ряда в русском языке (на материале названия растений)

Е. В. Сердюкова

Ростовский государственный университет (Ростов-на Дону)

Языковая картина мира, лексико-семантический ряд, история русского языка, названия растений

Summary. The paper presents the history of lexico-semantic series formation of the plant names in the Russian language from the 11th century to present day. The author explains peculiarities of reflection of linguistic world-image in the plant names.

Как известно, любая лексическая система складывается исторически и отражает многовековой опыт народа. Она состоит из отдельных участков (подсистем), при вхождении новаций в тот или иной участок системы в ней происходит изменения. Одной из конечных единиц разбиения лексической системы является лексико-семантический ряд, объединяющий в себе «словозначения, находящиеся в отношениях непосредственной семантической близости или непосредственной семантической противопоставленности» [1, X]. Слова, объединенные в лексико-семантический ряд, не просто являются подборкой близких по значению слов, а имеют глубокий познавательный смысл, т. к. они информируют об определенном участке жизни, описывают и именуют его. Из таких описанных участков и складывается языковая картина мира. «Языковая картина мира – это выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира» [2, 15]. В первую оче-

редь речь идет о человеке и обо всем том, что его окружает, т. е. о живой и неживой природе, о пространстве и времени и т. д. Ряды слов, которые информируют об окружающей природе, содержат собственно номинативную лексику, близки терминологической лексике и могут совпадать с традиционным понятием синонимического ряда. Названия растений наглядно иллюстрируют эти положения.

Для анализа выбран лексико-семантический ряд названий винограда. Хотя восточные славяне первоначально не обитали в той климатической зоне, где растет виноград, но исторические и лексические факты свидетельствуют о том, что знакомство с этой культурой произошло давно. В памятниках письменности XI–XVII вв. для названия винограда и его плодов обнаружено много слов: *вино*, *виноградь*, *гроздь* / *ъ*, *лоза*, *стафиль*, *изюмъ*, *кишмышь*. Наиболее древним в этом ряду является праславянское слово *гроздь* / *ъ*, имеющее в памятниках многочисленные фонетические и словообразовательные варианты. Корень этого слова восхо-

дит к и.-е. глагольной основе *ghro-, *ghre- ‘расти, давать побегу’. В древнерусской письменности слово *гроздь* / *ъ* зафиксировано в значении ‘виноградная гроздь’, ‘плоды винограда’, ‘гроздь, кисть вообще’, собирательные формы выступали в значении ‘виноград (растение)’. В современном русском языке сохранилось только значение ‘кисть плодов’. Значение ‘плоды винограда’ существовало до XVIII в., но в других славянских языках значение ‘виноград’ распространено и сейчас (болгарский и др.). Слово *вино* имеет индоевропейское происхождение (Вяч. Вс. Иванов, Т. В. Гамкрелдзе и др.), восходит к и.-е. корню со значением ‘витья, плести’. Этот корень широко использовался для номинации растений (ср. *ива*, *верба* и др.). Первичным для слова *вино* было значение ‘виноград (растение)’, а значение ‘напиток’ является вторичным. В ст.-слав. *вино* употреблялось в значениях ‘виноград’, ‘виноградник’, ‘вино (напиток)’, в древнерусской письменности встречается в двух значениях: ‘вино (напиток)’, ‘виноград (растение)’. В современном русском языке и его диалектах слово *вино* не сохранило значение ‘виноград’, но оно широко представлено в других славянских языках. Утрате словом *вино* значения ‘виноград’ в древнерусском языке способствовали экстралингвистические факторы: восточные славяне не были знакомы с такой культурой, как виноград, поэтому значение ‘виноград’ носило книжный характер, а значение ‘напиток’ получило более широкое распространение и проникло в разговорную речь. Слово *виноградъ* было заимствовано в древнерусский из старославянского языка, известно уже в памятниках XI–XII вв. в значениях ‘виноградник’, ‘плодовый сад’, ‘виноград (растение и плоды)’, ‘вино (напиток)’. До XV в. наиболее распространенным было значение ‘виноградник’. В Успенском сб. (XII–XIII вв.) в одном контексте встречаются слова *виноградъ* ‘виноградник’, *вино* ‘виноград (растение)’, *гроздь* ‘виноград (ягоды)’. Для слова *виноградъ* первичным несомненно было значение ‘виноградник’ (об этом свидетельствует и структура слова). Слово *виноградник* до XV в. не входило в данный лексико-семантический ряд, имело значение ‘человек, ухаживающий за виноградом’. Слово *стафилъ* имело значение ‘виноград (ягоды)’, заимствовано из греческого языка через старославянские тексты и носило книжный характер. В XIV–XVII вв. для обозначения винограда и его плодов чаще используются слова *гроздь* и *виноградъ*. В памятниках XVI–XVII вв. появляются еще два слова для обозначения винограда и его плодов: *изюмъ* и *кишмышь*. Оба слова являются заимствованиями

из тюркских языков. Первоначально слово *изюмъ* обозначало ‘виноград (растение и плоды)’, но сузило значение до современного ‘сушеный виноград’, так как русские покупали в Крыму виноград в сушеном виде (источником заимствования считается крымско-татарский). Слово *кишмышь* было заимствовано русскими в значении ‘сорт винограда без косточек’. Слово *изюмъ* первоначально вступило в синонимические отношения со словами *виноградъ*, *гроздь*, а позже со словом *кишмышь*, слово *кишмышь*, в свою очередь, в родо-видовые отношения со словом *виноградъ*. В данный ряд входило также слово *лоза*, в древнерусских и старославянских памятниках оно употреблялось в значении ‘виноградная лоза’, в других славянских языках и диалектах это слово имеет значение ‘виноград’, в Евангелии слова *виноградъ* и *лоза* часто выступают в качестве лексических вариантов. В «Назирателе» (XVI в.) слова *вино*, *виноградъ*, *лоза виноградная* имеют значение ‘виноград (растение)’. У слова *лоза* «виноградная» семантика распространена у южных славян, у восточных – на юго-западных территориях. На остальных территориях у восточных славян слова *лоза* имеет значение ‘ива’. В XVIII в. слово *виноградъ* окончательно закрепляется только в значениях ‘виноград (растение)’, ‘виноград (ягоды)’, слово *гроздь* ‘кисть плодов вообще’, *вино* ‘напиток’. Утраченные значения не оставляют никаких следов и в русских говорах, что свидетельствует об их слабом проникновении в разговорную речь.

В истории русского языка у данного ряда наблюдается утрата многозначности у большинства слов, входивших в этот ряд. Синонимия, характерная для названий винограда в XI–XVII вв., разрушается. Такое явление могло произойти потому, что данное растение было не очень распространено у восточных славян и слова со значением ‘виноград’ носили книжный характер. При номинации растений отмечено такое явление, что чем чаще встречается растение в повседневной жизни носителей данного языка, тем больше названий ему присваивается. В данном же случае наблюдается обратное явление – сокращение количества слов с одинаковым значением, что и явилось особенностью отражения данного фрагмента языковой картины мира.

Литература

1. Русский семантический словарь / Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Т. I. М., 1998.
2. Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. 1999. № 1.

Концепт «этнос» в русской языковой картине мира

Т. А. Сироткина

Пермский государственный педагогический университет
 Концепт, языковая картина мира, концептуализация

Summary. The Concept «Ethnos» in Russian Language World-Image. The paper deals with the concept «ethnos» as one of the basic concept of Russian language world picture. Lexical and fraseologicals ways of this concept representation are analyzed. The author draws a conclusion that this concept serves as a fool of cognition of a person and groups of people in the language space of a particular territory.

Названия народов являются концептуализированной предельной областью языка и культуры.

Этническое самосознание входит в обыденное (повседневное) сознание людей. Поэтому концепт «этнос», на наш взгляд – один из основных в концептосфере «Человек».

Как единица концептосферы данный концепт может иметь словесное выражение. Средствами вербализации являются прежде всего слова и устойчивые сочетания. Поэтому логично говорить о двух основных способах представления концептуального содержания – лексическом и фразеологическом.

Под лексической репрезентацией понимается вербализация определенной части концептуального содержания посредством лексических единиц, под фразеологической репрезентацией – посредством фразеологических единиц.

1. Лексическая репрезентация.

Ядром концепта «этнос» в языке жителей Прикамья составляют такие этнонимы, как *башкиры*, *русские*, *удмурты*, *коми-пермяки*, *татары*. На периферии же данного концепта находятся те единицы, которые являются национально-спе-

цифическими и образуют более мелкую подсистему в системе наименований этносов. Для удмуртов, например, это будут названия родов: севернудмуртского *апъя* (от данного этнонима образован ойконим Абия в Чердынском районе), южноудмуртского *бодъя* (ойконим Бодья в Гаинском и Юрлинском районах).

Кроме того, этнические имена могут являться основой индивидуальной характеристики человека, выступая в переносном значении. Описание семантики подобных именованных удобно производить в рамках ассертивно-пресуппозиционной модели, в которой под ассерцией понимается часть значения слова, попавшая в коммуникативный фокус (лексикализованное значение). К пресуппозиции относится вторая часть значения слова, которая содержит различные подразумеваемые компоненты и условия правильного употребления слова.

В семантике отдельно взятого имени лица актуализируется один или несколько компонентов матрицы, которые составляют ассертивную часть значения данной языковой единицы, например, в слове *татарин* – компонент «злой» пси-

хологического поля семантики: «Зачем собаку-то он бил? Вот татарин он де-ка» (д. Жуланово Соликамского района). Оставшиеся компоненты матрицы представляют собой пресуппозициональную часть значения, которая потенциально может реализовываться в высказывании. Так, например, в слове *татарин* в вышеприведенном контексте компонент «говорящий по-татарски» речевого слоя семантики является пресуппозициональным.

Из шести семантических слоев матрицы семантики лица, предложенной О. В. Саржиной (психологический, физиологический, социальный, речевой, ментальный, физический) при функционировании этнических имен актуализируются чаще всего психологический (пример выше), физиологический («Пермяки... очень нечистоплотны»), речевой («Его которой по-русски говорить хорошо не умеет, вот и вотяк»).

2. Фразеологическая репрезентация.

Фразеологизмы в большей мере, чем единицы других языковых уровней, вбирают в себя национальную специфику и ценностную ориентацию их носителей.

Часто в языке мы можем наблюдать акты «ксенономинации», т. е. номинации через чужое. Показательны, на наш взгляд, в этом плане фразеологизмы с этническим компонентом.

В сознании личности номинатора могут происходить разные процессы, отражающие языковую картину мира, например, присвоение исключительно положительных качеств отдельной части своего этноса. Так, русских, являющихся коренными уральцами, называют *челдоны* – в противоположность *кацапам* – выходцам из центральной России. Слово *челдон*, функционируя в живой речи Прикамья, имеет значение «настоящий русский». Существуют выражения *челдонская баня* – русская баня, *челдонские щи* – русские щи, *челдонская рыба* – хариус: «В челдонскую баньку – в русскую значит»; «Шти-те чалдонские беда хороши мне»; «Что, челдонской рыбки захотели покушать?» (примеры диалектной речи взяты из картотеки словарного кабинета, содержащей материалы экспедиций в д. Акчим Красновишерского района).

Соответственно, и предметы быта, которые характеризуют тот или иной народ, получают этническое определение.

Существуют *русская баня*, *русский сарафан*, *русский танец*, *русская печка*, *русский язык*: «У русской печки вот этот полено на полено кладут»; «Раньше русского плясали, в гармошку играли – они были однорядными и двухрядки»; «В русской бане бывал?»; «Сарафан у тебя чисто русский»; «Русский язык самый чежолый» (д. Акчим Красновишерского района Пермской области). Как самый распространенный в Прикамье этноним *русские* представлен и в составе фитонима *русская красная* (сорт картофеля): «Мичуринку-то уж годов пятнадцать садим, а то все русскую красную садили».

Наряду с подобными представлениями обо всем русском в сознании русского человека живут свои собственные соседям *татарские платки*, *татарские носки*, *татарские галошиноу*. «Платок у тебя каки-ко татарской», – говорят жительницы д. Акчим одной из девушек, приехавшей в экспедицию.

Этноним *лопь* не представлен в Прикамье так ярко, как в северных областях. Однако и у нас появилось коллективное прозвище *лопари некрещеные*: жителей д. Коми-Березовка, предки которых на рубеже XIX – XX вв. Переселились из коми-зырянского с. Усть-Нем (бассейн Вычегды), соседнее население называло лопарями некрещеными за то, что подобного населения, к тому же и не посещавшего храмы, не было.

Еще одно упоминание об этом северном народе содержит фразеологизм *Шиша да Лоп* – случайные, незначительные люди; сброд, пустословы: «У нас пекаря Шиша да Лоп, плохо пекут, пьяницы, неохота робить-то».

Показательны в плане сравнения «своих» и «чужих» устойчивые сравнения. Например, *как вогулы*: «Живем, как вогулы, ругамся, грешим, переговаривам, вот дождя и нет».

Функционирование этнонимов в поговорках не имеет обычно такого глубокого смысла, как в других фразеологизмах. Оно зачастую просто подчинено рифме: «Сама русска, юбка узка», «Вотяки-бурлаки»; «Ты татарин басурман посадил девок в карман» и т. д.

Таким образом, в языковом пространстве Пермского края концепт «этнос» выступает в качестве инструмента познания человека и групп людей. Лексические и фразеологические средства его репрезентации достаточно разнообразны и позволяют данному концепту являться этнической составляющей концептосферы «Человек».

Динамика лексического выражения понятия «чужой» в истории русского литературного языка

И. А. Славкина

Лесосибирский педагогический институт филиал Красноярского государственного университета

Динамика слова, дихотомия, дипластия, «свой» – «чужой»

Summary. The results of analysis of semantic-stylistic transformation of words which represent the second component of opposition «own» – «strange» in the history of Russian language are represented in the paper.

В результате реконструкции динамики широкого круга лексем с общим значением «чужой» (278 лексических единиц) и ее отражения в разноаспектных (психология, социология, этнология и т. п.) рамках оппозиции «свой» – «чужой» в контексте ее исторической эволюции мы пришли к следующим выводам:

1. Исходным источником лексической оппозиции «свой» – «чужой» явились не только разнонаправленные и изменчивые факторы общественного бытия, выраженные прежде всего явлениями надстроечного плана (политика, идеология, религия, мораль и т. п.), но и парадоксальная противоречивость человека – главного объекта гуманитарных дисциплин – в «онтологическом» постижении как релятивистских, так и безусловных истин, запечатленных в разнообразных антиномиях, среди которых для людей европейской и христианской культуры особое значение имеют те, которые составляют основу ментальности и хронологические предшествуют формированию прочих отношений (пространственных, временных, этических и т. д.). Иными словами, частный интерес и предпочтения этого же плана предопределили формирование широкого спектра оппозиций и лексических полей, с явно выраженной в них биполярностью, представленной потенциально безграничной возможностью семантико-стилистических трансформаций.

2. Процесс поляризации понятий «свой» – «чужой», являясь одной из базовых и наиболее динамичных моделей фор-

мирования лексических оппозиций, стал воплощением одного из самых древних и фундаментальных семиотических принципов.

3. Есть все основания утверждать, что именно религия и ее древнейшие праформы (тотемизм, фетишизм, магия) стали мощным катализатором, ускорившим процесс трансформации паралингвистических и поведенческих коммуникативных реакций, бытовавших в довербальную эпоху, в семантически многообразную цепь лексем и оппозиций с разветвленной системой оттенков и полярностью значений.

4. Стереотип (и даже архетип) «другого», «чужого» на этнопсихологическом уровне отличается наибольшей устойчивостью и менее всего подвержен динамике в силу особого характера психологических факторов, задействованных в его формировании. Особенно заметно это на уровне массового сознания.

5. Напротив, оппозиция «свой» – «чужой» на политико-идеологическом уровне отличается наибольшим динамизмом, особой подвижностью в силу воздействующих на нее разнонаправленных и зачастую весьма противоречивых факторов, способных неоднократно менять пафосную и эмоциональную окраску лексем, сохраняющих прежнюю знаковую форму.

6. Наличие постоянного набора словообразовательных моделей, с одной стороны, и деактуализация подавляющего большинства лексем (42 из 48) тематической группы «недруг» – с другой, дают основание утверждать, что наряду с

доминирующей в них концептуальной стабильностью имеет место и процесс вполне очевидной и разнообразной вариативности вербального оформления составляющих эту группу лексических единиц.

7. Динамика этой группы лексем практически всегда носит ситуативный характер и легко может трансформироваться в свою противоположность под влиянием воздействующих на нее факторов, определяющими из которых являются политико-идеологические и социальные.

8. Универсальная по своему характеру оппозиция «свой» – «чужой» может служить образцовой моделью для изучения явления дипластии в обеих ее относительно устойчивых формах: «и свой, и чужой»; «не свой и не чужой». На основе дипластических вариантов этой оппозиции появляется возможность более детального рассмотрения различных оттенков значения составляющих ее лексем, и при этом не ограничиваться констатацией их полярной сущности.

Слово как средство и инструмент достижения цели

О. Ю. Смирнова

Воронежский экономико-правовой институт

Наивная лингвистика, метафора, слово

Summary. The abstract elucidates the primitive conception of the word. Being «a fundamental mechanism of mind» structuring our perceptions and understandings from the beginning, metaphor presents the word not as a linguistic unit, but as a real, physical object that in some cases functions as an instrument.

В последнее время в лингвистических учениях усилился интерес к тому, что называется «наивным», или «народным», языкознанием. Объектом пристального внимания со стороны современной лингвистики становятся бытовые, или обиходные, представления пользователей языка об окружающем мире. И поскольку ключевым элементом данного процесса выступает метафора, будучи по Дж. Лакоффу «базовым принципом мироздания», интерес к тому, как проявляет себя рассматриваемая фигура речи, не случаен. Соответственно, через изучение языкового поведения лексемы *слово*, в частности, ее глагольной сочетаемости, возможно проследить восприятие человеком слова не только и не столько единицей лингвистики, но и в качестве конкретного предмета, инструмента, объекта физического мира. Метафора при этом помогает структурировать соответствующее представление о рассматриваемом явлении. Источниками примеров послужили произведения художественной литературы.

Об активном применении слов в повседневной жизни свидетельствуют словосочетания *воспользоваться, довольствоваться, злоупотреблять, пользоваться* ~ом: *Если я воспользуюсь словом «реальность», он снова сведет все к моим мыслям* (В. Пелевин). *Не надо злоупотреблять словом «победа», даже если это победа разума* (Ф. Искандер). Идея обладания рассматриваемым предметом вербализуется посредством *обладать и обогащаться* ~ом: *Я принес последнее слово, ибо в этом деле обладаю последним словом и мы помирились* (Ф. Достоевский). *Наделить, снабдить*, а также *торговать* ~ом фиксирует возможность тем или иным образом передать объект кому-л. во владение: *Другие афиши, снабженные легким, пьянящим словом «Анонс», мягко утешают, улыбаются...* (Ф. Искандер). *Как человек, торгующий словами, новыми и поддержанными, он не переносит этого эпитета...* (В. Набоков).

Будучи предметами физического мира, слова способны выступать объектом обмена, ср. *меняться, обмениваться, размениваться* ~ами: *После этого они, видимо, обменялись несколькими словами* (И. Ильф, Е. Петров).

Словосочетания *играть* и *манипулировать* ~ом также верифицируют тезис о «предметности» слова: *Потому что понял – никогда так словами манипулировать не научусь* (В. Пелевин). *Жонглировать* ~ами значит обращаться с ними как с соответствующими объектами: *Я шел и думал о гимне, но теперь я уже не пытался жонглировать звонкими словами* (А. Курков).

Восприятие слова в качестве конкретного предмета подтверждают многочисленные глагольные словосочетания, фиксирующие перемещение объекта: *бросать(ся), забрасывать, кидаться, перебрасываться, перекидываться, промахнуться, швыряться* ~ом / ~ами: *Одни бросаются сло-*

9. Материалы осуществленного нами исследования позволяют установить зависимость той или иной словообразовательной модели от доминирующего в рассматриваемой группе лексем агентивного или пациенсного значений, что – в свою очередь – может быть использовано в качестве дополнительного средства их более точной атрибуции в различных аспектах. Особый интерес представляют случаи проявления комбинированных пациенсно-агентивных значений без какой – либо графической трансформации этих лексем.

10. Доминирующее положение оппозиции «свой» – «чужой» в кругу ей подобных позволяет экстраполировать на них большинство из вышеотмеченных наблюдений, выходящих в этом случае далеко за пределы рассмотренных нами лексико-семантических вариантов внутренне динамичной по своему характеру и универсальной оппозиции «свой» – «чужой».

вами, другие дело делают (Ф. Искандер). *Ладонью в колено зашлепал, кидаясь словами: как будто корягой дубиной он действовал* (А. Белый). *И вообще, раньше чем этим словом швыряться, надо бы узнать поточнее, что такое невращение...* (М. Булгаков).

Отношение пользователя языка к слову как некоему оружию или предмету, как правилу, выполняющему функцию вышеуказанного, актуализируется посредством словосочетаний *знать, дубасить, отгонять, отражать, перебить, поразить, порешить, разогнать, ранить* ~ом: *Дубасил словами по темномалиновой ягоде, голову круто поставя, как бык* (А. Белый). *Тогда суровыми словами отгоняли его...* (Л. Андреев). *...Ипполит перебил ее словами* (Л. Толстой). При помощи слова можно *пленить, покорить, убить, уничтожить* или, наоборот, *освободить*: *...кричали осаждающие, думая покорить ее льстивыми словами* (М. Салтыков-Щедрин). *Красноречивыми словами похваляли... освобождать генералиссимуса с его поста...* (Р. Масси). *Властвовать* ~ом также соотносится с данной категорией: *...и властвует оно вне себя не только силою своею, но и словом своим...* (А. Радищев).

В семантике следующих глагольных словосочетаний объективируется представление человека о слове как о взрывчатом веществе: *взорвать* и *подорвать* ~ом: *И с той поры завистливый военный министр и словами и делами старался подорвать престиж великого князя* (Р. Масси). *Связать* ~ом подразумевает обращение со словом в качестве веревки: *Он говорил, что он навеки связал себя своим словом...* (Л. Толстой), а *уловить* ~ом ассоциируется с ловушкой, сетью: *Что-то изменилось, но это что-то было неуловимым и необъяснимым словами* (А. Курков).

Функции, которые способно выполнять слово, отличаются многообразием, соответственно, слово может выступать как инструмент, применяемый в самых разнообразных сферах: *делать, заводить, оперировать, открывать, отщелкивать, помогать, производить, расценивать, скреплять, творить, уснащать* ~ом: *...Анна Павловна... одним словом или перемещением опять заводила равномерную, приличную разговорную машину* (Л. Толстой). *...говорит капитан-исправник, скрепивши речь кое-каким крепким словом* (Н. Гоголь). *...он... творил много добра, когда словом, когда делом, а когда молчаньем* (В. Набоков). Тяжелым словом можно *раздавить*, сильным, мощным – *поддержать, подбоchenиться, прорвать*: *...он, казалось, буквально был раздавлен словами семинариста* (Ф. Достоевский). *Одним словом он прорвет сейчас ту тонкую пленку, что застилает их глаза...* (Л. Андреев). Слово выступает в качестве «строительного материала» в *обложить, обстроиться, приложить* ~ом: *...я бы начал с азов и... душа бы обстроилась словами* (В. Набоков).

Ценность слова фиксируется в словосочетаниях *заманить, наградить, помянуть, поощрять, соблазнить* ~ом: *Вот и рыжеватые дворники... привлекательными словами и жестами один перед другим стараются заманить проезжающих* (Л. Толстой) ...и если *наградит* кого словом, то пойдет оно ему в род и потомство... (Н. Гоголь). *Шофер все это поощрял добродушными словами...* (В. Набоков).

«Вещественность» рассматриваемого объекта актуализируется посредством *давиться, загрязнять, задыхаться, заполнять, захлебываться, наводнять, наполнять, опьянять, плакать, рыдать, сыпать, утолять* ~ом / ~ами: ...*Вы бросали в нас цветами Незнакомого искусства, Непонятными словами Опьяняя наши чувства...* (Н. Гумилев). *Не сам он, а что-то более общее, чем он сам, рыдало и плакало в нем нежными и светлыми, светящимися в темноте, как фосфор, словами* (Б. Пастернак). *У меня слово в*

зубах застревает, я словом подавлюсь (Там же). *И до самой своей смерти квартирант будет сыпать юридическими словечками...* (И. Ильф, Е. Петров).

Объективация позитивного, зачастую лечебного, воздействия этого вещества присутствует в *жить, излечивать, пользоваться* ~ом: *Тысячелетиями повторяется, что не хлебом единым жив человек, но и всяким словом Божиим* (Б. Пастернак). *Разве можно латинскими словами Мою тяжкую боль излечить?* (М. Булгаков).

В заключение, следует отметить, что глагольные словосочетания *выводить, приводить, указывать* ~ом также позиционируют слово как некое средство, инструмент, способствующие достижению определенных целей: ...*Николай Николаевич, почтительно наклоняясь к его уху, даже не словами, а движением брови или плеча выводил его из затруднения* (Б. Пастернак).

Изменения в языковом сознании носителей русского языка

Е. В. Старостина

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Вербальные ассоциации, динамика языкового сознания

Summary. The subject of the report is the problem of dynamic study of language consciousness.

Социальные, политические, экономические, культурные и другие изменения, происходящие в обществе, делают актуальным исследование отражения этих изменений в сознании носителей языка. Одним из наиболее эффективных способов исследования языкового сознания является анализ вербальных ассоциаций.

Подобного рода исследование было проведено на материале двух ассоциативных словарей: «Словаря ассоциативных норм русского языка» (САНРЯ) под ред. А. А. Леонтьева (1977) и «Русского ассоциативного словаря» (РАС) под ред. Ю. Н. Караулова, составленного в 1988–1991 годах [Ощепкова 2006]. Выявив все совпадающие в двух словарях стимулы (их оказалось 194), Е. С. Ощепкова рассчитала степень наложения реакций на эти стимулы. Для расчетов ею была использованная формула, предложенная Дизом и описанная в работе [Григорьев, Кленская 2000]. В результате были выделены стимулы, реакции на которые изменились максимально (**время, дело, занятие, курс, любовь, место, народ, передавать, право, сделать, сила, слава, счет, труд, человек, школа**), и стимулы, реакции на которые изменились минимально (**белый, вернуться, войти, пить, прислать, садиться, сесть, темный, течение**). Результаты исследования показали, что изменилось отношение к деньгам, работе, народу, к занятиям студентов, их отношение к школе, своему курсу.

Целью данного исследования является дальнейшее изучение тех изменений в языковом сознании, которые произошли за последние 15 лет. Для этой цели мы отобрали 50 стимулов, имеющих в РАС, и провели ряд ассоциативных экспериментов, испытуемыми в которых являлись носители русского языка в возрасте от 17 до 25 лет (всего 103 человека). Возраст наших испытуемых совпадает с возрастом испытуемых, участвовавших в экспериментах, результаты которых составили материал РАС.

Для подсчета степени наложения реакций нами была использована не формула Диза, а более простой способ, также описанный в работе [Григорьев, Кленская 2000]. Операция подсчета заключается в следующем: из двух выборок необходимо выбрать все совпадающие реакции и подсчитать долю каждой реакции (отношение ее частоты к общему количеству реакций). Затем нужно выбрать все меньшие частоты и суммировать их. Таким образом мы получаем число степени наложения реакций, которое может варьироваться от 0 (отсутствие одинаковых реакций) до 1 (все реакции полностью совпадают).

В результате подсчетов мы получили три группы стимулов:

1. Стимулы, реакции на которые изменились минимально (степень наложения реакций от 0,45 до 0,55): **тяжелый, взрослый, школьный**.

2. Стимулы, реакции на которые изменились максимально (степень наложения реакций от 0,09 до 0,20): **институт,**

думаем, армия, ученик, ненавидеть, компьютер, дружба, государство, измена, работать, врать, болтаться.

3. Стимулы, для которых изменение реакций находится в среднем промежутке (степень наложения реакций от 0,21 до 0,39): **старый, старик, он, муж, мальчик, литература, думаешь, думать, город, взрослый, быстро, билет, солдат, рубль, обычно, клеветы, классный, затормозить, зануда, еле-еле, волшебник, осень, ненавидеть, кидать, каникулы, долго, обман, хлеб, практика, жадный, гордый, плохо, деньги, лгать, воровать.**

Таким образом, мы видим, что отношение к работе и учебе начало меняться в годы перестройки и продолжает меняться и в наше время. Кроме этого, происходят определенные изменения в отношении к государству и армии, к моральным ценностям, существующим в обществе (дружбе, измене, вранью).

Однако при этом наблюдается одна интересная особенность: реакции не на все стимулы, связанные с одной и той же сферой жизни, меняются с одинаковой интенсивностью. Так, реакции на стимул **институт** изменились достаточно сильно (степень наложения реакций 0,09), реакции на стимул **ученик** изменились уже в меньшей степени (0,20), а реакции на стимул **школьный** изменились минимально (0,55).

То, что реакции на стимул **институт** имеют столь малую степень наложения, можно объяснить не только тем, что изменилось отношение к учебе и институты практически исчезли, превратившись в университеты, но и тем, что ассоциативные эксперименты проводились в разных городах, и поэтому в реакциях испытуемых много названий конкретных институтов (**МВТУ, МГУ, СПИ, СГПИ, СКИ, ЧГПИ** и т. д.).

Причина незначительного изменения реакций на стимул **школьный** заключается, на наш взгляд, в том, что данный стимул относится к разряду прилагательных. Прилагательные и все признаковые слова имеют более простую семантику, чем существительные, поэтому реакции на стимулы-прилагательные более устойчивы и менее подвержены изменениям с течением времени. Не случайно все три стимула, реакции на которые изменились минимально, относятся к разряду прилагательных.

Реакции на стимул **армия** изменились максимально (0,14), и это можно легко объяснить тем, что в обществе очень сильно изменилось отношение к армии. Однако при этом реакции на стимул **солдат** изменились в средней степени (0,34). Возможно, это связано с тем, что слово «солдат» имеет некоторую стилистическую окрашенность. Для обеих групп испытуемых солдат продолжает оставаться, прежде всего, воином и защитником.

Если мы посмотрим на стимулы **думать, думаем и думаешь**, то увидим, что степень наложения реакций на эти стимулы, представляющие собой разные формы одного и того же глагола, варьируется от 0,17 до 0,27 (**думаем** – 0,17; **ду-**

мать – 0, 24; думаешь – 0,27). Возможно, небольшая степень наложения реакций на стимул **думаем** связана с тем, что данный глагол имеет форму 1 лица. В последние годы усилилось личностное начало, испытуемые стали более свободно выражать свои мысли, и это нашло отражение в реакциях.

К вопросу о формировании аксиологической характеристики концепта

Г. С. Сырица

Даугавпилский университет (Латвия)

Концепт, концептуализация семантики, аксиологическая характеристика, амбивалентность

Summary. The present article considers the question of creating an axiological characteristic of a concept. Analysis of the semantics of the lexeme representing the concept, phraseological units, and literary texts is in the basis of the study. The specificity of an axiological characteristic is exemplified by the concept *угол* (angle / corner) which is characterised by an ambivalent value.

Аксиологичность как онтологическое свойство культурно специфичных концептов, отражающих особенности национального мировидения, связана с семантическим объемом репрезентирующей концепт лексемы. В ее становлении первоепенную роль играют исторически обусловленные закономерности развития семантической структуры слова, единицы вторичной номинации, мифологическая и фольклорная символика, а также оценочное поле, продуцируемое произведениями художественной литературы. Концептуализация семантики и, в частности, формирование ее аксиологического аспекта во многом происходит в рамках идиоматических писателей, релевантных для данной культуры. Многообразие дискурсов, охватывающих разные временные пласты, их разножанровый характер определяют неоднородность, а также амбивалентность оценок. Объективным показателем культурной востребованности концепта является принадлежность лексемы, репрезентирующей концепт, к ключевым словам произведений автора (авторов) или творчества писателя в целом.

Концепт *пространство* относится к константам культуры и поддерживается культурно специфичными концептами *сторона, простор, угол, дом, дорога* и др., которые с разных точек зрения являлись предметом рассмотрения в ряде работ. Формирование аксиологической характеристики рассмотрим на примере концепта *угол*. Слова *угол (уголок)* относятся к высокочастотным в художественной культуре, так, например, по данным Словаря языка Пушкина, они встречаются в творчестве поэта соответственно 74 и 25 раз. Репрезентирующая концепт лексема *угол* в русском языке имеет разветвленную семантическую структуру и включает 8 значений. В рамках данного исследования прежде всего актуальны значения, связанные с пространственными характеристиками, имеющие отношение к среде обитания, жилья человека.

Аксиологичность концепта задана сниженными характеристиками пространства как **небольшого**: «часть комнаты, сдаваемая внаем», «жилище, пристанище»; **некомфортного, снимаемого жилья**: *снимать угол, жить, ютиться в углу; воротами в угол* («живет в закулке, в захолустьи»); это **место пребывания опустившихся людей**: «Углы. *Перен.* О притонах, трущобах, о местах сбора, пребывания подонков общества»; **отдаленная, глухая (холодная) местность**: «*Перен.* Местность, обычно глухая, отдаленная»; **медвежий угол, гнилой (мокрый) угол**. Угол выступает как **место нападения, преступления**: *из-за угла (нападать, убивать и т. п.)* (ср. у Даля: *из-за угла, да камнем*); **место наказания**: *ставить, поставить в угол*. Угол связан с **состоянием безвыходности**: *прижать (припереть, загнать и т. п.) в угол кого-либо*; с **неуживчивостью**: *угловатый человек*; с **замкнутостью, скрытностью, коварством**: *по углам говорит, шептаться, шушукаться и т. п.*; *угольничать (заугольничать)* – «таиться или подстерегать и подслушивать за углами»; с **бездельем**: *из угла в угол ходить (слоняться и т. п.)*.

Однако пространство угла не является оценочно однородным. Угол предстает как **освященное место в доме, место для почетных гостей**: *Красный угол, Передний угол, Святой угол; В передний угол посоха не ставят; Принимают, за обе руки берут да в красный угол сажаят; Красна изба углами, а обед пирогами* (ср.: советизм *красный уголок* также удерживает позитивную оценочность); **уютное, укрытое**

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что на изменение показателя степени наложения реакций влияет не только изменение в отношении носителей языка к явлению, стоящему за стимулом, но и форма стимула, его частеречная и стилистическая принадлежность, а возможно, и какие-то иные факторы, которые еще предстоит выявить.

от посторонних взглядов, интимное место (уголок): *домашний, семейный угол* (ср. у Пушкина: *И ваши слезы в одиночку / И речи в уголку вдвоем*); **место, связанное с домом, родиной**: *Свой уголок – хоть боком пролезть, а все лучше; простор; Свой уголок – хоть боком пролезть, а все лучше; одно из оснований здания (мироздания)*: *камень, его же небрегоша, быть во главу угла; связан с идеей примирения*: *сгладить острые углы*.

В славянской мифологии угол традиционно считается местом обитания нечистой силы (ср. обряды, связанные с «очищением» угла). Мифологический аспект семантики активно развивается в романах Достоевского, где угол предстает как один из частотных топосов. Угол – **местонахождение черта**: *черт, явившийся Ивану, сидит на диване в углу* (ср. реплику отца Ферапонта о чертях: *Вот они и развелись у вас, как пауки по углам*); угол акцентирован во время последней встречи Ивана со Смердяковым: *Кто он? Кто находится? Кто третий? – испуганно проговорил Иван Федорович, озираясь кругом и поспешно ища глазами кого-то по всем углам*.

Имплицитные смыслы, связанные с указанием на близость с чертом, удерживают многочисленные контексты, описывающие **местонахождение героев** в углу. Угол выступает как **место проживания героев**: *Проживаем же теперь в угле* (реплика Мармеладова) (ср. также топоним: *помню только, что у Пяти Углов* – о квартире Раскольникова); **место подглядывания**: *Затем потихоньку ввел Митю и поставил его в углу, в темноте* (Митя в Мокром); **место совершения самоубийства**: *Сходить за пистолетом, принести его сюда и вот в этом самом, грязном и темном углу и покончить* (Митя на галерейке в Мокром); **место совершения преступления**: *Григория убил! <...> Там, в углу. <...> Пошел я в угол искать и у стены на Григория Васильевича лежащего и наткнулся, весь в крови лежит, в бесчувствии* (рассказ Смердякова) (ср. также в рассказе об убийстве Федора Павловича: *Я тут схватил это самое пресс-панье чужунное <...> да сзади его в самое темя углом*); **место сокрытия преступления**: *спрятан мертвый и накрыт клеенкой: я даже показала бы вам угол* (Настасья Филипповна – о доме Рогожина); **место рефлексии героев**: *я ни с кем почти не был товарищем, я сделал себе угол и жил в углу* (подросток); **место уединения**: *Он с самого детства любил уходить в угол и книжки читать* (Алеша); **место, отведенное церкви**: *церковь должна заключать сама в себе государство, а не занимать в нем лишь некоторый угол* (рассуждение Ивана о церкви) и мн. др. Мифологическую символику угла поддерживают портретные характеристики, указывающие на **острые, угловатые формы**, слова *кривой, косой*; определение **клином** дано в описании бородки черта (ср.: *треугольной формы*).

Амбивалентная оценочность концепта связана с указанием на потенциальное **преображение** пространства, его освещение и освящение: *В этот час утра, в ясные дни, солнце всегда длиною полосой проходило по его правой стене и освещало угол подле двери* (комната Раскольникова); в углу находится образ; угол выступает как **место страдания и сострадания**: *в углу, у образов лежит больной Илюша*. Таким образом, в формировании аксиологичности концепта участвуют оппозиции *Бог – черт, свет – тьма, открытость – закрытость* и др.

Ситуация винопития в анекдоте (на материале русских и американских анекдотов)

Т. В. Тарасенко

Красноярский государственный университет

Анекдот, ситуация винопития

Summary. The situation of wine drinking exists in both Russian and American cultures, that why we find it interesting to know how it is expressed in anecdotes.

Национальный характер, проявление его в языке может быть интересным с разных точек зрения. Например, через сопоставление этнонимов и их коннотаций в сознании носителя языка. Так главные качества англичанина с точки зрения носителя русского языка – это вежливость, сдержанность и педантичность. А характеристики русского человека таковы: бесшабашный, щедрый и ленивый. Замыкает десятку характерных признаков русского характера любовь к выпивке [1, 185–197].

Страсть к выпивке – популярный миф о русских, который не подтверждается реальными социологическими исследованиями, но широко представлен в культурной среде обитания современного русского человека, например, в анекдоте: *Идут международные соревнования по употреблению спиртных напитков. На сцене стоят стаканы, ведра и бочки. Комментатор ведет репортаж: – Вот выходит на сцену английский спортсмен. Он выпивает стакан. Затем бутылку, подходит к ведру и... падает. Выходит француз. Выпивает стакан. Бутылку! Выпивает полведра... Эх! Падает... После паузы ведущий продолжает: На сцене русский богатырь! Поиграв мускулами, он поднимет бочку и, не торопясь, выпивает ее до дна, затем ведро, потом бутылку.*

Эта тема широко представлена в кинематографе, современном песенном творчестве, художественной литературе.

Слова из песни группы «Любэ»: «Выпьем, закусим / Да за жизнь поговорим!» – это сценарий русского винопития, в котором участвуют три персонажа. Это количество подтверждается не только анекдотами, но и современными рекламными роликами пива. Кроме процесса, обозначенного глаголом «выпить», участники ситуации винопития должны и закусить. Слово «закуска», по словам А. Д. Шмелева, является синонимом душевного общения [2, 165]. Одна из рекламных заметок газеты «Коммерсантъ» в 2000 г. начиналась словами: «Вас научат правильно выпивать, а главное, закусывать».

Ситуация винопития существует и в русской, и в американской культуре, которая специфическим образом отражается в анекдотах. В русском фольклоре эта тема актуальна и представлена довольно широко; в американском – это *bar jokes*, в которых важен не процесс винопития, а то, что разворачивается на его фоне. Американские анекдоты построены по одному сценарию и, как правило, начинаются фразой *a guy walks into a bar...* (*заходит мужик в бар...*). Это начало американского анекдота – его отличительная особенность. В американском анекдоте главный герой приходит в бар один и пьет в одиночестве, что совсем не характерно для русского анекдота, там выпивающих будет трое. Поэтому рассмотрение главного участника ситуации винопития в количественном и качественном аспекте представляется интересным, так как наглядно отражает культурные особенности процесса винопития двух народов.

Агенс. 1) Количественный аспект.

В русских анекдотах количество участников варьируется от одного, двух до традиционного количества – троих. Один участник в ситуации винопития, как правило, законченный алкоголик: *Сидит отец и бухает водку...*, ситуация может разворачиваться в самолете, в общественном месте: *Заходит мужик в кабак и просит пять рюмок водки.* Классическое количество участников ситуации винопития в русском анекдоте – на троих: *Скажи, а в Африке тоже пьют? Пьют. – А как, по-нашенски? Также на троих соображают? – Да, только двое пьют, а третьим закусывают.*

В американских анекдотах агенс пьет в одиночку, так как ситуация винопития происходит всегда в баре (*bar jokes*), поэтому вторым участником является бармен. Он обслуживает пьющего агенса и часто компенсирует дефицит общения клиента: выслушивает его и предлагает свои решения проблем, следит за порядком в своем заведении, вызывает такси и т. п. *Как-то вечером парень зашел в бар заказать выпить. Потом повторил заказ еще раз. После пары других стаканчиков бармен забеспокоился. «Что случилось?» – спросил бармен.* Третий участник американских анекдотов на тему винопития – женщина, с которой хочет познакомиться агенс: *Парень заходит в бар. В баре громко играет музыка. Он видит симпатичную девушку и подходит к ней...*

2) Качественный аспект.

Героев анекдотов можно охарактеризовать по следующим параметрам: человек / животное / предмет / сказочный персонаж; человек – пол, родственные связи, национальность, профессия, количество выпиваемого.

В русских и американских анекдотах наиболее типичным участником ситуации винопития является человек мужского пола, женатый. Женщина в русских анекдотах не выпивает, а американских это допускается. В русском фольклоре существует серия анекдотов, в которых выпивают животные: волк, медведь, заяц, мышь и т. д. *Под Новый год Заяц достал бутылку водки, спрятав ее до праздника под елкой и повесил записку: «Здесь водки нет!». На следующий день смотрит – бутылки нет, а рядом лежит записка: «Ежик водку не брал!».* Другая группа героев – персонажи русских народных сказок Баба-Яга, Иванушка-дурачок, Илья Муромец. Среди представителей других национальностей в русских анекдотах выпивают евреи, немцы, шотландцы, французы, англичане. Среди профессиональных групп лидируют хирурги, слесари, охотники, военные и священники, в американских анекдотах – это бизнесмены, строители, артисты цирка, моряки и священники. Отличительной чертой американских анекдотов является наличие серии анекдотов, в которых выпивают предметы: веревка, узел, керосиновая лампа, бутерброд и т. п.

Интересен номинативный аспект, представляющий агенса ситуации винопития в русском и английском языках. В американских анекдотах он представлен как *drunk* – ‘пьяница, пьяный’. В русских анекдотах номинаций выпивающего гораздо больше. Они являются показателями степени употребления алкоголя: *трезвенник*; *любитель* (выпивает по праздникам или особым поводам); *выпивоха* / *бухарчик* (выпивает чаще, чем любитель); *пьяница* / *пьянь* / *пьянчуга* (злоупотребляет спиртными напитками); *алкоголик* / *алкаш* (больной, страдающий алкоголизмом).

Кроме агенса в ситуации винопития участвуют контрагены (жена агенса), присутствуют объект (напитки), инструмент (стакан, рюмка, ведро). Материал исследования показал, что самым популярным напитком в русских анекдотах является водка, в американских – пиво. Инструмент – бокал, стакан, рюмка – находится в прямой зависимости от объекта (напитка). Локатив – бар в американских анекдотах и в русских – везде и всюду: улица, общественные места, жилые помещения, транспорт. Темпоратив: только вечером – в американских анекдотах, в русских анекдотах ограниченный по времени протекание ситуации винопития нет.

Литература

1. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. М., 2000.
2. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002.

Специфика репрезентации концепта «ОГОНЬ» в современном русском языке

А. В. Трофимова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Концепт, огонь, русский язык, когнитивная метафора

Summary. The research is devoted to study of specificity language presentation and structure of concept «FIRE» in modern Russian. It is executed in a channel of conceptual researches devoted to a parity of language, consciousness and culture.

Содержание концепта «ОГОНЬ» объемнее одноименной поверхностной языковой сущности, поскольку объективируется в значительном количестве языковых средств и может быть структурировано.

Концепт «ОГОНЬ» в современном русском языке представлен множеством лексических единиц, которые можно представить в виде поля, разделенного на группы, т. е. концепт как бы «рассеян» в единицах своего поля. Поле концепта мы определяем как совокупность множества единиц, в которых на языковом уровне представлен концепт.

Когнитивная метафора является одним из главных способов концептуализации, играет важную роль в создании картины мира (как концептуальной, так и языковой). Метафора – факт не только языка, но и мышления.

При помощи метафоры огня концептуализируются обширные области человеческого опыта, а именно, во-первых, все то, что можно отнести к внутреннему миру человека, и, прежде всего, это эмоционально-чувственная сфера (*огонь* является гештальтом целого спектра различных эмоций и чувств). *Огонь* «концептуализирует» и психические способности человека, сферу сознания, а также «глобальные» составляющие бытия, такие, как сам человек, его душа и жизнь. Кроме того, *огонь* является гештальтом имен, обозначающих различные отношения между людьми, а также явления, характеризующие общественную жизнь.

Гештальтом самого «ОГНЯ» в целом является «СУЩЕСТВО» (как показал анализ языкового материала, это единственный его гештальт), при этом возможна конкретизация: *чудовище, противник, разбойник*, т. е. в ряде случаев (что отмечается неоднократно) огонь предстает агрессивным существом и нередко наделяется чертами, свойственными человеку. По Дж. Лакоффу и М. Джонсону, в данном случае мы имеем дело с явлением персонификации.

По данным фразеологии огонь предстает, с одной стороны, как нечто священное, божественное, а с другой, является символом уничтожения, смерти.

Анализ разнообразного языкового материала и результаты ассоциативного эксперимента «согласуются» с древним, мифологическим восприятием огня, т. е. выявляют сходные элементы в содержательной структуре концепта «ОГОНЬ». «Образ» огня, который представлен в сознании носителей русского языка, находит свое отражение и на языковом уровне.

Концепт «ОГОНЬ» в современном русском языке имеет сложную многоуровневую структуру. В ней находят свое отражение: древние, мифологические представления, первичное и вторичное поля концепта, этимология, метафорическое поле, гештальтная и архетипическая структуры, а также то, что отражено во фразеологическом и паремиологическом фондах, ассоциации и круг имен, для которых *огонь* является гештальтом. Все это в совокупности и составляет концепт.

Концептуальная метафора «природа – человек» как объект лингвокультурологического исследования (на материале творчества поэтов XIX века)

Э. Р. Хамитова

Башкирский государственный университет, Уфа

Одна из древнейших концептуальных метафор «мир природы – человек» как когнитивная структура возникает в период антропоморфного мифологического мышления, в процессе концептуализации действительности, целью которой было познание окружающего мира, его ментальная репрезентация в сознании индивидов, а позднее фиксация в наивной картине мира коллектива. «Многие метафоры, связанные с персонификацией живых и неживых объектов внешнего мира, использовались также в качестве фундаментальной базисной метафоры “мир – это человек”, составляющей основу примитивных теорий, подобных анимизму» [1, 6–7]. Концептуализация мира «вне» человека осуществлялась по модели «внутреннего устройства» познающего субъекта. То есть первичная концептуализация связана с самоидентификацией человека, с репрезентацией в когнитивной системе концепта «человек». Когнитивная суть метафорического переноса заключается в отображении непознанного через познанное. Так, вторичную концептуализацию можно представить как проекцию структуры концепта «человек» на концепт «природа» и концептосферы «человек» на концептосферу «природа», при этом механизм проекции выступает метафора. В результате возникающий новый способ концептуализации окружающего мира с течением времени становится устойчивой когнитивной моделью, что обуславливает ее понимание и принятие коллективным сознанием. За счет возможностей метафорического переноса внутренняя структура концептов «человек» и «природа», участвующих в когнитивной модели, расширяется, становится более упорядоченной.

Концептуальная метафора (или когнитивный механизм) «мир природы – человек» находит свое воплощение в языковой картине мира в виде огромного пласта языковых и образных метафор, хотя они не всегда осознаются носителями языка как производные языковые репрезентанты глубокой ментальной модели «природа – человек».

Мы рассмотрели метафорическую модель «природа – человек», ее языковую реализацию на определенном временном срезе – в русской поэтической картине мира XIX века на материале творчества А. А. Фета, Ф. И. Тютчева, П. А. Вяземского, Ф. Н. Глинки. Объединение метафор различных авторов и их описание как единого языкового пласта правомерно на основании того, что творчество любого поэта или писателя является проявлением не только индивидуально-личностного начала, но и во многом продуктом той социокультурной среды, в которой жил и создавал свои произведения автор.

Нами была произведена классификация метафор на основе лексем – объектов метафоризации, обозначающих природные реалии и входящие в семантическое поле концепта «природа». Данные лексемы становятся ключевыми в концептосфере «природа» и отражают элементы ментальной репрезентации действительности. «Закономерности членения поля на смысловые зоны отражают общую структуру представлений о соответствующем фрагменте действительности, ...о доминантных линиях, осуществляющих дискретизацию смыслового пространства» [1, 6–7].

Особенностью исследуемой части поэтической картины мира является ограниченное число метафоризируемых лексем, относящихся к концепту «природа». Например, излюбленными объектами метафорических переносов являются «день» и «ночь», тогда как «утро», «вечер», «рассвет» – лексемы, входящие в лексико-семантическое поле «природа», но не вступающие в метафорические отношения по модели «мир природы – человек». Таким образом, выделяется четкая система ключевых слов, метафорический потенциал которых реализуется в метафорах, «оживляющих» природу.

Литература

1. Березович Е. Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 3–24.

Лингво-культурный концепт «смерть» в русской словесности рубежа столетий

Н. С. Цветова

Санкт-Петербургский государственный университет
Концепт «смерть», ментальный запрет, деконструкция

Summary. This article is dedicated to the function of «death» in modern discourse.

Время, пространство, труд, дом, семья, совесть, жизнь, смерть – базовые для языковой картины мира, наиболее значимые концепты русской культуры, аксиологичные по природе своей, формирующие языковую личность, следовательно, характер отношения человека к окружающей действительности, нормы его поведения.

Концепт «смерть» в этой системе занимает особое положение, так как кодирует культурно значимую информацию, организующую онтологическую концептосферу носителя русского языка. В конце прошлого столетия в одном из диалогов Л. Гумилева и А. Панченко прозвучало: есть только три вехи на пути человека – рождение, брак, смерть. Отношение к этим событиям всегда являлось самым серьезным основанием для оценки духовного здоровья человека, нравственного состояния общества.

В восприятии смерти русским человеком вплоть до недавнего времени достаточно органично совмещались ранние языческие и христианские представления. Совмещение это фиксировалось даже в лексикографическом описании понятия, включавшем три компонента: смерть – это «конец земной жизни, кончина, *разлучение души с телом, умирание, состояние отжившего*» (см. соответствующие статьи в толковых словарях).

Художественная культура в разных жанрах и направлениях предьявляла более значительную семантику концепта. Начиная с древних славянских преданий, заканчивая «Последним сроком» В. Г. Распутина, этот концепт реализуется через вполне конкретный образ, наделенный не менее конкретным обликом. Наиболее яркие приметы этого образа запечатлелись уже в детстве, в сознании ребенка после знакомства с русскими народными волшебными сказками. В классической литературе, в более поздней традиционной прозе образ смерти обрастает огромным количеством ассоциативных связей, превращающих его в ментально значимый символ, на использование которого никогда не отменялись серьезные ограничения, если не сказать, запреты.

К концу двадцатого столетия ситуация начала меняться. Обложки детективных и любовных романов, страницы «качественной» периодики запертели заголовками, в структуре которых в той или иной форме, в самых неожиданных контекстах появлялась данная лексема или слова того же семантического поля: «Чему учит смерть?». «Не может смерть, могут деньги?» «Партия Смерти» (еженедельник «Аргументы

и факты»), «Смерть – милый друг» («24 часа»), «Сталин – заложный покойник» («Огонек»)… Примеры эти можно множить до бесконечности. В результате возникли новые речевые клише, идиомы, метафоры, отметающие тематические, стилевые или жанровые ограничения на функционирование, эксплуатацию обладающего почти мистической силой, с точки зрения наших предков, концепта.

Все эти явления вполне закономерно и естественно привели к расширению семантического поля концепта при отсутствии необходимой проекции лингво-культурных свойств слова, обозначающего данный концепт, на экстралингвистические условия его употребления в тексте в соответствии с исторически сложившимся смыслом.

Можно возразить, что уточнение и обновление многих традиционных понятий, совершенствование смысловой структуры слова в процессе коммуникации – явление вполне естественное, закономерное и ни в коей мере не поддающееся рациональному регулированию, воздействию или в подобном регулировании или воздействии не нуждающееся, причем, осуществляемое именно по вышеобозначенной схеме. С этим, безусловно, трудно не согласиться, так как, в противном случае можно прийти к бесплодному обсуждению проблемы объективности законов речевого развития.

Но в данном случае важна другая сторона вопроса. Понятие «смерть» является одним из базовых в концептосфере русского языка. Разрушение его «энергетики» следует принять как проявление интенсификации деконструкции традиционной языковой картины мира, затрагивающей базовые компоненты в структуре языковой личности. Именно эта проблема стала центральной в творчестве В. М. Шукшина, «думы» которого и начинались с фиксации принципиально изменившегося в двадцатом веке отношения человека к смерти, об этом же военные циклы Е. И. Носова, многие произведения А. И. Солженицына и В. П. Астафьева.

Крупнейшие писатели совсем не случайно обратили внимание на интенсивно развивающийся процесс, ибо он неизбежно спровоцирует изменение цивилизационного кода (если под цивилизацией, вслед за В. В. Бычковым, понимать всю совокупность деятельности человека, направленной на удовлетворение не только материальных, но и духовных потребностей). Неотменимые знаки изменений уже предьявила современная речевая коммуникация в системе масс-медиа.

Роль составных наименований в традиционных и формирующихся языковых картинах мира

Т. П. Чепкова

Московский педагогический государственный университет

Составные наименования, языковая картина мира, медиальная картина мира, виртуальная картина мира

Summary. This report is devoted to the role of component nominations in creation of so-called traditional and new «language pictures of the world» (virtual and media) which are discussed now.

Номинативные единицы, отражая мировосприятие носителей языка, составляют корпус **языковой картины мира** (ЯКМ). При изучении ЯКМ исследователи чаще обращаются к анализу лексикона, являющейся главным средством отражения действительности в языке. При подобном подходе за пределами области лексической номинации оказываются **составные наименования** (СН), которые, обладая семантической целостностью, так же, как и лексические единицы, выполняют номинативную функцию и которые в конце XX века – начале XXI века значительно обогатили общий номинативный фонд русского языка (*Общественная палата, партия власти, мобильный телефон, безлимитный тариф, микроволновая печь, силы правопорядка* и др.).

ЯКМ организует все языковое пространство и формируется посредством единиц различных языковых уровней. Само

выражение **«картина мира»** (КМ), по нашему убеждению, однозначно предполагает именно целостность и всеобщность явления, подпадающего под это определение.

При описании ЯКМ необходимо учитывать тот факт, что человеческое сознание вбирает в себя как наивно-бытовое восприятие мира и толкование его, так и строго научные понятия и единицы, характерные для различных областей познания. Следовательно, существуют разные виды (типы) человеческого сознания: индивидуальное сознание отдельного человека, коллективное обыденное сознание нации, научное сознание, религиозное сознание. Результат осмысления мира каждым из видов сознания фиксируется в матрицах языка, обслуживающего данный вид сознания (О. А. Корнилов). Таким образом, следует говорить о **множественности** языковых картин мира, отличающихся друг от друга не

только способом восприятия и отражения действительности, но и решением вопроса номинации. Феномен, который обычно определяется как **языковая картина мира** является отражением обыденного (или, по терминологии Ю. Д. Апресяна, наивного) взгляда на окружающую действительность. Поэтому его, во избежание омонимии с обозначением научной языковой картины мира, уместней было бы называть **обыденной языковой картиной мира**. Типология ЯКМ не представляет собой закрытой системы. К настоящему моменту традиционно выделяются следующие типы ЯКМ: научная – обыденная; национальная – индивидуальная; к числу дискуссионных относятся профессиональная, религиозная, художественная, медиальная ЯКМ.

СН входят в большинство тематических групп традиционных ЯКМ современного русского языка. Наиболее широко представлены в них такие тематические группы, как «Общественная деятельность человека», «Трудовые отношения», «Научная терминология». Бурное развитие экономики, науки, культуры в конце прошлого века, изменения общественно-политической жизни в стране, создание новых государственных структур и т. д. вызвали к жизни значительное число составных наименований и привели к существенному обновлению части номинативной сферы современного русского языка, представленной СН. Поэтому закономерно приоритетными выступают следующие тематические группы: «Наименование учреждений и организаций» (*бюджетное учреждение, семейный детский дом*), «Государственная власть, государственные органы» (*верхняя / нижняя палата, суд присяжных*), «Социальная роль человека» (*независимый депутат, глава администрации*), «Социальные группы людей, общественные организации» (*избирательный блок, комитет солдатских матерей*), «Экономическая, финансовая, банковская терминология» (*инвестиционный / акционерный / ипотечный банк*).

Рост активности СН в современном русском языке обусловлен не только появлением новых, неизвестных предметов, явлений, нуждающихся в точной квалификации и номинации, но и общим системологическим свойством менталитета конца XX века – тенденцией к максимальной структурированности, системности ЯКМ, потребности в предельно мотивированных и информативных языковых средствах.

Анализ составных наименований свидетельствует, что наряду с традиционными картинами мира, вполне сформировавшимися к настоящему времени, складываются новые,

главными среди которых являются **виртуальная** и **медиальная** КМ.

Основная функция составных наименований, которые формируют **виртуальную языковую картину мира**, – воздействие на человека с целью вывести его за пределы «обычной реальности», создать в его сознании определенные позитивные образы. Виртуальная картина мира формируется искусственно (например, рекламодателями) и для прагматического воздействия на человека использует более крупные, чем слова, лингвистические единицы, позволяющие вербально программировать отношение реципиента к окружающей действительности. Составные наименования, которые строятся по модели «предмет и его признак», как нельзя лучше подходят для этой цели. Они обладают стереотипностью, частотностью и потому хорошо запоминаются носителями языка именно в единстве составляющих. Например: название магазина «*Электронный рай*» легко запоминается и в то же время формирует у носителя языка представление о том, что для достижения «райского блаженства» он обязательно должен стать обладателем электронной техники (или комфортного жилья, элитной парфюмерии и т. д.). Традиционные ценности (семья, любовь, дружба, порядочность и т. п.) в число источников удовольствия и счастья не включаются, вследствие чего можно сделать вывод о том, что виртуальная картина действительности, в отличие от «старших» КМ, не отличается равномерностью и формируется, в первую очередь, за счет фрагментов, отражающих реалии материального мира. В сравнении с обыденной или научной картинами мира она выглядит хаотичной и абсурдной, а мироустройство представляется отчасти алогичным (ср. названия магазинов: «*Центр паркета*», «*Академия плитки*» и др.).

Составные наименования имеют самое непосредственное отношение и к формированию **медиальной картины мира**, поскольку обладают широкой вариативностью в области синтагматики, а вследствие этого – повторяемостью, которая способна исподволь влиять на сознание человека. Это подтверждается тем, что за последнее время в СМИ произошла трансформация терминологии описания военных конфликтов. Вместо привычных слов *военная операция, вторжение, атака, нападение, агрессия, захват власти, военный переворот* и др. используются составные наименования *миротворческая операция, антитеррористическая операция, гуманитарная миссия, контроль над ситуацией*, хотя объект номинации остается неизменным.

Проблемы концептуальной эволюции: механизмы переходности

Л. А. Шестак

Волгоградский государственный педагогический университет

Концепт, эволюция, цивилизационные смыслы, языковая личность

Summary. Terms and metaphors as the historical forms of outlook are the ABC of modern poetics and conversation. They are containers of cultural information. Civilizations' senses in modern Russian discourse are the result of creative linguistic mechanism evolution.

Культура как жизнь человека в устойчивых формах и «не-наследственная память коллектива» (Ю. Лотман) является экспликацией представлений *homo sapiens* об окружающем мире. Схемы структуры и телеологии мира воплощены в вербальных знаках, сочетаниях звуков и цветов, архитектуре, художественных стилях. Определяющая формы бытия экономика формулирует **идеологию** как *идею экономики* (общинное землевладение – равенство граждан античного полиса), идея оформляется в **стиль** как *эстетику идеологии*, семиотические «одежды»: античный классицизм с его подражанием обожествляемому космосу, идеалом общественного служения, четкими формами антитезы, конфликтом полярных противоречий и его разрешения в пользу добра. Вербализованные понятия эпох и стилей передаются эстафетой культуры, в том числе эволюционируя. Не изменивший своей функции *виадук* сохранил и в наше время свое значение и форму. Многие же имена эпох и стилей (понятия античности *патриций, гармония, идеал, кентавр, одиссея*; понятия средневековья *грех, вина, покаяние, иезуит, инквизиция, индульгенция, миссионер, шут, балаган, марионетка, фарс, схоластика*; выработанные Ренессансом понятия *личности, индивидуального, тривиального, путешествия, уто-*

пии, эссе, донкихотства, введенные Новым временем понятия *атома, механики, вакуума, гравитации, аскетизма, пира во время чумы, профессионализма, природы как Книги мира и мира как Театра*) функционируют в языке и в качестве образных выражений: *Пусси сидела в своей знаменитой египетской позе, не шелохнувшись* (Л. Улицкая); *Лес ... стоит в сетях, как стенает в сонатах Стальной гладиатор орана* (Б. Пастернак); *И за это за все – как казнят черно-книжницу – Привезу тебя к утреннему крыльцу, Погляжу в дорогие глаза злоумышленницы, На прощанье губами переkreиу* (А. Вознесенский); *Ели принесенный кем-то из гостей многоярусный торт в кремовых оборках, барочный и приторный* (Л. Улицкая). Концептуализация, ценностное осмысление **цивилизационных смыслов** – названий достижений конкретной цивилизации, используемых человечеством, лексикографически фиксированы: *Плебей* [лат. plebejus] 1. 'в Древнем Риме: представитель низшего сословия, лично свободный, но лишенный возможности пользоваться политическими и гражданскими правами и не владеющий общинной землей (в противоположность патрицию)'. 2. 'в Западной Европе в средние века: представитель городской бедноты'. 3. 'человек недворянского происхождения, выхо-

дец из низших сословий (именовавшийся так в дворянских кругах)». 4. Разг. «о человеке невежественном, с грубыми, вульгарными манерами» [1, 840].

Закономерностями семиотической эволюции являются сохранение формы при деактуализации ряда признаков и рокировке базы и следствий [3, 21–28]. Действие общих законов семиозиса подтверждается терминологическим и различным употреблением цивилизационных смыслов русской языковой личностью. Это «траектория» развития идей, отражающих мировоззренческий и кодирующий его языковой «алфавит» эпох. Проиллюстрируем семиотический примат формы, деактуализацию исторических признаков и рокировку базы и следствий.

Векторами бытования *цивилизационных смыслов* являются следующие: I. Константность формы и содержания – 1) константность формы и состава денотативных сем: *акведук* [от лат. *aqueductus* – водопровод] «сооружение в виде моста, служащее для перевода водопроводных труб, оросительных и гидроэнергетических каналов через глубокие овраги, ущелья, долины рек, железные и шоссейные дороги» [1, 32]; 2) константность переосмысления, превращающая метафору в средство исторической поэтики: *государственный корабль* («Наши отцы управляли государственным кораблем, а мы – его обломками!») [2, 432]; II. Трансформация формы: вертикальная черта в тексте как знак паузы – запятая как знак паузы; III. Трансформация формы и смысла – 1) с утерей ВФ (угасанием потенциальных сем) и изменением денотативных: *Мусей* «дом Муз» [2, 495] – *музей* [от греч. *Mouσeïon* – храм муз] 1. «учреждение, собирающее, хранящее и выставляющее на обозрение памятники истории, искусства, культуры, науки, техники и других областей, сфер деятельности общества; 2. «о чем-либо, где имеется много редких вещей, памятников искусства» [1, 562]; 2) с изменением состава денотативных сем: *Мавзолей* «гробница малоазиатского царя Мавзола» [2, 418] – *мавзолей* [греч. *Mausōleïon*] «большое надгробное архитектурное сооружение» • Так называлась знаменитая гробница карийского царя Мавсола, отличавшаяся своим великолепием (в древности считалась одним из семи чудес света) [1, 511]; 3) с переходом части денотативных сем в коннотативные: *Гог и Магог* «народы; женщин у них нет, едят сырое мясо и пьют кровь убитых; Александр Великий прогнал их за высокие горы; когда они выйдут отсюда, настанет конец света» [2, 488] – *Гог и Магог* (*гог-магог*), *гога и магога* (*гога-магога*)

1. «о ком-л., внушающем ужас своей свирепостью; 2. о ком-л. влиятельном, всемогущем. • В иудейской, мусульманской и христианской мифологиях: название двух диких, свирепых народов (по имени ассирийских царей Гога и Магога), внушавших ужас своим беззаконием (иносказательно: антихрист и слуги его) [1, 213]; 4) с метонимическим переосмыслением и переходом части денотативных сем в потенциальные: *Атлас, Атлант* «титан, поддерживающий небесный свод на краю земли» – *Атласские горы* – *Атлантический океан* – *атлас* «географическое издание»; 5) с метафорическим переосмыслением и угасанием потенциальных сем: *разрубить Гордиев узел* «узел каната из кизиловой кожи, которым было привязано к ярму дышло колесницы царя Гордия; развязавший узел должен был унаследовать власть над всей Азией; Александр Великий разрубил его мечом» [2, 474]; 6) последовательное метафорическое и метонимическое переосмысление: *держава* «глобус» [2, 520] – *держава* 1. «независимое государство, ведущее самостоятельную политику». 2. Устар. «верховная власть; владычество». 3. Ист. «Золотой шар с колонной или крестом наверху как одна из эмблем власти монарха» [1, 252]; 6) появление коннотативных сем: *идиотес* «частное лицо» – *идиот* [2, 463] – *идиот* 1. «человек, страдающий идиотией, слабоумием» 2. Бранно. «дурак, болван, тупица» [1, 375]; 7) появление потенциальных сем: *эллин / варвар* («не предаю ни Херсонеса, ни укреплений, ни окрестностей его ни эллину, ни варвару» [2, 434]. Прослеживается при этом и инверсия база / следствие: *кентавр* «мифическое существо, полуволк-полукобель» – «гибрид». Как видим, востребованные в неизменном виде реалии не меняют формы и содержания называющих их знаков (*акведук*). Имена же деактуализированных реалий подвергаются значительной семантической трансформации. Общим вектором эволюции цивилизационных смыслов является их расширение и переосмысление как механизм приспособления к новым эпохам, перехода из имен экономики и политики в метафоры, средство поэтики, стиливые эмблемы.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.
2. *Гаспаров М. Л.* Занимательная Греция. Рассказы о древнегреческой культуре. М., 2005.
3. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.

Когнитивная организация концепта «интерес»

С. А. Шишкина

Тюменский государственный университет

Эмоциональный концепт, фрейм, ядро концепта, периферийные признаки концепта

Summary. The article focuses on the cognitive structure of the concept of interest, describes the elements which constitute the frame of this emotion in the Russian language.

К настоящему времени написаны десятки работ, в которых говорится о концепте. Однако понимание содержания этого термина у разных исследователей разное. Проще всего определить это многогранное явление как «глобальную мыслительную единицу», «квант структурированного сознания».

Концепты могут классифицироваться по своей тематике. Они образуют эмоциональную (такие концепты, как *радость, страх, удивление, любовь, презрение*), образовательную (*школа, оценка*), интеллектуальную (*ум, мышление, понимание*) и др. концептосферы. Могут выделяться концепты, функционирующие в том или ином виде дискурса: педагогическом, религиозном, политическом.

Предмет нашего исследования – концепт *интерес*, принадлежащий к сфере интеллектуальной и эмоциональной деятельности человека.

Интерес занимает особое место в ряду человеческих эмоций. Он управляет восприятием и мышлением человека, фокусирует его внимание. Оставаясь эмоцией, он имеет непосредственное отношение к интеллектуальной деятельности человека. Кроме того, научный дискурс немаловажен без выражения «Х представляет интерес», открывающего многие исследования.

Как и все эмоциональные концепты, «интерес» имеет сложную структуру, включающую в себя суммарное человеческое знание, представление об эмоции интереса, самом человеке как ее субъекте и ее возможных объектах.

В первую очередь нужно отметить, что лексема *интерес* многозначна. Многочисленные составляющие ее компоненты значения распадаются на две группы: *внимание, любопытство, важность, значение, привлекательность* с одной стороны и *прибыль, выгода, польза, нужды, корысть* с другой. Слова второй группы, объединенные общим значением материальной заинтересованности, не имеют отношения к рассматриваемому нами концепту.

Концепт «интерес» моделируется в виде фрейма. Языковое обозначение фрейма «интерес» представлено в виде ядерных и периферийных признаков.

В силу того, что когнитивные структуры являются как бы скрытыми и не даны нам в непосредственном ощущении, для выявления когнитивно-семантической структуры какого-либо концепта необходимо в первую очередь выявить лексические средства, связанные с данным концептом. Проведенный анализ словарных дефиниций лексем «интерес» и «интересный», их синонимов показал, что ядро концепта «интерес» на лексическом уровне составляют признаки *вни-*

мание и энтузиазм, увлеченность, воодушевление. Большинство дефиниций указывают *внимание* как основное номинативное значение лексемы *интерес*. Мы обращаем внимание на окружающие нас предметы и явления очень избирательно. Именно эмоция интереса фокусирует *внимание* человека, при этом он испытывает *энтузиазм* и *увлеченность* в большой или малой степени.

Концепт «интерес» также включает в себя периферийные признаки, такие как *мотивация (деятельности, особенно учебы); развлечение; праздность (праздное любопытство); новизна; привлекательность, красота; желание, особенно желание узнать что-либо; важность, значение; необычность, отклонение от нормы; симпатия, влечение, любовь; кругозор*. Здесь эмоция интереса эксплицируется в переносных значениях или контекстах употребления.

Особо выделяется совокупность признаков «интересного» объекта (*яркий, необычный, занимательный, важный, значительный*).

В структуре концепта «интерес» также присутствует ценностная составляющая. В периферийных признаках *краси-*

вый, привлекательный, занимательный четко выражена положительная оценка интереса. Мотивирующим основанием для такой оценки является, во-первых, положительное отношение к познанию, расширению кругозора. По классификации частнооценочных значений Н. Д. Арутюновой это явление относится к группе интеллектуальных оценок (*интересная книга*). Во-вторых, положительную оценку обеспечивает удовольствие, получаемое от знакомства с новым, занимательным, захватывающим, что является гедонистической оценкой. В примерах к словарным дефинициям можно встретить и выражение *интересная женщина*. В такой коннотации появляется значение эстетической оценки.

По мнению В. И. Карасика, одним из важных признаков концептов является их антиномический характер, наличие бинарной оппозиции, например, *жизнь – смерть, любовь – ненависть, истина – ложь*. В структуре концепта «интерес» присутствует оппозиция *интерес – скука*.

В целом, концепт «интерес» является малоизученным, но очень важным для комплексного описания языковой картины мира.

Национальная картина мира и религиозный текст

И. Н. Щукина

Пермский государственный университет

Перевод сакрального текста, проблема выбора лексики, обусловленность выбора, национальное сознание

Summary. The paper deals with the problem of Russian mentality and sacral texts interrelations.

Общеизвестно, что переводные богослужебные тексты сыграли определяющую роль в становлении и развитии многих европейских литературных языков. Основанием появления литературного языка, в частности у славянских народов, принято считать перевод Священного писания. Такие переводы представляли собой собственно интерпретацию одного и того же текста, который, являясь сакральным для носителей языка, не допускал по отношению к себе вольного обращения. Все же при переводе на национальные языки текст приобретал специфические, связанные с представлениями о мире (следом за Хайнцем фон Форстером назовем это *конструктом мира*), созданными носителями той или иной культуры, особенности, обусловленные рядом факторов как лингвистического, так и общекультурологического характера.

Объектом нашего исследования в качестве фрагмента конструкта мира является функционирование старославянского слова «*труждающиеся*» в переводном Евангелии от Матфея (Мф. 11. 28). Исходя из двуединого, неразложимого представления о слове как единстве формы и содержания, примем на заметку также и тот факт, что при нарушении равновесия этих двух составляющих, т. е. в момент, когда одно из них становится менее значимым, чем обычно, естественно, главенствующим становится вторая часть двуединства. Там, где заканчивается смысл, начинается диктатура формы, и там, где меняется форма, инициатором этого изменения является смысл. В любом случае этот процесс связан с конструктом мира, эксплицированным вербальными элементами языковой картины мира. Нельзя отрицать, что при заимствовании слова из языка-донора такая диспропорция наиболее вероятна.

Несмотря на хождение в социуме до десятка переводов Библии на современный русский язык, распространяемых чаще всего исповедниками различных христианских конфессий, православные и католики в России пользуются переводом 1861 года, величественным, полным архаизмов и старославянизмов, что делает повествование о жизни Христа незбылемым. Каноническим вот уже на протяжении почти ста пятидесяти лет считается именно этот перевод. Представляется, что нежелание канонизировать текст Библии на современном русском языке, вызывает не только уважение, но и стремление понять, на чем основано такое нежелание.

Слово «*труждающиеся*», интерпретируется современными носителями языка как абсолютный синоним слова «*трудящиеся*» или *трудолюбивые* за очень низкую оплату, а поэтому «*трудолюбивые + нуждающиеся*». В современных словарях это слово (за исключением переизданий словаря В. И. Даля) отсутствует. Словари же, изданные до 1917 г. имеют в сло-

варных статьях «*труждающиеся*» сему «*безвозмездный труд во имя Бога*», утратив, однако, к началу XX в. указание на конкретный труд. До 1816 г. это было указание на труд копателей могил.

Евангелие от Матфея, переведенное на русский язык, сохранив внутри текста значительное количество старославянизмов, круг призванных Господом значительно сокращает. В то же время в сознании русского православного христианина *любой* человек, верующий в Бога, с честью переносящий испытания, выпавшие на его долю, много работающий для того, чтобы жить достойно, не греша и не покушаясь на имущество другого, имеет право надеяться на Царствие Небесное, где за это «*воздастся сторицей*».

Православие, являясь ортодоксальным направлением христианства, неуклонно придерживается Традиции первых христиан, очевидно, стремится сохранить в неприкосновенности слово Господне, переданное нам апостолами. Многие переводчики Св. Писания отмечали бедность и убогость первоначального текста. Так, Августин Блаженный свидетельствует: «*Язык Писания показался мне бледным и грубым, не идущим ни в какое сравнение с языком Цицерона*».

Вопрос о точности перевода стоит перед человечеством уже несколько столетий. Занимаются им, в первую очередь богословы. Мнение игумена Иннокентия, предварившего русский перевод полиглотты Евангелия от Матфея, изданного на четырех языках, приведем здесь. «*Следует отметить, что о. Герасим Павский, так же как и его коллеги по переводческой деятельности и их позднейшие редакторы, в своей работе достаточно широко ориентировались на церковнославянский перевод. ...порой он даже служил аргументом в пользу правки первоначального русского перевода евангельского текста. При этом правщики склонны были давать предпочтение славянской традиции даже там, где это не имело принципиального значения с точки зрения верности или литературности перевода*» [Иннокентий, 232]. Сравнительный анализ переводов 28 стиха 11 главы Евангелия от Матфея показал, что только русский перевод содержит указание на достаточно ограниченный круг имеющих возможность спастись. Результат исследования дает нам право отметить, что в русском переводе Евангелия от Матфея использовано слово с более узким значением, чем в переводах на другие языки.

Очевидно, что выбор между «*труждающимися*» и «*трудолюбивыми*» был сделан в пользу первого варианта сознательно. Дело даже не в том, что язык Писания «*бледен и скуден*». Скорее всего, здесь мы имеем дело с иллюстрацией конструкта мира, который был создан русским сознанием, конструктом, в котором четко разграничены две ипоста-

си – духовная и материальная. В материальном – деревянные избушки, грязные улицы, тяжелый труд, как средство спасения там, «на Небесах», и прекрасные высокие чистые, золоченые храмы, где от красоты щемит сердце и на глаза наворачиваются слезы, где поют, как в раю, где можно представить себе, как будет там. А повседневная жизнь, материальный мир воспринимался (и воспринимается?) как необходимое место страдания. Чтобы заслужить себе место там, нужно претерпеть здесь. Значит, и необязательно, более того нельзя здесь жить комфортно. Комфортная жизнь не пойдет в зачет. Терпение – вот главный залог успеха, билет в рай, на небеса.

Известное высказывание М. В. Ломоносова, не вполне соответствует национальной картине мира. На русском и с друзьями, и с неприятелем, и с женским полом говорить прилично, а с Богом – нет! Потому что русский человек верит сердцем (душой), а западный – головой. Только для русского сознания ответы на важные вопросы православное Богословие «предполагает уже решенными *предварительно*» [Макарий, 7]. А потому нам и неважно, какими словами передана для нас Благая весть.

Православный верующий Святое Писание, в отличие от верующих других конфессий, чувствует, а не понимает. Поэтому, вербализируя свое чувство, смиряясь с тем, что во всем объеме Слово Божие простому человеку все равно недоступно, спокойно в своем сознании подменяет непонятное старославянское слово понятным, старославянским же, но с более широким значением, считая, что непонятное более красиво, и только. Форма слова «труждающиеся», будучи лишь внешней оболочкой, получает новое наполнение. И русское сознание не видит здесь противоречия.

Известно, что тип любого общества во многом определяется той системой ценностей, которая в нем принята и которая лежит в основе национального характера, зная их можно уточнить и конкретизировать само понятие «национальный характер», что поможет понять, насколько устойчиво основание создания, конструирования этой системы. «Устойчивость ценностей придает устойчивость обществу и нации, поэтому приблизиться к пониманию сути русского национального характера мы сможем лишь тогда, когда вычленим тот набор ценностей, носителем которых является русский народ» [Владиминова].